

Гербер Иван

МОЯ БИОГРАФИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение. Мои предки	6
Мои дедушка и бабушка с отцовской стороны	9
Рорграбен	12
Мои родители	15
Моё детство	17
Марксштадт.....	32
Как это произошло	34
Как это было	42
Моё возвращение из трудармии	54
В колхозе	59
Женитьба	61
«Фашист и вредитель»	63
Опять дома	68
Наш сын	69
Вечерняя школа. Новые конфликты	70
Наконец свободны. Мы меняем место жительства	72
Новое несчастье	74
В Киргизии	77
Учёба в вузе	80
Последние дни	81
Моя работа в Киргизском Государственном университете.....	82
Новое начало	85
В Германию	87
Наконец-то в Германии.....	96
На новой родине	99
Поездка на Волгу (Осень 1996 года)	104
Путешествие на Волгу в 1997 году	116
Наш правнук Максимка	120
Послесловие	122
Список источников	124

Предисловие

Мысль об исследовании моей родословной, т.е. истории моей семьи, семьи Гербер (по-немецки: Herber), появлялась у меня давно и уже не один раз. Толчком для этого служили рассказы моего отца о своих родителях, о их родственниках и их жизни. Эти рассказы я позже мог сделать основой для своих исследований, хотя отец кое в чём и ошибался. Я не раз пытался осуществить свои планы, но каждый раз меня удерживало то, что я слишком мало знал об этом и, кроме свидетельств о смерти моих родителей, никаких документов на руках не имел. Но самым страшным было то, что у меня не было никакого представления о том, как начать такую работу, с какого конца подойти к ней. Я и теперь не намного больше знаю, кроме немногих сведений об общей истории немцев Поволжья. Эти сведения я достал из нашей районной библиотеки в Детмольде. Я выписал через заочный сектор из разных библиотек Германии сотни книг, журналов и отдельных статей и самые важные из них скопировал. К сожалению, я ничего не смог достать из библиотек России, там очень много литературы по истории российских немцев на русском языке. Но я понимаю, что я должен спешить, если я намерен завершить начатое (даже если это будут только отрывки). И мои записи будут единственным наследством, которое я смогу оставить своим потомкам, или потомкам моей теперешней родни. Другого богатства (деньги, например), которое многим, конечно, было бы милее, у меня не имеется. Эти мои соображения я часто в жарких дискуссиях вынужден защищать перед моей теперешней роднёй, которая почти единогласно утверждает, что мои записи, и все мои старания никого интересовать не будут. Они, конечно, отчасти правы. И тем не менее я верю, что через 10, 50 или 100 лет кто-нибудь, кому попадут эти записки в руки, ими заинтересуется. Как бы я сегодня обрадовался, если бы я нашёл такие рукописи, которые один из моих предков, такой же фанатик, как я, записал и оставил потомкам. А в нынешнее время, когда самосознание моих земляков, российских немцев, переживает настоящее возрождение, вероятность, что моё старание и мой труд не напрасны и кому-нибудь пригодятся, больше, чем когда-либо.

Введение. Мои предки

Значит, я должен встряхнуться и начать работу, даже, если это будут только отрывки из воспоминаний и документов.

Ещё до 1941 года, до Второй мировой войны, мой отец мне часто рассказывал о своём детстве, о своих родителях и родственниках. Герберы, т.е. его родители и прародители со стороны отца, жили в селе Боаро (ныне: Бородаевка), которое и сегодня ещё существует на луговой стороне (левое побережье Волги), 10 км от районного центра Маркса (раньше: Марксштадт), в степи.

Слово Боаро происходит из французского и переводится примерно как Красный лес. Почему тогдашняя колония получила такое название, мне не известно. Автор книги «Немецкие колонии на нижней Волге и их возникновение» Берац пишет, что эта колония образовалась 7 июня 1767 года. Тогда там проживало 109 семей с 281 жителем обоего пола. В 1912 году там было уже 6063 жителя. Боаро относилось тогда к Николаевскому уезду Самарской губернии и расположилось на берегу Малого Карамана (левый приток Волги). В то время все колонии на левом берегу Волги относились к Самарской губернии, колонии на правом берегу – к Саратовской. Почтовая станция для Боаро находилась в Екатеринштадте (Баронск, Марксштадт, ныне: Маркс).

Первые семьи с фамилией Herber (во всяком случае наши предки), которые приехали из Германии на Волгу, жили не в Боаро. Мой отец всегда рассказывал, что наши предки, вдова по фамилии Herber с 10 – 12 летним сыном, прибыли в Боаро с нагорной стороны, т.е. с правого берега Волги. Когда точно и из какой колонии – этого отец тоже не знал. По рассказам отца мальчика звали Карлом. Из документов, найденных в архиве гор. Энгельса, я установил, что его звали не Карлом, а Johannes.

Готлиб Карл звали его старшего сына. У этого Иоганнеса, родоначальника наших Герберов, потом было 6 сыновей и 5 дочерей. Второй сын, по имени Христиан, был моим прадедом. Это подтверждается документами. (Более конкретную связь между моими предками и родственниками я покажу потом при составлении родословной.)

Мой прадед Христиан родился 6 декабря 1831 года в Боаро. Женат он был на Катерине Христиане Каппес (по другим источникам её звали Мария Христиана). Год вступления в брак неизвестен. Согласно ревизионной сказки (список переписи населения) села Боаро за 1883 год у них было 3 сына и дочь: 1) Иоганнес – 1864 года рождения; 2) Саломон – 1869 г.; 3) Давид – 1871 г.; 4) дочь Берта – год рождения неизвестен.

Саломон умер в 1888 г., значит около 18 лет. О дочери Берте никаких данных больше нет. Давид, рождённый в 1871 году, был родоначальником всех Герберов, которые до выезда в Германию жили в деревне Каирма в Киргизии. Старший сын Иоганнес был моим дедом с отцовской стороны.

Итак, о моём прапрадеде Иоганнесе, о прадеде Христиане и о деде Иоганнесе у меня имеются, хотя и немногие, данные, подтверждённые документами. Из устных источников я знаю, что и дед и прадед были крестьянами, но оба за всю свою жизнь богатства не нажили, еле – еле смогли прокормить свои семьи. Дед часто нанимался подёнщиком у более богатых крестьян; он был даже вынужден отдавать на работу своих малолетних детей за пропитание. Как прадед, так и дед были большого роста и очень сильные мужики. О их силе среди земляков ходили легенды. Деда в деревне звали не иначе, как „de große Harber“ («большой Гербер»). Но характером они были совершенно разные люди. Прадед был очень злым человеком и в семье настоящим деспотом. О нём рассказывали, что он «воспитывал» своих взрослых сыновей и снох кнутом в присутствии всей семьи. А дед, наоборот, был тихим, спокойным и очень терпеливым человеком. Он абсолютно всё терпел от отца, безропотно и без возражений, хотя и ростом и силой он его намного превзошёл. Он использовал свои силы только в чрезмерной работе. Рассказывали, что, если лошадь с возом застревала в снегу или в грязи, то он её спокойно выпрягал и вытаскивал воз сам. Такая нечеловеческая работа и привела его сравнительно рано в могилу. О нём впереди ещё пойдёт речь.

Значит, родоначальника моих предков-Герберов в селе Боаро я нашёл. В Саратовском архиве я нашёл документы о трёх семьях-Герберов, которые, во всяком случае частично, приехали из Германии и поселились в колонии Буйдаков Буерак (Шваб) на правом берегу Волги между Саратовом и Камышином. Эти семьи встречаются и в списках семей-Герберов, которые мне прислали из Петербургского архива. Там значатся 4 колонии, где в 1798 году проживали Герберы, из них только Буйдаков Буерак находится на правом берегу Волги. Поэтому я своих предков и ищу в этой колонии. Но теперь возникает вопрос: которая из этих трёх семей является нашей родоначальницей? По моим соображениям один из 6 сыновей в этих семьях может быть отцом нашего родоначальника Иоганнеса в Боаро, т.е. моим прапрапрадедом. Но кто из них? Этого, к сожалению, мне до сих пор установить не удалось. Для этого надо ещё разыскать в архивах Саратова, Энгельса и Самары ревизские сказки следующих ревизий: № 5 (за 1783 год), № 7 (1816 г.) и № 8 (1834 г.) по колонии Буйдаков Буерак; № 6 (1798 г.), № 7 (1816 г.) по колонии Боаро. Можно ещё и

поискать в церковных книгах в Германии, чтобы найти дополнительные данные о выехавших в 1766 году из Германии на Волгу, особенно из Гессена. Думаю, что большинство Герберов выехали именно из Гессена. И сегодня в Гессене проживают большинство Герберов Германии. Из 1350 семей с фамилией Herber свыше 370 проживают в Гессене.

В России очень трудно фамилию Herber отличить от фамилии Gerber. Так как в русском языке нет буквы и звука h, то все фамилии и имена с этой буквой пишутся через г (сравни: Heinrich Heine – Генрих Гейне). В России встречаются и немцы с фамилией Gerber. Так что не каждая фамилия Гербер по-немецки должна быть Herber, но и не обязательно Gerber.

Чтобы собрать все эти данные, которыми сейчас располагаю, я написал сотни писем в различные церкви, архивы и частным лицам, как в Германии, так и в России. Я посетил сам некоторые из этих учреждений, был шесть раз в архивах Саратова, Энгельса и работал там, посетил некоторые деревни на Волге, музеи в городах, беседовал с десятками жителей. Но мне, наверно, придётся ещё не раз поехать туда, так как именно там скорее всего можно что-то найти, хотя это и связано с большими материальными затратами и стоит больших хлопот.

Ну а теперь вернёмся назад, к временам и лицам, о которых я имею некоторые письменные данные, устные сообщения и личные воспоминания.

Мои дедушка и бабушка с отцовской стороны

Мой дедушка Иоганнес, по прозвищу *Большой Гербер*, родился 26 декабря 1864 года в селе Боаро. Он принадлежал к бедному слою крестьян. Где семья его в Боаро жила, в каком доме, мне не известно. Мои поиски этого дома, или места, где он стоял, не увенчались успехом. Переселение немцев с Волги в 1941 году стёрло многие следы.

Согласно ревизской сказке за 1883 год мой дед в 1885 году женился на Анне Катарине Бауер. Там речь идёт и о сыне-первенце Иоганнесе, который у них родился в 1886 году, но уже в 1887 году умер.

С первой женой у дедушки, по рассказам моего отца, было ещё трое детей. Это были два сына: Давид (1891 – 1943 г., дед Кати Хюберт, Зельмы Пейс и Эллы Розенфельд); Иоганнес (год рождения неизвестен); и дочь Паулина. Её данные тоже неизвестны. Только известно, что она некоторое время была замужем за Нойвиртом Фридрихом. Когда она умерла, у неё осталась девочка-сирота, наша тётя Лида, как мы её потом звали (мать вышеназванных Кати, Зельмы и Эллы), которая воспитывалась у своего дяди Давида. Судьба Иоганнеса мне совершенно неизвестна.

Что случилось с первой женой дедушки, когда и как она умерла - мне тоже неизвестно. Даже точное её имя неизвестно. По устным преданиям, она была женщиной довольно своенравной, и ей трудно было вжиться в грубую семью Герберов, где царили домоостроевские порядки, и у неё часто возникали конфликты с родителями мужа.

Около 1904 года дедушка женился второй раз – на Марии Сюзанне Кучер из соседнего села Беккердорф (раньше: Эрнестинендорф, сегодня : Берёзовка). Бабушку Сюзанну я ещё сам хорошо знал. Во время войны она жила одна с трёхлетней внучкой Ирой (дочерью дяди Адольфа и тёти Амалии) в сибирской деревне Большой Енисейск в Алтайском крае. Сын пропал на фронте, а сноха была мобилизована в трудармию. Рядом с ней жил отец снохи, дядя Густав Шмидт, со своей семьёй. Они и помогали ей, а когда она умерла, и похоронили её. Сестра снохи Амалии, Евгения, в то время

часто бывала у бабушки, даже иногда ночевала у неё. В долгие зимние вечера бабушка рассказывала, что наш дедушка был у неё тоже уже вторым мужем. Её первый муж работал молотобойцем в кузне её отца. Она не любила своего первого мужа и вышла за него только потому, что этого хотел её отец. Её отец Петер Кучер был маленький мужичок, но в селе признанный кузнец. От первого мужа у бабушки была дочка, которая ещё ребёнком умерла. Первый муж бабушки был призван на военную службу и оттуда не вернулся. В это время они жили в Сибири, недалеко от Омска. После смерти дочери семья бабушки вернулась на Волгу. Но когда это было, пока неизвестно.

В 1903 или 1904 году бабушка вышла замуж за нашего дедушку, «Большого Гербера». 13 января 1905 года по старому стилю в селе Боаро родился мой отец Александр Гербер. В 1907 году вся семья и ещё 10-12 семей из Боаро переехали жить в Сибирь. Они ехали на лошадях и крытых повозках, со скотом и всем домашним имуществом. Ехали они 2,5 месяца, останавливаясь на обед, чтобы покормить лошадей и приготовить еду. По воскресеньям они останавливались на отдых. Женщины стирали бельё, а мужики чинили сбрую и телеги. Скот отдыхал. Если они отдыхали вблизи какой-нибудь деревни, то женщины пекли там хлеб. В дороге большинство молодых мужчин ехало верхом на лошадях, вооружённые охотничьими ружьями. Когда они ехали через казахско-киргизские степи, небольшой отряд на хороших лошадях и хорошо вооружённые всегда ехали 5-6 км впереди, чтобы разведывать окрестность, потому что там они всегда должны были рассчитывать на нападения кочующих полудиких киргизов. Киргизы угоняли лошадей, а иногда и другой скот. Тогда переселенцы вынуждены были останавливаться на 2-3 дня и отбить свой скот. Большей частью это удавалось, но случалось также, что ворованный скот пропадал навсегда.

Обоз прибыл в Омск поздно осенью 1907 года. Семья моего деда остановилась в селе Александровка, 60 км от Омска. В то время жители называли эту деревню «Кошкель». Но так называлось вообще-то небольшое озеро возле деревни. («Кошкель» на тюркском языке означает примерно: «Добро пожаловать, озеро»). Озеро давно исчезло, и сегодня мало кто ещё знает слово «Кошкель». Я не знаю, у кого, или где там жил тогда дедушка со своей семьёй. Но, наверно, в деревне жили ещё родственники или хорошие знакомые нашего деда. Я только хорошо помню, как отец рассказывал, что дед нанимался работником у богатых крестьян, чтобы прокормить семью. И старшие дети должны были работать. Когда отцу было 5-6 лет, он верхом на лошади пас скот. Во время уборки он, также верхом, целый день молотил хлеб, пшеницу или рожь. Лошадь тянула большой восьмигранный камень по раскиданному на току хлебу (тогдашний способ молотыбы). Об этой работе отец очень часто рассказывал. Он никак не мог забыть, что крестьянин, у которого он работал, обещал ему купить новые штаны, когда протрутся старые о спину лошади, и не купил их. А отец ходил в рваных штанах.

Когда семья после нескольких лет тяжёлого труда и лишений немного выкарабкалась из нужды, в Сибири начался хаос революции и гражданской войны, лишивший людей последнего имущества. Многие годы нечеловечески тяжёлого труда сделали деда больным и усталым. Он боялся, что он может вдруг умереть и оставить жену и детей одних на чужбине. Для него Сибирь так и не стала Родиной, его Родина была на Волге. Для детей это, может быть, было по другому. Мой отец приехал в Сибирь двухлетним ребёнком. Младшие его братья (Петя – с 1910 года, Адольф – с 1915 года) даже родились в Сибири. Согласно справкам, которые я получил из омского архива, у бабушки там родилось ещё два сына: один Генрих в 1913 году, и потом ещё один Генрих в 1919 году. Оба, наверно, умерли ещё в младенчестве. О них ничего больше нигде не сказано, и о них никогда ничего не говорили. Единственной целью и

единственным стремлением дедушки было: «Отвезти детей на Родину, чтобы они после его смерти не проклинали его косточки».

Летом 1923 года всё было продано: клочок земли, домишко, скот и домашний скарб, и Сибирская железная дорога повезла их на Волгу, опять в Боаро, откуда они 16 лет тому назад выехали. В Боаро они пробыли всего несколько дней. Дед купил на хуторе Рорграбен (в документах и на картах этот хутор всегда значится почему-то «Бауерграбен»), в 30 км от Боаро в степи, саманную избушку и 18 десятин земли (1 десятина равна 1,09 га). Едва они там устроились, дед заболел. **3 августа 1923 года он умер от лихорадки. Похоронили его в селе Боаро.**

Рорграбен

Место моего рождения «Рорграбен» (в официальных документах и на картах известно под названием «Бауернграбен») находилось в степи, в 30 км от села Боаро. Рорграбен возник из нескольких участков и отдельных дворов, которые основали более богатые крестьяне из большого села Боаро, когда вокруг «материнской» колонии земли для быстро растущего населения уже не хватило. Такие выселки по русскому образцу назывались «хуторами». Посёлок находился внутри целой сети оврагов и ручейков, поросших камышом („Schilfrohr“) и впадающих в «Малый Караман» (левый приток Волги). Когда именно этот посёлок возник, мне неизвестно. Крестьяне из Боаро в этой окрестности образовали несколько таких хуторов. Они там жили только во время посевной, сенокоса и уборки. Зимой здесь находились обычно только скот и работники. Только позже люди поселились здесь на постоянное жительство. Но, во всяком случае, когда мой дед в 1923 году после своего возвращения из Сибири купил здесь участок земли и саманную избушку, это была уже небольшая деревушка. Но, особенно зимой, здесь было ещё дико и скучно. Здесь не было ни мельницы (без которой крестьянин обходиться не может), ни лавки, ни почты, ни правления. На мельницу, в лавку и на почту крестьяне ездили в Боаро или в Катариненштадт. И за луговым сеном или куском дерева крестьяне вынуждены были ехать на луга этих двух колоний. Деревня по настоящему начала развиваться лишь, когда были образованы колхозы. Колхоз, который организовали здесь, получил имя Тельманна. Открыли школу (с одним единственным учителем), небольшую лавку, где люди могли покупать керосин, соль, спички и другие товары первой необходимости. Было и колхозное правление. Но сельсовет находился в посёлке «Киппель» (курган), в трёх км по направлению Боаро. (Посёлок этот сегодня тоже больше не существует).

Жизненно важным сооружением являлся пруд. Из деревенского пруда брали воду для посадки капусты и свёклы, для полива грядок в домашних огородах, летом и зимой здесь поили скот. Деревенское стадо в обед здесь отдыхало. (Скот в обеденное время пригоняли сюда, он утолял свою жажду и отдыхал в жаркое время дня. Но тени здесь, к сожалению, тоже не было. Сюда приходили в обед хозяйки доить своих коров.) Из пруда возили воду на поля, чтобы выливать сусликов из норок. Этих зверьков надо было, во-первых, уничтожить, так как они приносили большой вред хлебам на полях. Во-вторых, они в голодные годы служили некоторым людям «мясной добавкой» к овощам с огородов (а голодных было больше чем сытых). Но самой главной целью, которой служил пруд (особенно для нас пацанов), было купанье. Мы целыми днями не выходили из воды. Вечером часто после работы приходили и взрослые и наслаждались в прохладной воде. За прудом, на более или менее ровной площадке изготовлялся саман для строительства. Позже здесь колхоз сажал капусту (благо вода была рядом).

В деревне первоначально было два колодца, где сельчане брали питьевую воду. Оба находились за прудом и были очень глубокие. Воду доставали при помощи длинной цепи, которая скреплялась к деревянному воротку. Вороток вращался при помощи рукоятки, сматывая или наматывая цепь, к которой скреплялось ведро. Один колодец находился прямо перед усадьбой деда Меркера, второй – дальше внизу за дамбой под огромной старой ивой (кстати, единственным деревом во всей деревне). Отсюда уже в моё время (середина 30х годов) редко брали воду, так как сруб колодца был уже очень ветхим и к нему было опасно подойти. Некоторые люди возили питьевую воду в бочках на тележках из соседней деревни Борегардт, что нередко приводило к скандалу между жителями обеих деревень. К этому времени рядом с колхозной конторой бурили новый колодец, который был ещё глубже остальных. Чтобы достать оттуда воду, над колодцем построили насосную станцию, которая должна была работать от ветряного двигателя. Но этот ветряк по какой-то причине не функционировал. Некоторое время всё это сооружение стояло без действия. Кто-то вывернул с вышки внутренние распорки. Однажды ночью, когда был сильный ветер, вся эта вышка упала. Недалеко от этого колодца к столбу была привязана корова председателя колхоза Гюнтера Густава. Стабилизатор (хвост) крыльев в полуметре от коровы врезался в землю. Это было тогда огромным событием в масштабах деревни, которое глубоко запало мне в память.

Когда в 1941 году немцев с Волги депортировали в Сибирь, наша деревня насчитывала около 100 дворов. Выселение состоялось 12 сентября 1941 года. Людей вместе со своим небольшим скарбом на военных машинах увезли в Марксштадт к Волге. (Марксштадтцев тогда уже не было.) Здесь их погрузили на баржи и повезли в Энгельс к железной дороге. Так как в Рорграбене жили почти исключительно немцы, деревня после выселения жителей лежала, как вымершая. Только две-три казахских семьи оставалось, которые ухаживали за скотом. На несколько дней оставались ещё водители грузовиков. Они сначала должны были увезти весь хлеб с токов и сдать его в государственные закрома, потом их тоже увезли. Через несколько дней прибыли беженцы из различных западных областей, ведь немецкая армия двигалась всё дальше на восток. Колхозная земля была отдана соседнему совхозу. Деревня с самого начала была обречена на развал. Со временем новые жители покинули её. Последние уже в 1961 году. Деревянные постройки перенесли за 7 км на центральную усадьбу совхоза, в посёлок Кельке. Только ферма со скотом и его пастухи остались здесь. (Смотри главу «Путешествие на Волгу 1996» данной «Биографии».)

Данный эскиз изготовлен авторами по памяти. Это только схематичный чертёж Рорграбена, без масштаба. Номера домов обозначены произвольно, в деревне не было ни названий улиц, ни нумерации домов. Дома стояли, конечно, не в таком строгом порядке, как на схеме. Улицы, переулки и дороги часто были искривлены по местности. Дома имели различные размеры и формы. Фамилии жителей иногда снабжены небольшими комментариями, для освежения памяти.

Составили и начертили: Гербер Иван и
Лидер Роберт

Горн – Падерборн, январь 1998 года

Мои родители

После смерти бабушки мой отец, как старший сын (18 лет), был ответственный за семью. Второму брату, Петру, было 13, а младшему, Адольфу, как раз 8 лет. Бабушке Сюзанне было, наверно, 44 года, когда она второй раз овдовела.

Моему отцу было очень трудно создать новое хозяйство и прокормить семью. Он был ещё молод и неопытен и один среди чужих людей (он ведь вырос в Сибири, и здесь он был чужим). Частенько он становился мишенью насмешек старших односельчан. И только, когда все увидели, как хорошо он справляется со своим хозяйством, и как быстро он встал на ноги, односельчане стали его признавать и уважать.

Весной 1924 года отец женился. (Это я услышал уже будучи взрослым от матери. В семье об этом никогда не говорили.) Этот брак не принёс ему счастья. Однажды летней ночью, несколько недель после женитьбы, отец застал свою жену на сеновале с односельчанином. Она вынуждена была в тот же час покинуть со своими пожитками отцовскую усадьбу и перебраться к своей матери. Позже отец узнал, что эта пара уже несколько раз сходилась и вновь расходилась.

В начале зимы 1926 года отец женился второй раз. Вторая жена, моя мать, была на 5 лет старше отца, ей было тогда уже 26 лет. Она была круглой сиротой. Родители её в 1921 году, во время страшного голода умерли, как тысячи других жителей Поволжья в те годы. Старшая сестра её Доротеа и брат Карл, самый младший в семье, уехали тогда в Ташкент, как и многие другие поволжские немцы. Тогда говорили, что «Ташкент – город хлебный», что там даже зимы не бывает, которая людям досаждала тогда не меньше, чем голод.

Мать мою звали Розалией, урождённая Гольдман (родилась 19 мая 1900 года в селе Боаро). В то время она жила вместе с младшей своей сестрой Ольгой (год рождения 1902). Мать служила домработницей в семье Лидеров, которые доводились ей родственниками с материнской стороны. Они жили в Боаро. Отсюда отец и забрал свою жену в Рорграбен. (Эта деревня, или хутор, как такие небольшие деревенские посёлки тогда ещё назывались, в некоторых документах и на картах значится, как «Бауернграбен».) Была холодная, очень снежная зима. И когда наша мать из большого и когда-то богатого лидерского дома попала в бедную, тёмную саманную хижину отцовской семьи, она не могла скрыть своих слёз. Но бабушка, со своим резким и прямым характером, быстро привела её в себя. Она распорядилась, быстренько убрать с маленького окошка подушку, предохранявшую избу ото льда и снега, а с двери большой тулуп, которым завешивали дверь, чтобы сохранить тепло от жарко натопленной печи. Когда позже мать нам всё это рассказывала, отец каждый раз защищал свой дом: «Но бабушка достала из печки жирное жаркое, а в пригоне стояли две дойные коровы и красивая лошадь, свиньи и овцы. И хлеба у нас было достаточно. Бабушка даже кухен испекла из пшеничной муки, компот сварила из сухофруктов. « - « Да, еды хватало», вынуждена была мать согласиться.

Женитьба моих родителей была сверхпрозаичной. Когда отец по каким-нибудь делам ездил в Боаро, на мельницу, в магазин или ещё куда, он всегда заезжал к дяде Андреасу Бауеру, другу нашего дедушки. Жена его доводилась двоюродной сестрой нашей матери. Так у этого дяди Андреаса возникла идея поженить сына бывшего друга (который теперь тоже был его другом), на родственнице жены. Однажды вечером дядя Андреас уговорил отца пойти к Лидерам и сосватать Розалию Гольдман. Моя мать, конечно, страшилась, вот так, с бухты-барахты дать своё согласие. Ведь она почти не знала отца. Но решающим являлось тут слово старой бабушки Лидер. Её

муж был родным братом моей бабушки по матери. Кроме того мать слишком хорошо знала, что после смерти этой её тётки, она в этом доме уже не будет нужна, и что у старых дев, каковой она уже считалась, шанс выйти замуж не особенно велик. Вот она и согласилась. Отец переночевал у дяди Андреаса, а утром он поехал к Лидерам, забрал свою невесту вместе с её пожитками и поехал домой в Рорграбен. А остальное мы знаем.

Моё детство

Я был первым ребёнком у моих родителей и родился 22 декабря 1927 года, в 10 часов вечера, по рассказам моей матери. Со мной нас было теперь уже 6 человек в этой маленькой хижине: я и мои родители, бабушка со своими двумя младшими сыновьями Петром и Адольфом. Домик наш состоял из одной комнаты, большой кухни и сеней. Пол бы утрамбован из глины. Его каждый день мазали раствором из воды с коровьим навозом. После этого пол посыпали песком.

В 1929 году в нашей деревне началась коллективизация. Была раскулачена одна семья (кулак – зажиточный крестьянин). У этой семьи отобрали всё имущество, а самих отправили куда-то в Сибирь или на Север. Это была семья Гайгер. Было это, наверно, весной 1930 года. Мне ещё чуть-чуть вспоминается хаос и плач женщин, которыми была наполнена деревня.

Скот согнанных в колхоз крестьян, главным образом лошадей, собирали в конюшни раскулаченных Гайгеров и на их скотном дворе. Несколько дней о скотине никто не заботился. Животные стояли непоенные и некормленные и страшно ревели. Многие крестьяне не выдержали этого, пошли и напоили и накормили своих лошадей, потом забрали их домой, вместе со сбруей. Отец наш тоже пошёл и привёл своих двух мерингов домой, гнедого и вороного, как он их звал, вместе с хомутами. Через два дня из района приехал уполномоченный советской власти. Он бегал по деревне, размахивал наганом, загоняя лошадей и их хозяев опять в колхоз. Крестьяне привели своих лошадей назад в колхозный двор, как теперь называли гайгеровский скотный двор. Отец один из первых вернул лошадей и сбрую на колхозный двор. Позже, в 1937 году, когда по стране прошла волна репрессий, отца постоянно мучили угрызения совести и страх из-за этого эпизода. Он слышал, что из Боаро намечены к аресту 150 человек и всё время ждал, что и за ним придут. Мы ночами не спали, вздрагивая при каждом шорохе, всё ждали, что вот-вот придёт милиция и арестует отца. Котомка для отца была всегда наготове. Но всё прошло благополучно. Может потому, что мы в это время жили в городе, где нас мало кто знал.

Далее мне вспоминается так называемая «продразвёрстка» (насильственное изъятие хлеба у крестьян). К нам комиссия по продразвёрстке приходила несколько раз, но брать больше уже было нечего. Тогда отца вызвали в правление колхоза. Он вернулся через полчаса, а с ним ещё трое мужиков. Отец взял пустой мешок и пошёл в сени, где стоял ларь для муки. Мать, с сестрёнкой Леей на руках, хотела загородить ларь и страшно кричала. Я держался за её юбку и тоже кричал. Отец мягко отстранил мать и гусиным крылом подмёл в ларе остатки муки, ссыпал её в мешок и протянул его мужикам. Эти стояли молча с открытыми ртами и глазами. Наконец, один из них сказал: «Но Александр, мы не имели в виду последние крохи.» Отец ответил: «Больше я вам ничем помочь не могу, мужики», и слёзы покатались у него из глаз. Мужики взяли муку и велели отцу идти с ними. В колхозной конторе они всё рассказали председателю правления. Тот распорядился премировать отца «за добросовестную сдачу государству последнего хлеба» пол пудом ржаной муки. (1 пуд – 16 кг).

Это было, наверно, зимой 1932 года, когда в стране опять свирепствовал голод. Отец с группой односельчан уехал в Курск на заработки. Они хотели немного подработать, но главное, уехать от семьи, чтобы не отнять у ней последнее продовольствие. Но у нас так и так уже нечего было есть. Мать взяла меня и сестрёнку Лею и пошла по деревне побираться. Она долго противилась, но бабушка настаивала. Она сказала матери: «Просить что-нибудь у людей – это не грех, это не воровать. Ты может спасёшь своих детей от голодной смерти.» И мать пошла. Однажды мы пришли побираясь в один дом, где люди как раз сидели за обедом. Пахло очень вкусно. Но мать резко повернулась и потянула меня за собой. Я этого никак не мог понять. Из многих домов мы уходили ни с чем, а тут было что поесть, а мать уводила нас отсюда. Тут из-за стола выскочил мужчина, догнал нас в сенях, забрал у матери сестрёнку и повёл нас обратно на кухню. Нас усадили за стол, налили нам супу и мы начали есть. Хлеб был чёрный, как земля, но такой вкусный! Я уже не помню, какой мы суп ели, но всё было очень вкусно и мы хорошо наелись. Мать тоже ела молча. Тот мужчина нам всё подкладывал хлеба и то и дело вытирал глаза рукавом. Когда мы наелись, мать поблагодарила и расплакалась. Мы неспешно покинули этот дом. Лишь позже я узнал, что это был тот самый мужчина, которого наш отец когда-то спугнул со своего сеновала, а женщина была первой женой моего отца. Уже повзрослев и слыша эту историю от матери, я хорошо мог себе представить, каким это было для неё унижением, но она пошла на него ради своих голодных детей.

Через две недели после этого эпизода приехали отец и его товарищи из Курска. Я не знаю, заработали они там что-нибудь или нет. Наверно, очень мало, но каких-то гостинцев отец привёз.

Далее мне вспоминается такая история. Опять была зима. Наш двор был покрыт жердями и соломой. Во дворе зимовали 75 овец из колхозного стада. Колхозное овечье стадо насчитывало около 250 овец. Но и для этого, сравнительно маленького стада, в колхозном дворе не было места для зимовки. Но нашли хитрое решение: стадо разделили на три части и поручили их на зиму тем членам колхоза, у кого имелся подходящий двор. Так одно стадо попало к нам. В накрытом соломой дворе, где на крыше ещё и сено для корма было уложено, было уютно и тепло. Кругом были надворные постройки, только в сторону улицы были дощатый забор и ворота, которые тоже утеплялись тюками из соломы. Весной молодых ягнят и также телёнка от нашей коровы забирали в дом, на кухню и в комнату. Так как от вони уже не было спасения, отец прорубил в потолке, который был одновременно и крышей нашей избы, отверстие диаметром 8-10 см и вставил туда втулку от брочечного колеса. Утром, когда дом был достаточно проветрен, эту дыру затыкали тряпками и соломой.

Однажды утром, дело было уже ближе к весне, в деревне случился пожар. Оказалось, что горела школа, находящаяся в бывшем доме Гайгеров. Огонь потушили, из жителей никто не пострадал, но сам дом изрядно пострадал и требовал большого ремонта, и жильцы должны были найти себе на время другое жилище. Дом состоял из двух больших комнат, кухни и большой передней. Одна комната служила классной комнатой, а в другой жила семья моего дяди Пети: тётя Гермина, двое детей и их двенадцатилетний приёмный сын Кухаев Николай. И ещё жил у них единственный в школе учитель Геншер. Русский мальчик Николай был круглым сиротой. Его родители умерли от голода. Мальчик ходил по деревням и побирался. Дядя Петя нашёл его однажды утром поздней осенью 1933 года полу замёрзшим в стогу соломы, где он ночевал. Дядя с тётей взяли его к себе и хотели его усыновить, если бы он у них прижился. Так он у них и остался, пока не женился. Он с первого дня помогал по дому и по хозяйству. Итак эта шестиголовая семья осталась без крыши над головой. Был только один выход – они должны были переехать к нам в эту и так уже переполненную избу. Наша семья сама состояла из: отца и матери, трёх детей, бабушки с её

младшим сыном Адольфом. Кроме того отец приютил на время 18-летнего немецкого парня, который, конечно, должен был помогать по хозяйству. Было обговорено, что с наступлением весны он опять покинет нас. Можно себе легко представить, что творилось в нашей маленькой избушке, где теперь жили три самостоятельные семьи, всего 14 человек, да плюс ягнята и телёнок. Даже, если это было всего только на 2-3 месяца.

Но для меня та зима была особенно интересной, потому что учитель Геншер принёс с собой большую кучу книг. Они лежали штабелями под столом, и он мне разрешал брать любую книгу, листать в ней и смотреть картинки. Ведь мне было тогда уже 5 лет. Эти книги и рассказы учителя, наверно, как раз и пробудили во мне позже страстное влечение к чтению и учёбе.

Когда стало теплее на улице, обитатели нашего дома постепенно разъехались по другим квартирам. Первым ушёл немецкий парень, который жил в нашей семье. По мере того, как он стал наедаться и отдохнул, он становился наглее и ленивее. Несколько раз его уличали в воровстве. Тогда отец с тяжёлым сердцем сказал ему, что теперь, пожалуй, он должен найти себе другое место, тем более, что у нас у самих уже почти нечего есть. После того, как он ушёл, учитель Геншер не мог найти свои летние туфли. Наконец, их нашли во дворе, завёрнутыми в тряпку и подоткнутыми в солому под крышей.

Затем переехали дядя Петя со своей семьёй и учителем Геншером опять в школу, которая за прошедшие месяцы была отремонтирована и обустроена. А пожар возник тогда следующим образом: весь дом отапливался, как и все остальные дома в деревне, соломой и кизяками. Чтобы утром так рано на морозе не выходить во двор за соломой, с вечера всегда натаскивали полную переднюю этой соломы. Утром тогда спокойно и быстро можно было затопить печку. Эта солома на этот раз ночью и загорелась от ещё не полностью потухшего огня в камине.

Последними съехали бабушка и её младший сын дядя Адольф. Для них купили в конце деревни маленькую избушку.

Мне вспоминается ещё один эпизод из той весны, который говорил о моём «чувстве справедливости». Уже не знаю, почему в ту весну все три наши семьи совместно пользовались нашим огородом при усадьбе. Огород вспахали и разделили на три части. Были ли они одинаковой величины, или огород разделили по душам, этого я уже не помню. Я только помню, что я однажды «инспектировал» весь огород и обнаружил, что в нашем огороде были растения, которых не было у бабушки и у тёти Гермины (жены дяди Пети). И, наоборот, у них были такие, которых я на нашем огороде не нашёл. Не долго думая, я принялся исправлять эту «несправедливость». Я вырвал часть растений у нас и посадил их в остальные два огорода. И, наоборот, вырвал там некоторые и посадил их у себя. За этим революционным действием застала меня тётя Гермина. Она громко закричала: «Тётя Розалия, тётя Розалия! Идите сюда, он же вырвал всю фасоль и помидоры из грядок!» Моя мать надрала мне веником, как следует, задницу за моё усердие. Я очень обиделся за такую «несправедливость», залез за печку на мою постель, всхлипывал и думал о несовершенстве мира сего. Вскоре меня позвали обедать. Из протеста я категорически отказался от еды. Но мучная каша, заправленная растопленным маслом, так соблазнительно пахла, что я уже хотел сдаться. Я только ждал, чтобы меня ещё раз позвали. Но больше никто не звал меня. Все обедали, и никто на меня не обращал больше внимания. От обиды и из жалости к самому себе я снова начал реветь. В конце концов пришла бабушка и повела меня на кухню. Я должен был просить прощения, затем с аппетитом принялся за кашу.

С моим углом за печкой связано ещё одно воспоминание. Я иногда ночью просыпался и кричал, что меня что-то кусает. Зажигали свет, но ничего подозрительного не обнаруживали. Только я заснул, как я снова стал кричать. Меня внимательно осмотрели и обнаружили на моём теле много красных пятен. Мать говорит: «Это почесуха» и натёрла мне тело ржаной мукой. Но это не помогло. Утром, когда было светло, обнаружили в моей кровати, на стенах и всюду бесчисленное количество клопов, всюду так и кишело этими кровопийцами. Меня пожалели, а мой спальный угол за печкой разорили – что в печке сожгли, что кипятком ошпарили, а что просто выкинули на навоз.

Две зимы в нашем дворе зимовали колхозные овцы – зимой 1932\33 года и 1933\34. Летом 1933 года я «пас» этих овец, т.е. утром мать выгоняла их за деревню, потом она приводила меня, чтобы я следил за ними и завернул их назад, если они слишком далеко уходили. Отец обычно был занят на другой колхозной работе. Недалеко от «нашего» стада паслись и другие два стада, тоже под присмотром таких же пацанов, как я. Частенько случалось, что, пока мы играли, стада уходили дальше в степь. Тогда я, плача, бежал домой, и мы вдвоём с матерью ходили их искать и гнали их опять ближе к деревне. Пока овцы мирно паслись, мы играли обычно в мяч или водой «выливали» сусликов из норок. Воду мы таскали ведрами или банками из деревенского пруда, иногда за полкилометра. Борьба с сусликами являлась делом общеколхозного значения. Часто объявляли, что завтра «выезжают на сусликов» на такое-то поле. На поле в бочках возили воду из пруда. Ведрами её выливали в сусличьи норки, пока зверёк не выскакивал из неё. Вокруг норки стояли взрослые и дети и палками убивали сусликов. За эту работу начисляли трудодни.

Однажды мы, мальчишки, выливая сусликов нарвались на хорька. Этих хищников мы все очень боялись. Рассказывали, что были случаи, когда хорьки бросались на людей и вцеплялись своими острыми зубами человеку в горло или в лицо. От этого хорька тогда все ребяташки в испуге убежали домой, побросав свои стада.

Весной 1934 года отец сдал колхозных овец другому пастуху и принял колхозных кур. Их было около 200 штук. В летнее время они размещались в трёх домиках на колёсах. Эти домики назывались «полевыми домиками», или ещё «верблюжьими домиками». Вероятно потому что их раньше обычно перевозили верблюдами, так как они были очень тяжёлые. Внутри домиков были расположены жерди-наседы, на которых куры ночевали. Пол этих домиков состоял из досок, свободно расположенных поперёк домика. Они не прибывались. По утрам эти доски выдвигались, тяткой очищались от куриного помёта и сушились на солнце. Это была обычно моя работа. Это была очень неприятная работа, так как стояла страшная вонь. Вечером доски опять задвигались. В четвёртом домике в одной половине спали мы с отцом. Вторая половина была занята гнёздами для кур, в которые они могли пробраться снаружи через специальные отверстия-лазы, как в голубятнях. Кроме того тут хранились в больших ящиках яйца. Гнезда размещались ещё и на наружных стенах домиков. Вся наша птицеферма с весны до осени кочевала по полям, где куры сами добывали себе корм. Каждые два-три дня нас перевозили на 1 км дальше, где был ещё корм. Нам надо было только позаботиться о воде и собирать яйца. Перевозили нас обычно рано утром, когда куры ещё спали (и я тоже). Когда я просыпался, мы были уже на новом месте. После завтрака я мог сразу приниматься за свою работу – очищать доски от помёта. К этому времени отец кур уже выпустил на свободу, и они разбрелись по полю и довольно кудахтали. Кроме чистки досок у меня была ещё другая обязанность. Я бегал по полю и искал яйца, т.к. некоторые курицы не утруждали себя поиском гнезда, а откладывали свои яйца прямо в поле на земле, где им приспичило.

Однажды откуда-то привезли нам 6 больших белых племенных петухов. Говорили, что их купили в Голландии за золото. наших разноцветных петухов переловили и куда-то отправили. Их скорее всего съели в бригаде. Эти белые племенные петухи

производили и белое наследство. Однажды, когда я был один в поле с курами, посетил меня дядя Александр Вальд, руководитель птицефермы. Он спросил меня, сколько у нас дома белых цыплят? Я ответил, что не знаю. Тогда он сказал: «Скажи своей матери, сколько у вас белых цыплят, столько она здесь на ферме украла яиц.» Я уже понимал, что «красть» – это что-то нехорошее и весь покраснел, так как знал, что у нас дома и белые цыплята были.

Новые голландские петухи были большого роста и имели большие красные гребешки, которые были постоянно в крови, потому что петухи были ужасно агрессивны и дрались между собой, как средневековые рыцари. Но самое страшное было, что они и за мной гонялись, как крысы за салом, когда я уходил в степь справлять нужду. Они и не боялись, иногда клевать меня в зад. И когда я убежал, то они преследовали меня до самого моего жилища. Так что я их страшно боялся. Отец учил меня, чтобы я оборонялся палкой. Когда я однажды палкой защищался от них и угодил одному из моих мучителей в голову, она у него вдруг совсем посинела. Петух протанцевал несколько раз вокруг меня и упал. Отец это увидел (он постоянно следил за мной, чтобы прийти мне на помощь, когда это понадобится), сразу прибежал, взял петуха на руки, побежал к бочке с водой и окунул его раза три. Через полминуты петух открыл глаза. Отец отпустил его на землю, и тот потихоньку пошёл. Отец был весь бледный в лице и тихо сказал: «Сынок, сынок, так это я не имел в виду. Следующий раз бери тонкую хворостину. Если бы этот петух сдох, у нас увели бы корову со двора.»

В целом то лето с курами мне нравилось гораздо больше, чем когда у нас были овцы. Работы было меньше, было спокойнее, и у нас всегда были свежие яйца, мы были сравнительно сыты. Жить на природе было прекрасно. Я любил лежать в мягкой траве на спине и наблюдать за жаворонками, как они высоко в небе свистели и пели, вибрируя крыльями на месте. При этом так хорошо мечталось! Плохо было только то, что я так много был один. У меня даже собаки тогда не было. Отец работал на колхозном току, а мать была занята дома с младшими детьми. Петухов я перестал бояться (теперь они меня боялись). Но приходилось опасаться коршунов, которые нас часто навещали. В мгновение ока коршун, камнем падая на землю, хватал курицу, отбившуюся от других, и был таков. Но в то время нужно было опасаться и разных нищих и бродяг. После голодного 1933 года по стране шаталось много тёмных личностей.

Наступила осень 1934 года. Отец кур уже сдал на ферму, и я чувствовал себя совершенно свободным. Но беда уже поджидала нас за углом.

Было начало ноября. Ночами уже был мороз, к утру поля, деревья, кусты и все остальные предметы сильно покрывались инеем. Но пастухи стада ещё выгоняли, потому что ещё не было снега. Наша корова ещё ночевала под открытым небом. Мать её с вечера привязывала к столбу. Однажды утром мать, как всегда, выходила доить корову. Но она тут же вернулась и громко позвала отца и сообщила ему, что нашей коровы нет. Когда отец вышел и увидел перерезанную ножом верёвку, он сказал: «Её украли.» Отец пошёл вокруг деревни и искал следы. Затем он поднял ближайших друзей и знакомых. Быстро собралась группа молодых мужчин, верхом и с ружьями. Они ещё до завтрака поехали за деревню (наш домик был второй от конца деревни) в сторону киргизских степей. 3 км за деревней стоял большой стог соломы. Там люди нашли коровью голову, ноги, много крови и внутренности коровы. Здесь корова была зарезана. Чистое мясо увезли бандиты на лошадях. Все сошлись на том, что это было дело рук киргизов, которые жили километров 40 в степи. Но многие указывали ещё и на одного односельчанина и говорили, что без его помощи этого не могло бы случиться. Этот человек нигде не работал, подолгу не бывал дома и постоянно общался с какими-то тёмными личностями. Он говорил по-русски и по-киргизски и часто принимал странных гостей. Для этой акции у него был и повод. Отец работал на

току учётчиком. Тот односельчанин несколько дней до этого обращался к отцу и хотел купить у него зерно. Отец, конечно, прогнал его. Накануне пропажи коровы, тот мужик постучал у нас поздно вечером в окно и пригласил отца прийти к нему поиграть в карты и выпить. Отец отказался, сказал, что он себя плохо чувствует. Но настоящая причина отказа состояла в том, что отец не любил такие компании. Посыльный это хорошо понял, выругался и ушёл. Отец считал, что тот таким образом отомстил ему. Но доказать никто ничего не мог. Из района привезли даже милиционера, но виновников не нашли.

Отец несколько дней ходил по деревне, как в дурмане. Он не мог себе представить, как он может прокормить семью, детей, без главной кормилицы-коровы.

Однажды утром отец и ещё два односельчанина пошли в деревню Киппель, расположенную в 4 км от нас в сторону Маркштадта. Здесь находился сельский совет. Они хотели получить удостоверения о том, кто они, откуда они, и, что они отпущены из колхоза. Они хотели поехать с семьями в далёкую Украину, а паспортов в то время в сельской местности ещё не было. На Украину в то время уезжало много немцев с Поволжья, в надежде найти там лучшую жизнь. С сегодняшней точки зрения мне такие решения непонятны, потому что на Украине тогда свирепствовал такой же голод, как на Волге.

Когда эти три колхозника пришли в сельсовет и высказали свою просьбу, председатель сельсовета издевательски сказал им буквально следующее: «Мужики, если вы сегодня ещё не умывались, то идите домой, умойтесь, позавтракайте, тогда придёте и мы поговорим.» Он ещё что-то сказал, но мой отец не мог этот сарказм больше слушать, повернулся, хлопнул дверью и быстрыми шагами пошёл по направлению в Маркштадт. Один из его товарищей, Лидер Андреас, догнал его и пошёл с ним. Второй, молодой Шмидт Давид, ещё некоторое время пытался уговорить председателя выдать им удостоверения, но безуспешно. Он вернулся домой. У Лидера в Маркштадте жила сестра. У неё наши ходоки отдохнули немного после 40-километрового марша, потом они пошли по совету зятя Андреаса к директору небольшого завода, который производил токарные станки и находился буквально по соседству. Этот заводик раньше принадлежал братьям Фаллерам, теперь он принадлежал государству и назывался «Артель Металлверк». Директор завода, немецкий коммунист, эмигрировавший из Германии от преследования нацистов, выслушал отца и сказал, что он на время даст ему работу в литейном цеху разнорабочим, а там видно будет. В литейном цеху работали ещё два немца-иммигранта из Германии. Что у отца не было никаких документов – директора не волновало, ему нужны были рабочие. Андреасу Лидеру работа в литейном цеху не понравилась, и он вернулся в деревню. По его просьбе сестра его согласилась на некоторое время приютить нашу семью в своём доме. О квартирной плате договорились: 10 рублей в месяц.

Главным занятием отца в литейном цеху было: огромной кувалдой разбивать большие чушки чугуна на более мелкие, чтобы они подходили для загрузки в небольшую доменную печь для выплавки из них деталей. За эту работу он получал 93 рубля в месяц.

Мать знала от Лидера, где отец находится и что у него за планы, и потихоньку готовилась к переезду. Отец через неделю отпросился на три дня, чтобы пойти в Рорграбен и уладить свои семейные дела. Он променял нашу избушку на корову и полную пароконную телегу сахарной свёклы. Взял избушку «дер вайсе Бельш» (Белый Бельш; в Боаро жили и «Чёрный Бельш» и «Рыжий Бельш»). Этот Бельш разошёлся с женой и поселил в нашу избушку свою бывшую жену с тремя детьми.

Когда отец все дела по обмену избышки уладил и ещё раз безуспешно обратился к председателю сельсовета за документами, он опять пешком пошёл в Марксштадт на работу. Бабушка, дядя Петя и дядя Адольф помогли матери собрать наш скарб. А 22 декабря 1934 года, как раз на мой день рождения, когда мне исполнилось 7 лет, погрузили всё наше имущество, а также и нас детей, на большие сани, в которые дядя Адольф запряг свою и нашу коровы, и мы переехали жить в город. Было очень холодно, около 30 градусов мороза. Коровам вымя завязали мешковиной, чтобы их не обморозили, а мы с матерью были закутаны в тулупы (большие шубы), дядя Адольф шёл за возом пешком. В тот день мы проехали 30 км, до села Боаро, где мы ночевали. А на следующий день, рано утром, мы отправились дальше, ещё 10 км в Марксштадт. Так произошёл наш переезд из деревни в город. Это тоже тогда была фактически только большая деревня, но всё же районный центр, расположенный у самой Волги, для меня совершенно другой мир.

Я уже писал, что отец в то время зарабатывал 93 рубля в месяц. 1 кг белого хлеба стоил 2 рубля 70 копеек. Пшеничный хлеб второго сорта – 1 рубль 50 коп., серый, смешанный – 90 коп., белый ржаной – 1 руб. 30 коп., а чёрный ржаной – 75 коп. Вначале у нас кроме вареной свёклы нечего было есть. Я уже не мог её есть, меня от одного запаха уже тошнило. Через две недели после нашего приезда в Марксштадт повариха из заводской столовой сказала отцу: «Александр, твоя жена и дети, наверно, голодны. В столовой всегда остаётся много хорошей пищи. И что остаётся на столах тоже совсем чистое. Может твоя жена заберёт отсюда что-нибудь для детей?» Теперь мать каждый день после обеда подходила к забору возле столовой с ведром. Повариха наполняла его остатками пищи: супом, пшённой кашей, картошкой, иногда попадались даже кусочки мяса и сала, сверху она клала куски хлеба. (Мы были настолько бедны, что кроме этого ведра у нас никакой другой посуды не было.) Теперь мы были спасены. Этого нам хватало на весь день. Отец обедал в столовой. Так нас эта женщина кормила около двух месяцев, и мы всегда были сыты.

11 марта 1934 года родился наш брат Рихард. Теперь нас было уже четверо детей.

Отец ещё часто вынужден был прошагать эти 40 км до сельсовета нашего бывшего места жительства, чтобы попытаться получить свои документы, на основе которых он затем мог бы в городе получить паспорт. Но каждый раз напрасно. Каждый раз его отсылали в правление колхоза, чтобы оттуда он принёс справку о том, что колхоз его отпустил. А такую справку ему там не давали – тоже всегда были какие-нибудь отговорки. Наконец ему сообщили, что он должен колхозу какую-то сумму денег, и справку он получит только после погашения этого долга. Отец удивился, ведь он никогда ничего из колхоза не брал! Он спросил у председателя колхоза, откуда у него взялся такой долг? Тот послал его к бухгалтеру колхоза. Бухгалтер объяснил ему так: «Видишь, Александр, ты всегда честно и прилежно работал и заработал много трудодней. Но у нас последние годы были неурожаи, и мы на трудодни колхозникам ничего не выдавали, и у колхоза не было дохода. А расходы у колхоза были за это время. Их мы записали на колхозников по трудодням. У кого было больше трудодней, тому и больше долга написали. Поэтому у тебя теперь столько задолженностей. Если бы ты остался в колхозе, то мы бы высчитали долг, как у всех, когда будет урожай и колхозники получили бы что-нибудь на трудодни. Ты же хочешь уходить из колхоза, тогда с тебя ничего не возьмёшь. Вот ты и должен теперь сначала рассчитаться с колхозом наличными. Тогда тебя отпустят. Если мы тебя так отпустим, тогда твой долг надо распределить по другим колхозникам, а это было бы несправедливо, сам понимаешь.»

Отец всё «понимал», только одного он не понимал – где взять такую сумму денег, когда его заработка едва хватало, чтобы прокормить семью. Но и тут председатель артели, где отец работал, товарищ Кинаст, его выручил. Он дал отцу нужную сумму в кредит,

которую отец мог выплатить постепенно, по силе возможности. Этот человек сам поехал с отцом в колхоз и в сельсовет (чтобы отца не обманули). Когда отец, наконец, держал в руках свои документы, а господин Кинаст получил ещё и справку о том, что отец ни колхозу, ни сельсовету теперь ничего не должен, то он себя, наконец, почувствовал свободным человеком. Дома вся семья радовалась этой «победе». Господин Кинаст и в дальнейшем часто помогал нашей семье. А сам он в 1937 году нашёл свой трагический конец во время сталинских репрессий. В литейном цеху, как я уже упомянул, работали ещё два немца из Германии: один – мастером, другой подсобным рабочим, как наш отец. Однажды один из них сказал: «Воздух не чист, надо смыться, пока не поздно.» На следующий день они не появились на работе, не появились и на второй и на третий день. Они исчезли. Отец дома сказал матери: «Они переправились.» Что это означало, я понял много позже. А директор Кинаст был слишком доверчивым. Он думал, что немецких коммунистов из партии Эрнста Тельмана пощадят. Но он ошибся. В 1937 году его арестовали и, как мы позже слышали, расстреляли.

Осенью 1935 года мать повела меня в школу. Директор школы не хотел меня принять, так как мне только 22 декабря исполнилось 8 лет. В то время в школу принимали детей, которым к 1 сентября, т.е. к началу нового учебного года, исполнилось полностью 8 лет. Но моя мать так убедительно просила, что молодой директор смягчился и принял меня.

Первые недели в школе были для меня, деревенского мальчика, очень тяжёлыми. Во-первых, я говорил на маркштадтском диалекте, пронизанном элементами боароского диалекта. Во-вторых, вся городская жизнь, с её специфическими традициями и привычками была для меня чуждой и непонятной. Кроме того очень многое, наверно, ещё зависело от моего характера: я всегда хотел всё делать точно так, как учитель, и как он этого требовал. Но так как у меня это часто так не получалось (написание букв, например,) то я каждый день приходил домой в слезах.

Первое полугодие мы, первоклассники, писали грифелями на чёрных дощечках или карандашами на бумаге, в тетради. Так оно должно было и оставаться до конца первого класса. Но учитель (нас учил сам директор школы господин Герр) не смог во время уроков письма и арифметики, например, так быстро очинить карандаши 42 учеников, как мы их ломали. Поэтому он уже сразу в начале второго полугодия перешёл на чернила и ручки с перьями.

Я в это время был уже одним из лучших учеников в классе. Но, когда мы начали писать чернилами, моё горе началось снова. Нам велели попросить родителей, чтобы они купили чернильницы, или просто нашли небольшие бутылочки, и сделали нам чернила. Так как у нашей матери не было денег ни для чернильницы, ни для чернил, ей пришлось всё делать самой. Но у нас не было даже химических карандашей, из которых обычно делали чернила, поэтому мать решила делать чернила из красильного порошка. Этими «чернилами» писалось плохо. Тогда мать говорит: «Я ещё девочкой, когда сама в школу ходила, слышала, что в настоящие чернила нужно добавить немножко сахара. Мы всегда языком пробовали - чернила были сладкие.» Она взяла и добавила в мои чернила немного сахара. Теперь чернила тянулись, как сироп. Уже в первый школьный день после зимних каникул, я вымазал одежду свою, тетради, книги, а также парту и даже соседку свою по парте своими чернилами так, что жутко было смотреть. Соседка сразу пожаловалась учителю. Тот посмотрел на меня презрительно и только сказал: «Ты мазила!» Так эта кличка прилипла ко мне, как сами чернила, и меня дразнили и обзывали так ещё много лет, хотя я ходил чище большинства моих одноклассников.

Как я уже упомянул, я в школе учился легко и хорошо, с прилежанием и большим старанием. В конце первого полугодия меня премировали тетрадью. Сейчас это

кажется смешным, но по тем временам это была большая ценность. По окончании первого класса меня премировали трикотажными подштанниками. Родительский совет, распределявший премии, хорошо знал, что нас в семье было четверо детей и мы были очень бедными. Другие дети получили книги, блокноты для рисования, краски, пеналы, портфели и т.д. Я вновь рыдал. Мне тоже хотелось бы в качестве премии получить краски, книги или что-то подобное. Мать же успокаивала меня, ведь за эти подштанники можно было бы купить 10 таких наборов красок. Она говорила, что это ведь самая высокая премия, но этот аргумент не мог меня убедить.

Я и дальше, в старших классах, учился хорошо и был много раз премирован. По окончании 4 класса я за хорошую учёбу и отличное поведение получил похвальную грамоту. Наша школа была школа № 4 на Красноармейской улице. Это было маленькое двухэтажное здание с четырьмя классными комнатами. Таких школ в Маркштадте было две, другая находилась в другом конце города, в так называемом «верхнем городе». Обе были построены в 1910 году из красного кирпича. Когда я поступил в школу, наша школа снаружи была побелена. С тех пор она была больше пегой, чем белой. Наша школа находилась метров 200 от небольшого пруда, в котором в летнее время лягушки устраивали свой концерт. Поэтому эту школу в городе называли не иначе, как «Жабье гнездо», хотя жаб там почти не было. Но мы любили наш «Кроттеннест»), так как его расположение около пруда, который весной доходил до самой школы, большая глубокая яма (при строительстве школы здесь брали глину), которая зимой была очень удобна для катания на санках и лыжах, давали нам хорошее развлечение на переменах и сделали эту школу особенно привлекательной, хотя все остальные ученики города отзывались о ней презрительно. Я провёл в этой школе 6 незабываемых лет и она мне очень многое дала. Конечно, всем хорошим, что мы получили в этой школе, мы были обязаны нашим учителям, и я им сегодня ещё благодарен за это. Это был в первую очередь директор школы Пауль Герр. Он учил нас в первом и втором классах. Дальше он не мог нас учить, потому что у него самого было только 7 классов образования. Учился ли он заочно – я не знаю. Но он был превосходным директором школы и отличным организатором. Потом был учитель Дёрр, который преподавал нам со второго класса русский язык. Это был уже пожилой, нервозный и вспыльчивый господин, ещё старой школы, который очень любил свой предмет и нам очень много дал. Следующим был учитель Эмих – тоже уже пожилой человек, худой, как хворостина, всегда очень серьезный и вечно недовольный. Он не только знакомил нас с классической немецкой литературой, он учил нас и любить её. Русские стихотворения и басни, которые преподнёс нам учитель Дёрр, и немецкие баллады и стихотворения, которые мы учили у учителя Эмиха, я по сегодняшнему дню не забыл. Затем были ещё учительницы Эберт, Кайльманн, Берш и Шульц.

Тут мне хотелось бы поподробнее остановиться на описании будней нашей школы, думаю, что это для будущих поколений будет интересно.

В нашей школе было всего 4 классных комнаты, но было 8 классов: 2 первых, 2 вторых, 2 третьих и 2 четвёртых. Поэтому учились в две смены. Классы были переполнены: по 40-44 ученика в классе. Школа была начальной, здесь ученики учились всего 4 года, потом они должны были перейти в другую школу – в неполную среднюю (7 лет обучения) или в среднюю (10 лет обучения). Когда я перешёл в 5 класс, нашу школу переформировали в среднюю школу, так что я мог бы остаться в этой школе и учиться дальше. Летом 1941 года я в этой школе окончил бой класс.

Обучение велось на немецком языке. Мы проходили грамматику, правописание, литературу. По литературе нас знакомили с произведениями немецких классиков Гёте, Шиллера, Гейне, Лессинга, Фрайлиграта, Бюргера. Мы учили стихотворения, баллады и отрывки из прозы и драматических произведений. Кроме того мы учили и

произведения советских немецких писателей. Учили мы и произведения русских классиков в переводе: Пушкина, Лермонтова, Крылова, Льва Толстого, Чехова. А также и советских писателей: Максима Горького, Демьяна Бедного и других.

Со 2 класса мы учили русский язык, знакомились с грамматикой, русской литературой, писали диктанты. В 6ом классе мы уже изучали русскую грамматику на уровне русских школ.

У нас были ещё следующие предметы: математика, естествознание, география, ботаника, рисование, пение, физкультура и рукоделие. В старших классах мы занимались в различных кружках. Были у нас: драматический кружок, кружок пения и кружок физкультуры. Кроме того было много кружков с военной ориентацией: ГТО – «Готов к труду и обороне»; ГСО – «Готов к санитарной обороне»; ПВХО – «Противовоздушная и противохимическая оборона»; «Ворошиловский стрелок» – здесь обучались стрельбе из винтовки. Для учеников младших классов были соответствующие кружки только с приставкой «будь», например: «Будь готов к труду и обороне». Окончившие программы таких кружков получали соответствующие нагрудные значки. Но участие в этих кружках было сугубо добровольным и не очень строгим. Всего принимали там участие не более 40-50% всех учащихся.

Во время перемен младшие классы пели или играли организованно в коридоре или на школьном дворе. Во время большой перемены (15 минут после 3 урока) мы, старшие ребята, играли на улице перед школой в свою любимую игру «прыжки». Она заключалась в следующем: один мальчик становился спиной к стене. Это был обычно один из тех, которые в игре участие не принимали. Остальные (человек 12-14) разделялись на две группы. Бросали жребий, и проигравшие становились согнувшись, первый головой к тому, кто стоял у стены, второй обхватывал товарища, третий обхватывал второго и т.д. Таким образом вся группа образовала «мостик» или «коня». Они должны были хорошо пригнуться и как можно дальше становиться друг от друга, чтобы «мостик» получался как можно длиннее. Вторая группа установилась метров 15-20 перед этим «мостиком». Каждый, разбежавшись, прыгал на «мостик». Все старались прыгать, как можно дальше, чтобы всем хватило место на «мостике». Лучший прыгун прыгал последним, потому что тому было труднее всех прыгнуть на вершину этой кучи. Запрыгнув, последний должен был держаться только ногами и три раза хлопнуть в ладоши. Если прыгуны не сваливались, тогда они могли прыгать ещё – до тех пор, пока они не сваливались с «коня». Если они сваливались, то группы менялись местами и ролями.

Против таких игр учителя ничего не имели. Только, если мы в азарте игры не слышали звонка и опаздывали на урок – тогда получался скандал. Но иногда мы играли в деньги, если мы тут попадались, то за это наказывали строго. Я обычно старался в таких запрещённых играх не участвовать, но иногда из солидарности нельзя было этого избежать.

Преподавания иностранного языка в нашей школе не было. У нас просто не было учителей. В других школах уже были введены уроки иностранного языка. В нашей школе должны были ввести их в новом учебном 1941-42 году. Но этому помешала война. Вообще преподавание иностранных языков в советских школах, по моему велось с 1938 года. В наших немецких школах преподавали английский, французский и испанский языки. В русских школах был и немецкий.

Экзамены в школах до войны проводились в конце каждого учебного года. За хорошую учёбу и примерное поведение учеников премировали или награждали грамотами. (Моя похвальная грамота пропала где-то в Сибири.)

Во время летних каникул многие учащиеся отдыхали в пионерских лагерях (это были лагеря отдыха, где дети отдыхали, занимались спортом, пели, играли в разные игры, в том числе и в военные, совершали походы). Дисциплина в лагерях была довольно жёсткой.

В конце 30ых годов жизнь на Волге в материальном отношении становилась более сносной. Но хлеба досыта мы всё ещё не ели, хотя и было несколько хороших урожаев. Я ещё хорошо помню, что мы в 1938-39 годах должны были ночью в 2-3 часа вставать, бежать к базару, где находился хлебный ларёк, и становиться там в очередь за хлебом, пока в 8 часов утра базарные ворота и хлебный ларёк не открывались. Чтобы очередь не потерять, номер очереди химическим карандашом писали на тыльной стороне кисти руки. А так как в одни руки давали только 1 кг хлеба, мать и малышей, которые могли ходить, поднимала с постели, и мы брали их с собой в очередь. Это для детей была страшная мука - каждый раз вставать и сонными из тёплой постели идти на морозную улицу. Дети плакали, а мать вместе с ними. А когда утром открывались базарные ворота, все бежали сломя голову к хлебному ларьку. Там образовывалась страшная давка. Всегда находились такие типы, которые общий порядок игнорировали и надеялись только на свою силу. Часто приходилось вызывать милицию для наведения порядка.

С 1935 по 1941 годы я и всегда ещё кто -нибудь из наших детей во время летних каникул находились в деревне Рорграбен у бабушки, дяди Адольфа или у дяди Пети. Все они работали в колхозе и у каждого был свой дом. Бабушка жила у дяди Адольфа. В деревне у людей были патефоны и радиоприёмники на батареях, так как электричества тогда в Рорграбене ещё не было. К каждому приёмнику требовалось тогда до 20 кг батарей, которые каждые 1-2 месяца надо было менять. Мы, дети, часто помогали в колхозе на полевых работах. Чаще всего мы помогали полоть руками пшеницу, т. е. мы руками выдёргивали на полях траву-сорняк. Но моим любимым занятием было, идти с дядей Адольфом в ночное пасти лошадей и верблюдов, когда подходила его очередь пасти. Лошадей возчики пасли в то время у них в колхозе по очереди. Тут я научился ездить верхом. Так что и с деревенской жизнью я был хорошо знаком. И во время зимних школьных каникул я частенько жил в деревне у бабушки. Днём мы, дети, бегали по улице, а вечерами я бабушке помогал прясть шерстяную пряжу и плести и шить соломенные ленты. Шерстяная пряжа использовалась для вязания носков, чулок и варежек. Соломенные ленты (их называли плети) сдавались в Маркштадт на фабрику «Прима», где из этих плетей шили соломенные шляпы, сумки и разные корзинки. Для деревенских женщин это был небольшой побочный заработок.

Колхозники нашей деревни всегда заезжали к нам, если они приезжали в Маркштадт по каким-либо делам. Иногда они ночевали, иногда просто перекусывали и отдыхали, дожидаясь возможность уехать домой. В городе имелись и так называемые «крестьянские заезжие дворы». Но люди предпочитали заезжать к нам, им тут больше нравилось: они нас все хорошо знали, мы для них были свои. И здесь они не боялись, что их могут обворовать, что в общих заезжих дворах иногда случалось, ведь туда заезжали разные люди, а к нам приезжали только «свои», из Рорграбена. Люди чувствовали себя у нас, как дома. Официально приезжим у нас ничего платить не надо было за пребывание, даже если мать им подавала чай. Каждый давал, что мог и что хотел. Некоторые даже не знали, что у нас не официальный заезжий двор. Они думали, что мать за этот хаос, неизбежный при многих гостях, за всю эту грязь и волокиту получает от колхоза плату и ничего не платили. По этому поводу между родителями часто возникали ссоры: мать настаивала, чтобы отец людям всё разъяснил и отказал им в ночлеге и вообще в приёме. Но у отца был всегда один аргумент: «Я же не могу людей выгонять на улицу.» Люди заезжали к нам и в тех

случаях, когда они были в городе по колхозным делам. Тут часто возникали споры между правлением колхоза и теми, кого посылали в город по каким-либо делам, например, если нужно было продавать на базаре колхозную муку. Люди отказывались, по колхозным делам заезжать к нам. Они не без основания говорили, что такое от нас требовать нельзя. Было даже специально собрано колхозное собрание, чтобы решить этот вопрос. Одни говорили, что не нужно больше заезжать к нам. Другие считали, что можно и дальше к нам заезжать, только надо официально платить за это. Председатель колхоза и бухгалтер объясняли людям, что официально арендовать заезжий двор колхозу не разрешается – нет такой статьи расхода. Построить или купить собственный двор тоже не могут – нет средств. Сошлись на том, что за всю работу и весь хаос, образовавшиеся вследствие дальнейшего пребывания у нас, колхоз выделит нам сена для нашей коровы. Родители согласились с таким решением. Это была для нашей семьи большая помощь. Нас было в то время уже 6 детей, а отец зарабатывал немного. От государства тогда нам на детей ничего не платили. Вообще-то государство платило пособия на детей, но условия были такие, что большинство многодетных семей ничего не получали. Государство поддерживало такие семьи, у которых было 7 живых детей. Им выплачивали один раз в год 2000 рублей, даже если при этом было уже 3-4 женатых детей, и они жили уже отдельной семьёй. Те семьи, которые имели 8 живых детей, получали по 4000 рублей в год. Но такие семьи, у которых было 6 маленьких детей, никакой государственной помощи не получали. Когда наша мать в 1937 году родила двух близнецов, радовалась вся семья – может, мы в следующем году, если мать родит ещё одного, мы тоже получим 2000 рублей. Но наши близнецы, Володя и Виктор, через 6 месяцев умерли, и красивая мечта о больших деньгах рухнула. В 1939 году мать родила ещё одного Володю. Но о деньгах уже никто не думал – ведь это был теперь только 5 ребёнок в семье. К этому времени мы уже и вылезли из самой страшной нужды. Отец работал всё ещё на том самом заводе, но уже токарем и зарабатывал побольше. У нас была корова, держали всегда небольшую свинью, несколько кур. В деревне у дяди Адольфа и у бабушки у нас было всегда 4-5 овец. Так что мы зимой без мяса не жили. На топливо мы ежегодно делали кизяк и на корове возили сухой хворост из леса. От городского управления мы, наконец, дождались маленькой квартиры за умеренную плату. Мы жили на Колхозной улице дом № 84, недалеко от базара. И когда жизнь, по нашим масштабам, немного нормализовалась, началась в 1941 году война с Германией. (См. Главу «Как это произошло».)

Летом 1941 года, в последнее лето на Волге, я 3 раза ездил с женщинами-колхозницами в Саратов (70 км вниз по реке). Я служил им переводчиком в их делах на базаре и в магазинах. Но, так как я сам ещё плохо владел русским языком, случались курьёзы. Однажды мать мне тоже дала немного денег, чтобы я купил несколько метров мануфактуры, так как у нас в Марксштадте этих товаров было очень мало и только дорогие. И когда подошла моя очередь за товаром, я попросил продавца, отмерить мне «три с полтиной метра». Продавец сделал большие глаза и заметил довольно резким тоном: «Полтины бывают только в деньгах, молодой человек, а в метрах – половины!» Я покраснел и очень ступешался, но с тех пор я знал, как правильно нужно в таких случаях говорить. Эти поездки были для меня очень интересны и поучительны. В Саратов ездили на пароходе по Волге, или – на автобусе. Билеты мне каждый раз покупали женщины, это была, так сказать, плата за мою работу «переводчика и гида».

Марксштадт

Итак мы жили с декабря 1934 года до сентября 1941 года в Марксштадте. Это был наш районный центр (тогда районы назывались кантонами). Это был один из самых больших немецких городов в тогдашней республике немцев Поволжья и имел около 15 тысяч жителей. Здесь жили почти исключительно немцы, может быть, около 500 русских. Это по моим оценкам, точно я не знаю. Город расположен на левом берегу Волги, на так называемой луговой стороне, 70 км севернее города Саратова. До войны русло реки находилось примерно 2 км от города. Прямо в воде была небольшая пристань для пароходов, курсирующих от Астрахани до Самары (тогда: Куйбышев) и дальше вверх по течению. Площадь от русла Волги до города весной заливалась паводковой водой. Это был чистый песок, покрытый кустами красной ивы. Мы, пацаны, в летнее время часто ходили на Волгу купаться. Вода больше, чем 100 м от берега была мелкой, дно и берег были песчаные, как специально созданные для купания. Там я и научился плавать. Но это было далеко от дома – надо было пройти весь город (мы жили на предпоследней улице, совсем на краю степи) и ещё км 2 по песку. Общественного транспорта в Марксштадте не было, и улицы не были асфальтированы. Автомобилей было очень мало, но они делали больше шума, чем сегодня автомобили большого города. Всё, что сегодня достигается повороткой на машине и светофорами, тогда достигалось звуковыми сигналами: при пересечении улицы сигналили, при поворотах налево или направо – сигналили, при обгонах – тоже, сигналами предупреждались и пешеходы.

Сегодня, когда на Волге построено несколько плотин с электростанциями, картина совершенно изменилась. Вода Волги доходит круглый год до самого города. Среди воды выступают поросшие лесом острова. Волга стала намного шире. Но высокий, крутой берег на той стороне виден хорошо, хотя ширина реки составляет около 5 км.

Весной, когда на Волге начинался ледоход, сотни любопытных устремлялись на берег реки, они ни за что не хотели пропустить это, действительно неповторимое зрелище. Вода из притоков и ручьёв устремлялась в Волгу, когда лёд на ней ещё лежал спокойно. Постепенно вода Волги поднималась и лёд начинал ломаться и тянулся вниз по реке, сначала совсем медленно, затем быстрее и быстрее. Крупные и мелкие льдины скользили всё быстрее и быстрее, обгоняя друг друга, с громким шумом и треском насккивали друг на друга и ломались с ещё более громким треском. Этот треск, шум и скрежет был настолько громким, что стоящие на берегу люди не могли разговаривать друг с другом. Гул раздавался на многие километры в степи. При этом ледоходе случалось много весёлых, смешных но и трагических происшествий. Волга и зимой служила одной из главных дорог для жителей окрестных деревень. Гладкий, крепко замёрзший, полуметровой толщины лёд пересекался вдоль и поперёк дорогами. Напротив Марксштадта находится и сегодня ещё русская деревня Березники. Оттуда каждое утро приходили на базар в Марксштадт женщины со своими салазками, нагруженными горшками со вкусным квашеным молоком, маслом, яйцами и другими продуктами. К обеду, продав свои продукты и купив в магазинах нужные им товары, они возвращались домой. Это продолжалось так с ранней зимы, когда лёд был ещё совсем тонким, и до самой весны, когда уже каждую минуту можно было ожидать ледохода. Однажды, весенним утром, караван березниковских женщин отправился, как обычно, со своими салазками в путь. Но, когда они достигли берега у Марксштадта, лёд здесь уже оторвался от берега. Между льдом и берегом уже образовалось пространство воды метров 30-40. Кроме того ледовая дорога находилась уже метров 30 ниже обычного места по течению. Женщины, под крики и улюлюканье местных зевак, быстро повернули назад и, что было сил, отправились домой. Но, когда они примерно через час прибыли в Березники, они и там оказались

оторванными от берега и находились уже метров 100 от прибрежной дороги. Здесь их уже ждали их мужья на лодках и освободили их с дрейфующего льда. Но случались и трагические случаи, когда кто-нибудь неосторожный и зазевавшийся находил под льдом Волги свою смерть. Так отец моей одноклассницы утонул вместе с возом и лошастью.

Я уже упомянул, что жизнь в Республике немцев Поволжья в конце 30ых годов по сравнению с голодными годами начала 30ых годов немного улучшилась. И тем не менее, я вспоминаю, как отец, единственный кормилец, вынужден был напрягаться, чтобы прокормить нас семерых! Он должен был отработать свою смену на заводе, часто оставаясь сверхурочно. Он должен был добыть корм для коровы и топливо на зиму. Наша корова не была избалована – она должна была давать молоко и везти на себе весь корм для себя и всё топливо на зиму. Одно время отец был совладельцем большой вёсельной лодки, он купил её с ещё двумя коллегами. На этой лодке они подвозили с ближайших от Маркштадта островов сено и дрова. Но от берега домой это должна была доставить наша корова на самодельной тележке.

Иногда отец ходил рыбачить садком. Это было приспособление из двух крест на крест перевязанных больших ивовых прутьев, к концам которых привязывалась сеть. Этот садок привязывался к длинной жерди, при помощи которой он опускался в воду. Время от времени он вытаскивался из воды для проверки. Иногда там оказывалось несколько рыбок. Мне было противно, эту гладкую, скользкую рыбу брать в руки, да и запах рыбы я не переносил. Но сам процесс рыбной ловли мне нравился, и я с удовольствием ходил с отцом ловить рыбу.

Мать умудрилась сэкономить иногда несколько яиц, немного молока или масла и продавала это потом на базаре. Ибо вечно были нужны деньги на хозяйственные расходы. Шерсть для тёплых чулок и варежек давали нам овцы, которые находились у бабушки в деревне. Какая-нибудь новая одежда являлась для нас большой покупкой и редкостью.

Так мы жили до рокового 1941 года.

Как это произошло

Остаётся всё меньше людей, которые были свидетелями тех жутких событий 1941 года и могущие рассказать о печальной главе в истории советских немцев, т.е. о их насильственном выселении с Волги и из других областей Советского Союза в Сибирь и Казахстан. Хочется некоторые мои воспоминания изложить на бумаге.

Начало войны 1941 года врезалось мне в память жутко-торжественным голосом диктора московского радио Левитана, затем выступлением Молотова, тогдашнего Народного комиссара Иностранных Дел Советского Союза, хотя я тогда в происходящем вокруг многое не понимал. Жители нашего Маркштадта, одного из районных центров нашей Автономной республики немцев Поволжья, ходили печальные и подавленные. Среди взрослых (мне было тогда 13 лет) распространялись самые различные слухи. Люди старшего поколения делали грустные предсказания: Это, мол, теперь конец. В третий раз, мол, наших немцев беда не минует (они ещё хорошо помнили, что ещё при царизме немцев хотели с Волги выселить). Мы, дети, хоть и чувствовали, что на нас надвигается какая-то гроза, но в общем мало понимали из того, что вокруг происходит. Я лично был занят тем, что доставал учебники для 7 класса, немецкие, конечно, так как я в то лето окончил 6 классов немецкой средней школы. По-русски понимал и говорил я совсем мало, как и

другие жители нашего города. Кругом говорили по-немецки, даже на заводах и в учреждениях дела велись на немецком языке. Те немногие русские, которые жили в нашем городе, все говорили сносно по-немецки. В городе была всего одна русская школа для детей русской национальности. Радиопередачи велись тоже в основном на немецком языке. Местные передачи на немецком языке начинались обычно в 16 часов, русские – поздно вечером, когда нам, детям, уже пора было идти спать. Фильмы в кинотеатре (бывшая католическая церковь) были большей частью немые. Газеты мы читали тоже только немецкие: «Молодой штурмовик» (пионерская газета), «Красное штурмовое знамя» (районная газета), «Известия» (республиканская газета). Кроме того была ещё «Немецкая Центральная Газета», которая издавалась в Москве главным образом иммигрантами из Германии. Мы эту газету не выписывали и редко читали. Что касается знания русского языка, то мне навязывается сравнение со знанием русского языка нынешних киргизов из отдалённых горных аилов. Только условия для усвоения русского языка у тогдашних немцев нельзя сравнить с теперешними условиями для изучения русского языка у киргизов. Тогда не было телевизоров и совсем мало радиоприёмников (подключённые к центральной радиотрансляционной сети громкоговорители имелись только в городах), не было автобусного сообщения между деревнями и районными центрами, уж не говоря о связи со столицей республики Энгельсом или с другими городами. В городских немецких школах русский язык преподавали со 2 класса как предмет. В конце 6 класса русскую грамматику преподавали уже по программе русских школ. Только по русской литературе немецкие ученики отставали от своих русских сверстников. И тем не менее знания русского языка были слабые. Я ещё хорошо помню один курьёзный случай. Нам во 2 классе задали на дом по русскому языку письменное упражнение. В маленьких предложениях надо было вставить русское название нарисованного предмета. Я тогда при страшном морозе обежал всех соседей, и никто мне не мог сказать, как называется «рубанок» по-русски. (Словарей у нас тогда ещё не было.)

... Окна домов были затемнены. На улицах всюду были развешаны плакаты: «Наше дело правое!», «Враг будет разбит!», «Победа будет за нами!» Эти краткие и лаконичные лозунги действовали на нас, детей, как-то успокаивающе. Ведь мы были напичканы ура-патриотическими песнями, речами, лозунгами и фильмами.

Потом пошли упорные слухи о том, что немцев будут выселять. Город наводнили войска. В школах устроили госпитали. И, наконец, накануне нового учебного года в газетах появился «Указ Президиума Верховного Совета о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В нём немцы обвинялись в сотрудничестве с германскими войсками.

Многие наши люди не могли поверить в то, что можно выселить целый народ, считали, что это недоразумение. Говорили: «Разве это возможно, когда почти весь хлеб ещё стоит на корню?!» Но, к сожалению, всё оказалось правдой. По настоящему поверили, когда «Указ» появился в немецких газетах и люди сами могли прочитать его.

Как уже сказано, республика была забита вооружёнными войсками. Правительство, по-видимому, боялось сопротивления, может, даже мятежа. Как ни говори, акция проводилась против населения в 400 000 человек. Но люди начали спокойно, как овцы, готовиться к дальнему путешествию. Фрау Амалия Рау, 70-летняя пенсионерка из Фрунзе, рассказала об этом следующее:

В то лето все преподаватели районного центра Гуссенбах, где тогда фрау Рау работала в школе учительницей, были досрочно отозваны из летнего отпуска. Их всех пригласили в сельский совет, где они каждый день, почти две недели подряд регистрировали всех жителей деревни. Затем их послали на поля, чтобы помочь при уборке урожая. В последние дни августа учителя были заняты тем, чтобы весь

инвентарь из школы перенести в церковь и соорудить там классные комнаты. В школе устроили госпиталь.

Последний день перед новым учебным годом было прекрасное воскресенье. Супруги Рау собирались со своими двумя девочками-дошкольницами после обеда пойти в кино. Неожиданно господина Рау позвали в партийный комитет, который находился недалеко от их дома. Так они в тот день в кино и не попали. Настал вечер, затем наступила ночь – господин Рау домой не вернулся. В голове 33-летней женщины роились самые мрачные мысли. В 1937 году был арестован брат её мужа и объявлен врагом народа. С тех пор он исчез навсегда. Кто знает, может и мужа её арестовали. В то время всего можно было ожидать. Она, конечно, всю ночь глаз не сомкнула, успокаивала детей, а сама плакала.

Утром она в первую очередь пошла в партком. Там её успокаивали и сказали, что муж находится в редакции. Константин Давыдович Рау, член партии с 1930 года, активный организатор колхозов, бывший учитель и школьный директор, затем Секретарь райкома партии, работал в это время редактором районной газеты «Красное знамя». Госпожа Рау побежала в редакцию. Здание было оцеплено красноармейцами, и её не пропустили внутрь. Уже было время идти в школу. Она пошла туда и начала занятия, но слёзы так и душили её. Она старалась стоять так, чтобы дети не видели, как она плачет. Но она их обмануть не сумела, они всё заметили и притихли, как мышки. Через несколько минут открылась дверь, и в класс вошла соседка госпожи Рау, продвигая впереди себя двух девочек учительницы. Соседка, русская женщина, смотрела за детьми, когда госпожа Рау была в школе. Она громко сказала на русском языке: «Что ты тут делаешь, Малюша, ты что, не знаешь, что вас выселяют? Иди скорее домой и упакуй вещи!» Но госпожа Рау, которая от горя была вся не в себе, вывела женщину с детьми в коридор и только сказала: «Как же можно среди урока так врываться в класс?»

Но через 5 минут прибежал секретарь райкома комсомола и стал, как окаменевший в дверях. Он прошептал только: «Малюша, нас выселяют, слышишь, нас выселяют! Отпусти детей и иди быстрее домой!» Только теперь учительница поняла всю трагедию, свалившуюся на них. Она тихо сказала: «Дети, идите домой», и побежала снова в редакцию. На этот раз её пропустили. В кабинете мужа она увидела чужого человека в милицейской форме, её муж стоял перед большой картой Советского Союза. Он повернулся к жене и сказал те же слова, как и недавно комсорг: «Малюша, нас выселяют.» Потом он повернулся снова к карте, чтобы она не увидела его слёз. Но она заметила, как дёргались его плечи и начала опять плакать сама. Милиционер дал ей стакан воды и попытался её успокоить. Немного успокоившись, муж показал пальцем на карту и сказал: «Вот сюда, Малюша, нас будут выселять. Иди домой и пакуй вещи. Мы с товарищем отпечатаем Указ на немецком языке, потом я тоже приду.» Милиционер сказал: «Да, да, он скоро придёт.» И она ушла.

Дома она никак не могла прийти в себя. Чемоданов и сундуков у них не было. Соседка дала ей фанерный ящик, и она начала складывать книги. За этим занятием и застал её муж, когда он под вечер с этим милиционером пришёл домой. Муж выкинул книги из ящика и начал укладывать детские вещи. Милиционер сказал: «Берите и велосипед с собой. Это будет кусок хлеба для ваших детей.» Как благодарна была госпожа Рау позже этому человеку за этот совет...

... Нас из Маркштадта начали выселять 6 сентября. Несколько дней до этого в дома, где проживали немцы, приходили русские люди, всё регистрировали: состав семьи, дома, коров. У нас не было собственного дома, мы жили в коммунальной квартире. Корову мы сдали в заготскот, а позже, в Сибири, мы были среди тех немногих счастливых, которые в колхозе получили корову. Отец работал до последнего дня на заводе. Потом он два дня бегал туда, чтобы получить расчёт, но напрасно. В кассах

не было денег. И где же предприятия и местные банки могли за такой короткий срок взять столько денег, чтобы рассчитать всех рабочих. Центральные власти об этом не заботились.

Однажды, поле обеда, пришли военные и предупредили нас, что через 2 часа приедут подводы, чтобы мы были готовы к отъезду. Едва они ушли, как подводы уже стояли перед домом. Нашей семье по каким-то сверху определённым нормам полагалось на 7 человек (родители и 5 детей) две подводы: одна двуконная и одна одноконная. Но предоставили только одну двуконную. Надо было быстро всё переупаковать и несколько ящиков и узлов оставить.

В городе царил неопиcуемый хаос – на улицах бегали свиньи, овцы, козы, куры взволнованно кудахтали, собаки выли (они больше всех чувствовали, что происходит что-то необыкновенное). Русские учащиеся из ремесленных училищ бегали по улицам и дворам и пытались поймать животных.

Некоторые из наших соседей, коллеги отца по работе, не погрузили свои вещи на телеги, они отказывались уезжать без своей зарплаты. Они уехали два дня позже, после того, как они получили на своих предприятиях полный расчёт. Наш отец слишком боялся сопротивляться властям. Он был рад, что он в этом хаосе не растерял своих детей и мог с ними уехать, он боялся, что его могут арестовать. Так мы и уехали с 5 килограммами сухарей «на борту» (которые мать ещё успела засушить), с ведром жаренного мяса, залитое жиром, и 13 рублями денег. Дорогой потом мы, дети, с завистью смотрели на других, у кого были деньги, за которые они могли купить продукты.

Мы всегда старались быть вместе с соседями, которые в этот день уезжали. Наши родственники жили в деревне. Позже мы узнали, что водители автомашин всего района уезжали последними, после того, как они из пустующих колхозов увезли весь хлеб и сдали его государству.

Мы ехали совсем медленно, шагом, через город. Это была жуткая картина, напоминавшая выселение кулаков (зажиточных крестьян) в конце 20ых и начала 30ых годов, только в 100 раз увеличенное. Обоз тянулся десятки километров, сопровождаемый собаками переселенцев. На улицах стояли люди, русские соседи, коллеги. Многие плакали, махали платками, прибежали к телегам, чтобы проститься.

Мы ехали в Энгельс, к железной дороге. Ехали очень медленно, то и дело останавливаясь из-за какой-либо поломки. Так мы ехали всю ночь. Мы проезжали опустевшие немецкие деревни, ехали через погружённые в сон русские. Но, когда обоз приближался, люди просыпались, выбегали на улицу, чтобы посмотреть на странную вереницу гружёных подвод. Многие подходили к телегам и передавали женщинам и не спящим детям молоко, помидоры, яблоки и другие продукты. Они хорошо знали, какой длинный и трудный путь этим людям предстоит.

К железной дороге мы подъехали уже часов в 10 следующего утра. Багаж сгрузили с телег, в длинные ряды вдоль железной дороги. Возчики попрощались и поехали домой. Может быть, им эту дорогу предстояло проделать ещё не раз. Некоторые из возчиков были немцы, которых мобилизовали из других деревень, их очередь эвакуироваться настала попозже. Они смотрели на всю эту картину и с грустью говорили: «Кто знает, как нас ещё отправят.» И они были правы. Нам было ещё сравнительно хорошо. Мы были из первых. Нас отправляли хоть и очень поспешно, но ещё в более человеческих условиях, чем последующих, и места ссылки были ближе и лучше, чем у тех. Их отправляли обычно на баржах по воде и в более отдалённые, менее обжитые районы.

Мы ждали поезда. Опять появились военные, составляли списки, отдавали приказы. Начался дождь. Телеги с переселенцами ещё много часов подъезжали, и их багаж выгружали прямо на мокрую землю, иногда даже в лужи, так как каждой семье было отведено строго определённое место, чтобы потом удобнее и быстрее можно было погрузиться в вагоны. После обеда дождь перестал, показалось солнце. Но просушить вещи уже не было времени – был подан поезд с товарными вагонами. Некоторые вагоны были более или менее чистые, но далеко не все. Но для чистки не было времени, люди погрузили свои вещи прямо в грязные вагоны. Переселенцев распределили по вагонам. В каждый двухосный вагон определили 40-45 человек. Большие сундуки и узлы мужчины тащили к голове поезда в большие 4х-осные багажные вагоны. Это привело опять к шуму, хаосу, слезам. Надо было всё переупаковать, чтобы нужные вещи брать с собой в вагон. Наконец, вещи и люди были погружены. В нашем вагоне было 42 человека: на одной стороне устроились мы – три соседские семьи по 7 человек каждая. Кроме нас это были семьи Галле и Шауфлер – 21 человек. На другой стороне устроились несколько семей – всего 19 человек. В середине вагона расположилась пожилая пара, которая не пожелала лазать по двухэтажным нарам. С 7 сентября 1941 года этот вагон стал теперь на 11 дней нашим жилищем.

Мы ехали, хоть и очень медленно, всё дальше на восток. В начале для нас, детей, это путешествие было интересным. Мы приблизительно знали, что нас везут в Казахстан или в Сибирь. Мы вспоминали картины из учебников по географии, кинофильмы, и всё это нам показалось очень экзотичным. Для нас было интересно теперь увидеть наяву всё то, что до сих пор жило только в нашей фантазии.

В каждом вагоне избирался старший, который вместе с другими мужчинами ходил за тёплым обедом и за хлебом, которые нам выдавали иногда на больших станциях, где поезд долго, по несколько часов стоял. В вагоне потом эти продукты делились по семьям по количеству лиц. Бывало, что наши супоносы отставали от поезда. Тогда они вынуждены были догонять нас на других поездах, что было в общем не особенно трудно, так как мы почти на каждой станции стояли часами и пропускали все остальные поезда. Но были и случаи, что семьи таким образом на долго теряли друг друга. Некоторые попадали и под колёса трогаящегося поезда, когда они пролезли под вагонами.

Ночью в вагоне спальных мест для всех не хватало. Тогда мы, три подростка, сидели в дверях вагона, ногами наружу, и рассказывали друг другу разные сказки и истории. Около 2-3 часов ночи кто-то из взрослых нас сменял, уступив нам свои спальные места.

Наш поезд, или, лучше сказать, его пассажиров, охраняли военные, которые ехали в двух вагонах – в начале и в конце поезда. Иногда наших старост вагонов вызывали в штаб-сопровождение, который тоже находился в начале поезда, чтобы принимать какие-то приказания. Тогда этот вызов «прокликивали» от вагона к вагону.

18 сентября наш поезд прибыл на станцию Рубцовка (Алтайский край). Было прохладное осеннее утро. Мы выгрузили наш скарб из вагона и были рады, что жизнь наша под стук колёс, наконец-то, закончилась. Но неопределённость о нашей дальнейшей судьбе тревожило нас. Плохое знание русского языка (некоторые вообще не знали ни одного слова по-русски) ещё усугубляло наше положение.

Вечером того же дня из близлежащих и далёких колхозов прибыли подводы, запряжённые лошадьми. По неизвестному нам принципу нас распределили по районам, так что родственные или подружившиеся семьи, которые до сих пор

держались вместе, теперь разлучались. Те, кто понимали и говорили по-русски, иногда сумели добиться, чтобы их не разлучали, но большинство групп были разорваны. Я не думаю, что это было умышленно сделано местными властями. Но умыслом являлось то распоряжение свыше, рассеять немцев на огромных территориях таким образом, чтобы они не могли роптать и неизбежно должны были ассимилироваться среди других народов.

Нас привезли в районный центр Ново-Егорьевка, 40 км от Рубцовки. Было 2 часа ночи, когда мы остановились перед сельсоветом, где мы очень долго чего-то ждали. Затем нас и ещё несколько семей повезли в колхоз имени Кирова, который находился в конце этого большого села, далеко от центра. Мы вообще не знали, где мы находились, мы хотели только одного – спать. На ночь нас разместили в пустой колхозной конторе. Уборка урожая шла полным ходом, и правление колхоза переехала в бригаду, 25 км от села, поэтому контора пустовала. Нас было три большие семьи в этом колхозе (Галле, Кох и мы) и три одинокие женщины. Утром дядя Генрих Галле и дядя Вильгельм Кох сразу пошли в центр «на разведку», т.е. попытаться найти работу по специальности. К обеду они вернулись с подводами и забрали свои семьи. Дядя Генрих Галле нашёл место бухгалтером в райпотребсоюзе, а дядя Вильгельм Кох – механиком на лесопильном заводе в деревне Кормиха, в 25 км в лесу.

(Как мы потом узнали, мы первое время имели ещё немного свободы передвижения в пределах данного района.) Наш отец, как потомственный крестьянин, решил остаться в колхозе и в то же утро уехал, как и остальные три женщины, в бригаду. Он сказал матери, что он другой работы всё равно не найдёт и он должен скорее работать, чтобы прокормить семью. А в колхозе можно и работать и жить. Тем более, что рабочие руки там требовались, ведь все мужчины были на фронте.

В колхозной конторе теперь жила только наша семья: мать и мы пятеро детей. Немного позже нас поселили в пустой домик рядом с председателем колхоза Степаном Назаровичем Зюкиным, украинцем по национальности. Мы, дети, (я был старшим – 13 лет), помогали в деревне пожилым женщинам и солдаткам убирать их огромные (до 1 гектара) огороды. За это мы получали картофель, свёклу, тыкву, капусту и другие овощи, так что на первое время мы едой были обеспечены. Хлеб нам выдавали из колхоза, сначала печёный, потом муку. Через некоторое время нам из колхоза выдали и корову, взамен нашей, которую мы перед депортацией с Волги сдали государству. Но семья была большая, и мы начали постепенно менять свои привезённые вещи и одежду на продукты питания. О школе пока нечего было думать. Я хоть и понимал несколько слов по-русски, но я должен был работать. Младшие брат и сестра, которые тоже должны были посетить школу, по-русски вообще ничего не понимали. Таким образом брат Саша, 1933 года рождения, так и остался совершенно неграмотным. Таких среди российских немцев и сегодня ещё много.

Вначале местное русское население относилось к переселенцам совершенно миролюбиво, даже с жалостью. Требовалась рабочая сила (мужчины все были на фронте), и немцы были прямо-таки желанны со своим трудолюбием и детской послушностью. Приходилось, конечно, иногда выслушивать глупые вопросы, как: Каково наше мнение, кто победит – Советский Союз или «наш Гитлер»?; Кто мы такие – «немцы» или «ненцы»?.. Некоторые до сих пор серьёзно верили, что у немцев на головах имеются рога. В кинотеатрах в то время шёл фильм «Александр Невский», где немецкие рыцари были в «рогатых» шлемах. Это обстоятельство и злобная пропаганда советских политкомиссаров против всего немецкого достигли своей цели у большей части населения, их ненависть достигла своего апогея и против своих, советских немцев.

Гораздо хуже стало, когда с фронта начали приходить в деревню десятками похоронные извещения о русских солдатах. Тогда причитания и жалобы сотрясали воздух. Женщины и дети рвали на себе волосы, посыпали головы свои золой. Всюду слышались крики проклятий против «фашистов, фрицев, немцев». В такие дни мы не осмеливались выходить на улицу.

Ругательства подобного рода сыпались на нас всё чаще. Если такое приходилось слышать от обезумевшей от горя вдовы, или от детей, которые научились этому от старших – это можно было ещё понять. Но когда руководители колхозов или сельсовета, представители советской власти тебя так обзывали, тогда и самые терпеливые и понятливые опускали руки. Часто случались драки среди молодёжи из-за таких инцидентов, виноватыми, как правило, оказывались немцы.

В начале 1942 года всех немецких мужчин, а также всех немецких женщин, не имевших грудных детей, мобилизовали в «трудармию». Остальное немецкое население попало под надзор спецкомендатуры. Все граждане 16 лет и старше должны были 2 раза в месяц отмечаться у коменданта.

Немцы всегда должны были делать ту работу, от которой местные отказывались. Немцы отказываться не могли – тут же нам грозили коментатурой. Мы даже не имели права посетить родственников или друзей в соседнем селе, даже если это было всего в двух километрах, но в другом районе. У въезда в город были устроены шлагбаумы, чтобы немцы не могли туда проникнуть. Нам нельзя было даже съездить или сходить на базар. Это усложняло и так уже тяжёлое положение немцев. И если всё-таки кто-то осмеливался переходить границу и его при этом поймали, его тут же арестовывали и под конвоем проводили к «его» коменданту. Наказание зависело от характера и настроения «отца». Это могли быть зимой несколько ночей холодного карцера, это могло быть несколько дней ареста в КПЗ (камера предварительного заключения), принудительная работа под охраной, несколько ударов плёткой или просто длинное нравоучение.

Отец наш был мобилизован в трудармию в марте 1942 года. Меня забрали в декабре 1942, 14-летним пацаном, в угольную шахту в Кемеровскую область. Мать осталась больная в колхозе с четырьмя малолетними детьми (младшей сестрёнке было 8 месяцев). Но это уже другая глава.

Как это было

Точная дата, когда немцев в Советском Союзе стали мобилизовать в трудовые лагеря, тогда названные «трудармией», мне не известна. Факт то, что это было, главным образом, в 1942 году. Мобилизация производилась, в основном, военкоматами: забирали всех мужчин и женщин от 14-15 до 65-70 лет (по официальным данным – от 16 до 60 лет, но у нас мобилизовали, как я указал), лишь бы они, хоть и хромяя, могли передвигаться. Женщин, имеющих детей до двух лет, обычно не брали. Их оставляли дома (если место депортации можно назвать «домом»). Эти женщины должны были брать к себе детей из других семей, в которых матери были мобилизованы.

Моего отца мобилизовали в марте 1942 года. Больная жена с 5 детьми (мне, старшему, было 14 лет, младшей сестрёнке – едва 2 месяца) остались на попечении колхоза. У нас было 5 дней времени, чтобы подготовить отца в это путешествие. Моя задача состояла в том, чтобы нарубить как можно больше табаку-самосаду и довести его до готовности. Я сумел 300 чайных стаканов нарубить и просеять, которые потом

спасли отца от голодной смерти (он в трудармии променял этот табак, называемый махоркой, на хлеб).

Я в ту зиму посещал несколько месяцев русскую школу (другой же не было). После мобилизации отца с моей учёбой было покончено. Я с братом Сашей (1933 г.) ходил в деревне по дворам и пилил и колол дрова. Таким образом мы зарабатывали продукты, чтобы прокормить семью (так как теперь не было взрослого работника в семье, мучной рацион, выдаваемый колхозом, становился всё меньше да меньше). Так прошла весна 1942 года. 1 мая председатель колхоза Степан Назарович Зюкин, маленький, толстый старик-украинец, явился к нам домой и заявил, что мне нужно ехать в бригаду работать. Шла посевная, а работать кроме таких пацанов, как я, да женщин и нескольких стариков, было некому, мужчины уже все были на фронте. Он самолично отвёз меня в бригаду, расположенную в 25 км от села. Дорогой он учил меня ездить на лошади, выбирать всегда дорогу посуше и для лошади полегче. (Вообще этот председатель и вся его семья относились к нам, к нашей семье, очень хорошо, с какой-то жалостливой добротой. Скорее всего это выражалось как забота о семье нашего отца, которого за эти полгода, которое он проработал в колхозе, и колхозники, и председатель успели полюбить за его безотказное трудолюбие и умелую работу в колхозе, ведь он был потомственным крестьянином.) С этого дня началась моя настоящая трудовая деятельность в колхозе. Я делал все полевые работы, которые в колхозе встречались. Но, главным образом, я работал тогда с лошадьми: от пахоты и боронования до сенокоса и уборки зерновых лобогрейкой (косилкой). Так как не было в колхозе взрослых работников, мы, пацаны, мнили себя просто-таки незаменимыми (так оно и было). В бригаде еды для людей хватало, и если бы не забота об отце и вспышки гнева и ненависти населения против нас «фашистов», когда почтальон приносил похоронки с фронта, я мог бы чувствовать себя счастливым.

В течение лета 1942 года я два раза получал от военкомата повестки для отправки меня в трудармию. Каждый раз председатель колхоза, уже пожилой мужчина и в районе авторитетный коммунист, сумел меня отстоять. Он просто заявил военкому, что, если меня заберут, то он привезёт всю нашу семью и высадит её прямо в кабинете военкома, так как наша семья без меня существовать не может. Но 5 декабря 1942 года подошло время и для меня. Председатель как раз куда-то уехал. Район должен был поставлять на этот раз 5 человек. Так как во всём районе больше не было подходящих немцев, то я, 14-летний, был на очереди. Защитить меня этот раз было некому.

Вся семья наша в ту зиму жила в бригаде в маленькой комнатке глиняной избушки. Зимой вообще все помещения пустовали. Поселив нас сюда, правление колхоза хотело одним выстрелом сразу двух зайцев убить: во-первых, наша семья была обеспечена жильём и топливом на зиму (соломы для топки хватало). Во-вторых, даже самые маленькие могли приносить пользу при кормлении скота. Мать могла занять пост ночного сторожа. Мне лично выпала обязанность кормить лошадей, т.е. работать конюхом. И так как на полях было ещё вдоволь колосков, свеклы и картофеля, то считали, что семья не пропадёт с голоду.

Стояла холодная, но бесснежная зима. 4 декабря я ещё с моим товарищем Федей Зайцевым (он был на год старше меня) косил на лобогрейке пшеницу. 5-ого я попрощался с семьёй, за которую я сильно переживал. Я взял небольшой мешок, сшитый из двух разных кусков материала, с последним богатством семьи – стёганым одеялом из верблюжьей шерсти, латанным-перелатанным, и три лепёшки, которые мать напекла мне на дорогу, и мой друг Федя повёз меня в деревню к сельсовету. (Его самого потом мобилизовали в ремесленное училище в Рубцовку.) Около сельсовета уже собралось ещё четверо парней-немцев из других колхозов, тоже 15-16 лет. Одноглазый и хромой парень из соседнего колхоза должен был на одной лошади и дрожках повезти нас в Рубцовку, 40 км от нашего села. Он тоже уже стоял со своей

подводой перед сельсоветом. С нами должен был ещё ехать районный прокурор до следующей деревни, в Песчаный Борок. Когда мы все семеро уселись и тронулись с места, наш возчик слишком круто повернул лошадь и... хрясь! – сломался стальной шкворень в передке нашей тележки. Лошадь потихоньку шла дальше и на вожжах стащила нашего возчика на землю. Мы шестеро сидели на телеге и смотрели друг на друга. Теперь нам, молодым ребятам, суждено было стать богаче на одну жизненную мудрость. Прокурор наш первым пришёл в себя. Он резко поднялся с телеги, взял наш верхний обломок шкворня, подошёл к другой такой тележке, которую только-что поставила женщина-бригадир из соседнего колхоза. Сама она находилась по каким-то делам в сельсовете. Прокурор вытащил из той тележки целый шкворень и вставил на его место наш обломок. За полминуты наша телега была на ходу, и мы поехали! Разорить чужую подводку или сбрую – для нас было не ново. Это случалось нередко. Но, что это мог сделать именно прокурор! Это было для нас ещё одним уроком «житейской мудрости»!

Дорогой, в степи, мы наблюдали, как лисы охотились на мышей. Это на время отвлекало нас от тяжёлых мыслей о нашем неизвестном будущем. И мы незаметно приехали в Песчаный Борок. Дни были очень короткие и в деревню мы въехали уже затемно. Прокурор оставил нас и пошёл по своим делам. Мы поехали ночевать в заезжий двор, поужинали нашими нехитрыми припасами и легли спать. Ночью я плохо спал, всё боялся проспать, и рано утром поднял ребят, хотя я был моложе всех. Мы так же скудно позавтракали, как и поужинали накануне. Главным компонентом всех наших трапез был чай, т.е. горячий чистый кипяток. Чая для заварки не было, некоторые его даже не знали. Теперь мы поехали до Рубцовки одни, без нашего прокурора. Наши сопроводительные бумаги были в большом конверте у Виктора Виберга, по годам старшего из нас. Дорогой мы осматривались по сторонам, и нам вдруг пришла смелая идея: просто забросить наши бумаги в степь и разбежаться по домам, ведь мы проезжали мимо наших полей и посёлков, чьи-то были ближе, чьи-то дальше. Немного поспорили, затем разум победил (или страх?). От советской власти всё равно спасения бы не было. И с нами бы чикаться не стали – такая шутка могла бы нам стоить лет 8-10 тюрьмы, несмотря на наши молодые годы. Была война, а мы были немцами.

В Рубцовке перед военкоматом нас собралось человек 800 молодых парней и девушек, старых больных мужчин и женщин. Нас строем повели на железнодорожный вокзал, погрузили в ледяные товарные вагоны и отправили всё дальше на север в Кемеровскую область в город Анжерка. 5 дней мы были в пути в этих почти нетопленных вагонах. Маленькая чугунная печка в середине вагона давала тепло только в самом ближнем окружении. И мы (45 человек) грелись по очереди. О сне тут почти не могло быть и речи: во-первых, не было места, во-вторых, холод и голод не давали спать. Мы дорогой ещё мечтали о том, что нас будут держать, в крайнем случае, до весны. Тогда нас, наверняка, отпустят опять в колхозы. Иначе кто же будет во время посевной пахать и сеять?! Но выяснилось, что никто и не думал отпускать нас, ни весной, ни позднее. Мы попали в угольные шахты Кузнецкого угольного бассейна. Более или менее здоровых, в том числе и нас, молодых, отправили под землю в шахты. Старикам, слабым и инвалидам нашли применение на поверхности. В этом сборе подмели, наверно, последних, всех под метёлку. Здесь были только совсем молодые и совсем старые, совсем больные и калеки. Было и несколько мужчин среднего возраста среди нас, которых привезли сюда из армии, бывшие офицеры немецкой национальности. Но они служили начальниками и командовали нами.

Нас разместили в двухэтажных бараках, три км от города и от территории шахты, на возвышенности, где особенно сильно дул ледяной ветер. Мы получили карточки на хлеб, горячее питание, сахар, мыло, спички и уже на второй день спустились в шахту на работу. Работали в три смены, круглые сутки. Нас по сменам, в колоннах, под

охраной вооружённых автоматами солдат вели до шахты и передавали там шахтовским охранникам. Домой мы шли группами в 15-20 человек, как мы на участках шахты работали, в группе был старший с пропуском, по которому мы через проходную выходили с территории шахты и заходили в свой лагерь .

Всю зиму мы после работы должны были с территории шахты таскать в лагерь доски, плахи, горбыли, брусья и столбы. Эти материалы первое время служили нам своеобразным пропуском, по которому нас пускали в бараки. Ими нас теперь по настоящему загородили трёхметровым забором с тремя рядами колючей проволоки над ним, со сторожевыми вышками. Эту работу делали наши старики, которые работали не в шахте, а на поверхности. И они её делали добросовестно, с немецкой аккуратностью и немецким прилежанием, чтобы не попасть в немилость к начальству и не угодить на работу под землю. Нас, ребят, это злило. Мы считали, что они могли бы нас менее крепко загородить, мы же почти все строили планы, как бы весной убежать домой.

В шахте мы в основном подтаскивали крепёжный лес к забою и лопатами кидали уголь на конвейер. Работа сама и условия в шахте были тяжёлыми, особенно для нас подростков с нашими слабыми силёнками и с нашим неопытным и во всех отношениях нерациональным образом жизни, который и не мог нам прибавить сил. Мы хоть и получали 1 килограмм хлеба в день (шахтёрский паёк), но мы его обычно съедали уже в первые часы. Часто нас ещё и за малейшие проступки (за опоздания на работу, за прогулы без врачебного освобождения от работы, за отставание от группы, за чёрное от угля лицо и... и... и...) наказывали урезанием хлебного пайка, (например, вырезали из хлебной карточки по 300, а то и 500 гр. в день, обычно на целую декаду).

Я жил почти на одном хлебе. В столовой я никак не мог пересилить себя и съесть эти кусочки мяса-дохлятины, которые нам иногда давали, а ел только баланду с морожеными капустой и свёклой. И я очень быстро совсем отощал и в шахте не смог выполнять своей трудовой нормы. Штрафы и наказания посыпались, как из рога изобилия. Доходило иногда до того, что и в столовую не пускали за какую-нибудь провинность, тогда приходилось жить на одной куцей хлебной карточке.

В бараках мы спали на деревянных нарах без матрацев или другой подстилки, их выдали нам только через год, когда комендантом лагеря назначили бывшего командира Красной Армии по фамилии Боос, немца по национальности. Конечно, о раздевании не могло быть и речи, спали в чём ходили, часто в том, в чём работали в шахте. Тут мне вспоминается случай, столь же курьёзный, сколь и трагический. В нашей комнате жил здоровенный парень из района Славгород Алтайского края. Он очень редко умывался после работы в шахте, особенно зимой. Если мы ему делали замечание, то он всегда находил отговорку: то он поздно вышел из шахты и ему надо было торопиться, чтобы не отстать от своей группы; то у него не было мыла, а без мыла мыться всё равно было бы бесполезно, то он чувствовал себя плохо. В бараке, конечно, не было возможности помыться, не было воды. Зато в шахтной раздевалке были души с горячей водой. Так он и спал большей частью в одежде и невытый, чёрный от угольной пыли, как чёрт. Однажды, это было зимой, перед обедом, он опять спал одетый и чёрный от угольной пыли после ночной смены на своих верхних нарах, когда лагерный комендант Боос и его заместитель по фамилии Фрост, оба бывшие армейские офицеры, делали контрольный обход по баракам (целью этих обходов было обычно выявление прогульщиков). Когда они увидели на нарах это нечто невообразимо чёрное в лице нашего товарища, они его довольно грубо разбудили, стащили с нар и после короткого допроса, велели ему пойти с ними. Мы испугались, так как думали, что наш компаньон заработал себе минимум трое суток холодного карцера. Через 15 минут мы из карцера, который находился в комнате на втором этаже противоположного барака, услышали душераздирающие крики. Не было сомненья, это кричал наш товарищ, которого,

наверно, беспощадно били. Эти крики и вопли продолжались около получаса и перешли затем в стоны. Вокруг барака собрались люди, которые после ночной смены отдыхали в своих комнатах. Вдруг стоны прекратились и наш товарищ пулей полетел по лестнице вниз и выскочил на улицу. Мы его едва узнали. Лицо и руки были красные, как у новорождённого. Он прибежал в свой барак, забежал в комнату и полуоблегчённо, полу всхлипывая под бурный смех присутствующих рассказал, что с ним произошло. Когда эти два коменданта привели его в карцер, они заставили дневального принести с улицы большое корыто с чистым снегом. Наш провинившийся должен был раздеться догола и лечь на топчан. Дневальный и помощник коменданта держали его за руки и ноги, а Боос, засучив рукава, полчаса обрабатывал его изо всей силы снегом, с головы до ног, пока он не отмыл его дочиста. Со словами, что в следующий раз его будут мыть прямо во дворе в сугробе и на морозе (в карцере было не на много теплее), его отпустили. И никто не сомневался в том, что Боос выполнит своё обещание. С того дня наша комната была относительно чистоты образцовой. Наш «крестник» теперь был всем примером. В душевой он приставал ко всем с просьбами, чтобы посмотрели, нет ли ещё где грязи, ведь зеркал у нас не было.

И несмотря на всё, мы жили ещё в лучших условиях, чем трудармейцы в других лагерях. Может, потому, что у нас не было полноценных работников: только полу дети, старики и больные? Может, потому, что комендант Боос, бывший офицер в звании капитана, человек с сильным характером, сумел создать в лагере какой-то порядок?

Весной 1943 года я заболел воспалением лёгких. Несколько дней я лежал с высокой температурой на своих нарах, часто без сознания, безо всякой медицинской помощи. В лагере не было врача. В конце концов меня повезли на одноконной телеге, запряжённой полудохлой клячей, через весь город в больницу. Был тёплый, солнечный весенний день. Наверно воскресенье. На улице было много детей. Это были дети моего возраста и старше. Они играли в мяч и другие игры. Я лежал на тархтевшей телеге, смотрел в полу сознании на весёлую возню ребят, и в первый раз я так ясно осознал своё беспомощное, похожее на рабство, положение, как немца, и не в силах был удержать слёз, катившихся по щекам. Возница, русский старик, думал, наверно, что я плачу от боли, и поехал ещё тише, чтобы телегу меньше трясло. Да, это была боль, но я её тогда этому старому человеку не мог описать и объяснить. Это была беспомощность, с которой мы были отданы на произвол судьбы, это была обида за несправедливость, с которой с нами, ещё полу детьми, так обращались только лишь потому, что мы были немцами, в то время, когда наши русские сверстники могли быть хотя бы дома у матерей своих, у братьев и сестёр. Они могли ходить в школу и играть, и не вынуждены были на чужбине изо дня в день совершать тяжелейшую работу в рабских условиях. Это была безнадежная и беспомощная жалость к самому себе. Этого я этому человеку объяснить не мог, да и не посмел бы.

Когда я через две недели из больницы вернулся, я обнаружил, что у меня украли мои старые валенки. Их, как и многое другое, что в лагере крали, обменивали кому-нибудь из местных на продукты. Удивительно, что моё «сокровище», стёганное из верблюжьей шерсти одеяло, которое меня не раз спасало от холода, ещё лежало на моих нарах. Наверно, было слишком опасно, такой большой предмет выносить незаметно из барака и из лагеря, который строго охранялся. Хоть это меня отчасти вознаграждало.

В лагере со мной было несколько земляков, с которыми я делил, как говорят, и радость и горе. Один из них был Эдгар Гертье из Маркштадта. Ему было около 30 лет, по профессии портной и страдал огромной грыжей, которая спасала его от работы под землёй. Он работал в лагере и шил для начальников разную одежду. Он не получал шахтёрского пайка, но благодаря своему положению был во всех отношениях лучше

обеспечен, чем другие обитатели лагеря. Особенно «популярен» он был у «свободных» женщин из столовой (то есть не мобилизованных), для которых он вкалывал день и ночь. Они за это обеспечивали его продуктами. Он даже мне мог помогать продуктами и часто чинил мои оборванные лохмотья. Но самое главное для меня было то, что он для меня всегда находил минутку внимания, и я всегда мог излить ему свою душу. С ним я делился самыми сокровенными мыслями и планами. И он тоже всегда делился со мной, как с равным, хотя он был два раза старше меня. Он давал мне много добрых советов и способствовал тому, чтобы мы, молодые пацаны, не наделали «глупостей», которые, в основном, состояли в том, что мы ковали планы побега домой. Этому человеку я сегодня ещё благодарен за его бескорыстное участие в моей судьбе. К сожалению, мне не известно, что с ним стало в дальнейшем.

Для нас, молодых, было очень важно иметь кого-либо, который в беде мог прийти на помощь, хотя бы советом, кому мы могли открыть свою душу, поделиться самыми сокровенными мыслями и планами. Наши планы и мечты часто совпадали с мечтами наших взрослых товарищей. Мечтали в основном о еде, о «свободной жизни и свободной работе» на просторных колхозных полях. Обменивались воспоминаниями о том, как было хорошо работать в колхозе на любимых лошадях (не сравнить с работой в шахте!), в бригаде, где мы, мальчишки, и наша работа нужны были, где нас ценили. Раньше, в колхозе, мы мечтали о Волге, о школе. Чтобы эти мечты осуществить, мы составляли планы, вдвоём, втроём, иногда и по одному, сбежать из трудармии, из этого ненавистного лагеря, из сырой, вонючей шахты, домой к семье, к матери, братьям и сёстрам. Мы давали себе отчёт в том, что из этого могло получиться: страшные трудности в пути, а когда тебя поймают – 8 -10 лет тюрьмы, или, в лучшем случае – позорное возвращение в лагерь и в шахту при ещё более тяжёлых условиях. Но мы об этом не долго задумывались, мы ко всему были готовы. Главное было – добраться домой к семье, ещё раз повидать родителей, братишек и сестрёнок, потом пусть над нами рухнет мир. Так невыносимо сильно было иногда чувство тоски по дому.

Весной, когда всё ближе подходил, как казалось, момент осуществления наших планов, мы вдруг почувствовали, что жизнь и здесь становилась терпимее: стало теплее, и страшный холод нас уж так не мучил; появилось больше зелени, за полпорции хлеба можно было у местных женщин выменять лук, чеснок, варёную картошку, ягоды и орехи, иногда даже пол литра молока, вкус которого мы уже забыли. Ежедневно возвращали в лагерь беглецов, которые в зарешённом карцере, за замком ожидали своей участи, то есть суда. Они сквозь решётки с юмором рассказывали нам о своих приключениях. Они чувствовали себя героями дня. После суда, который проходил часто прямо в лагере, у них настроение заметно ухудшалось. Ввиду этих изменений, взвесив все «за» и «против», мы с моим другом Виктором Вибергом, тоже из Маркштадта, решили не рисковать, а ещё некоторое время потерпеть.

Но лето проходило, опять стало ужасно холодно. Валенки, спасавших мои ноги от мороза, у меня уже не было. На ногах у меня были, как и у многих других ребят, парусиновые ботинки на деревянной подошве. Деревянные подошвы при ходьбе не гнулись вместе со стопой, поэтому надо было, особенно по гладкой дороге, всё время передвигаться бегом, чтобы не упасть вперёд. Ноги от этого нагревались. Но подошвы быстро стирались и держали от силу 2-3 месяца. Я в ту зиму три пары таких подошв износил. В этих ботинках мы и в шахте работали, там они были особенно неудобны. Более «счастливые» имели «чуни», литые резиновые галоши без подкладки. В них было удобнее ходить, но многие ребята угробили себе в них ноги на всю жизнь, как известно, чистая резина для ног - это яд. Особенно в них страдали зимой, на морозе.

Нормы по добыче угля были так высоки, что даже взрослые, крепкие мужчины её еле-еле могли выполнить. Нас, пацанов, присоединили к взрослым шахтёрам, которые теперь вместе с нами должны были давать две нормы, что совсем невозможно было. Это вызвало, конечно, недовольство. Мы только и слышали: »И зачем вас сюда пригнали? Как мы теперь свои семьи прокормим?! Пусть бы вас оставили дома в колхозе, у мамки, а ваш килограмм хлеба нам бы дали, мы бы два раза больше угля давали.» Мы были с ними совершенно согласны, но, к сожалению, начальство думало иначе.

30 января 1944 года собрали нас 25 человек самых молодых и слабых юношей и девушек, погрузили наши пожитки на сани, и мы пешком под конвоем вооружённого солдата отправились через тайгу в отдалённый посёлок Каменка. В этом посёлке жили лесорубы, которые готовили для шахты крепёжный лес. Немного в отдалении от посёлка стоял одинокий барак, в котором жили немцы. Это были советские немцы, бывшие фронтовики, которых ещё осенью 1941 года сняли с фронта, так как им не доверяли воевать на фронте против германских немцев. К ним привели и нас и разместили в этом же бараке. Начальство, наверно, считало, что работа в лесу нам больше под силу, и мы здесь с нормой справимся. Или начальство просто пошло навстречу просьбам старых шахтёров, и нас от них убрали? Или ещё проще: в лесу потребовалась дополнительная рабочая сила. Как бы там ни было, теперь мы тосковали по шахте. Там хоть зимой было тепло, а летом не было надоедливых комаров и мошкар. Но больше всего мы жалели о потерянном килограмме хлеба. Здесь мы получали только 600 г. в день. При выполнении нормы выработки на 100 и больше процентов нам давали 800 г. хлеба в день. Но нам постоянно доставалось 600 г. Соответственно меньше мы получали и других продуктов. Страшные морозы, доходившие до 55 градусов, и мягкий снег полуметровой глубины, часто для нас становились непреодолимым препятствием в дороге на работу и обратно.

Теперь мы научились просить милостыню. Началось с обмена мыла, спичек и ниток, которые мы получали на карточки, на картошку, лук и другие овощи. Мы ходили в какой-нибудь деревне из дома в дом и предлагали наш товар. Некоторые люди давали нам что-нибудь съестное, а товар наш не брали, так как у нас на лице было написано, как мы голодны. Но некоторые травили нас собаками. Иногда случалось, что мы находили какую-нибудь работу (в выходные дни, которые нам иногда давали): мы копали огороды, убирали урожай, косили сено, помогали это сено на санях перевозить из леса домой, пилили и кололи дрова. За это нам обычно хорошо платили продуктами. Кроме того нас в такие дни хозяева хорошо кормили. Такие дни были для нас настоящими праздниками с «обжорством». Потом у нас всю неделю было о чём поговорить на любимую тему о еде.

Ну а работа в лесу? Выполнять нормы здесь было ещё трудней, чем в шахте. И многие старые лесорубы ругали нас не меньше, чем раньше шахтёры. Тоска по дому не становилась меньше. Только бесперспективность побега стала нам понятнее. Тем не менее многие в своём отчаянии отваживались отправляться в путь в неизвестность. Весной 1943 года в лагере Анжерка из 800 человек осталось только 500. Большинство бежавших молодых ребят «приземлились» в тюрьмах и в лагерях ГУЛАГа. Некоторых вернули в наш лагерь и лагерное начальство, учитывая их малолетство, прощало их. Некоторых (как мы позже узнали) больше не нашли. Они заблудились в сибирской тайге и замёрзли. Только отдельным удавалось достичь своей цели и скрыться под чужим именем (по-русски они уже говорили лучше, чем по-немецки). Так, например, какой-нибудь Johann Maueг превратился в Ивана Майорова, который якобы из своей деревни, где все его родственники погибли, пробился через линию фронта на восток, без документов, конечно. Их он получал потом в сельсовете какой-нибудь сибирской или казахской деревни. Его место рождения находилось, конечно, где-нибудь на

западе и проверить это не представлялось возможным. Так иногда кое-кому удавалось достичь своей цели и «благополучно» пережить войну.

Два события из трудармии особенно засели в моей памяти. Первое произошло весной 1943 года. В нашем лагере находилась слабоумная женщина лет 35. Она работала уборщицей в бюро коменданта. С ней обходились обычно с большей снисходительностью, т.к. все знали о её болезни. Однажды она попросила охранника на проходной наполовину по-немецки, наполовину жестами, чтобы он её пропустил без пропуска сходить в столовую, которая находилась метров 200 за лагерем. Туда можно было пройти только с пропуском, по которому ходили с работы домой, т.е. человек 15-20 вместе. Эта уборщица должна была пойти в столовую и назад в лагерь вместе со всеми работниками, работающими внутри лагеря. Но для неё охранники обычно делали исключение. Мы, большая группа людей, стояли у ворот проходной и ждали, пока кто-нибудь не придёт с пропуском. Охранник, новый солдат, по-видимому раненый с фронта, может и понял, что эта женщина хочет, но велел ей идти назад. Та, как обычно глупо улыбаясь и кивая головой, прошла через проходную в сторону столовой, всё оборачиваясь, кивая и улыбаясь. Когда она отошла метров 10, охранник снял автомат с плеча и короткой очередью застрелил её. Люди начали кричать и возмущаться, но подоспевшие на выстрелы другие солдаты с собаками быстро всех разогнали в бараки.

Все напряжённо ждали, что этот «сверхбдительный» солдат будет наказан. Но, как велико были наше удивление, возмущение и подавленность, когда мы узнали, что он за «добросовестную и бдительную службу» был продвинут по службе и награждён.

Это событие оставило у всех мобилизованных этого лагеря (такими мы себя, во всяком случае, считали) очень глубокий след. Оно доказывало ещё раз, насколько мы, немцы, были неправыми, и, как беспощадно мы были отданы на произвол других.

Второе событие произошло со мною лично. Это было зимой 1946 года, уже после окончания войны. Поздно вечером, так часов в 12, я в одном белье и в валенках вышел из барака и по малой нужде направился в туалет, в 150 метрах от барака в лесу. Я в тот день был болен, имел даже письменное освобождение от врача. На улице было 45° мороза, ледяной ветер гнал снег в глаза. При таких обстоятельствах я остановился на полпути. Когда я бегом бежал назад и хотел юркнуть в тёплую комнату, неожиданно возник возле меня комендант. Он схватил меня за воротник и потащил меня к своему жилищу. Он жил в специальном помещении напротив барака и при лунном свете наблюдал за мной от своей двери. Он открыл дверь рядом со своей, которая вела в, специально для немцев построенный, холодный карцер. Я не успел опомниться, как он толкнул меня в этот карцер. Я сначала был совсем шокирован, и даже не понял, что со мной произошло. Но страшный холод быстро привёл меня в себя. Я начал в этом карцере плясать, совершал самые замысловатые прыжки, чтобы согреться. Но вскоре я почувствовал, как всё моё тело в суставах застыло и переставало слушаться. Колени, локти, затылок – всё застыло. Я испугался и начал кричать и барабанить руками и ногами в дверь и в стены. Рядом комендант не мог долго слушать этот концерт и ушёл. Я слышал как открывалась и хлопнула дверь. Затем голос коменданта, который приказал дневальному, чтобы тот меня выпустил в 7 часов утра. Я ещё шумел немного и весь охрип, сил становилось всё меньше и меньше, движения стали медленнее. Я стал вспоминать, что я слышал и читал о замерзающих и уже видел смерть свою перед глазами. После краткого перерыва я снова начал кричать и стучать. Я звал по именам моих товарищей по комнате в надежде, что кто-нибудь выйдёт в туалет и услышит меня. Но никто и не подумал в такой собачий холод выходить из комнаты. Это все были взрослые мужчины с жизненным опытом, которых в 1941 году сняли с фронта. Они попросту пользовались

большим ведром, стоящим в комнате, из которого дневальный обычно мыл полы. Вдруг я услышал шаги, и дверной засов загремел. В двери показался дневальный и сказал, чтобы я скорее пошёл в свою комнату, что комендант ушёл спать в посёлок к товарищу.

Я весь, особенно лицо и волосы, был покрыт инеем, уши и кончик носа были обморожены, я уже не мог двигаться. Дневальный взял меня под руки и повёл в комнату. Наши мужчины проснулись, включили свет и сели на кроватях. Дневальный рассказал им, что произошло. Я уже не мог говорить, я только всхлипывал и стучал зубами. Был 1 час ночи. Значит, я был всего один час в этом карцере. До семи утра я бы не выдержал, я бы превратился в кусок льда. Ребята уложили меня в постель, укрыли меня одеялами и шубами, но я до самого утра не смог согреться. Всю ночь никто больше не уснул. Все были страшно возбуждены, что уже и после войны с нами такое могло твориться. Только к утру я немного уснул. На работу мне не надо было ходить, ведь у меня было освобождение от врача.

К нам недавно перевели штрафным порядком нашего бывшего коменданта из городского лагеря. Это был тридцатилетний великан, бывший капитан Красной Армии, по фамилии Боос, тот самый Боос, о котором шла речь уже выше. Ходили слухи, что он в городе табуреткой прибил какого-то большого начальника за то, что тот обозвал его «фашистом». Сначала он был у нас в лесу комендантом над немцами и навёл здесь немного порядка. Потом прибыл теперешний с фронта и нуждался в «тёплом местечке». Боосу пришлось, как всем остальным немцам, работать в лесу и жить в нашем бараке. Но, так как он не хотел всё так безропотно терпеть, как мы это привыкли, он был уже однажды на три ночи посажен этим комендантом в этот ледник, к счастью в тёплой одежде. А дело было так. К Боосу из города приехала женщина и переночевала в нашем бараке, но в женской комнате. Ей на следующее утро пришлось уехать в город, а Боосу дали трое суток карцера, днём он должен был работать в лесу, а ночевать в карцере. Он одну ночь там провёл, отработал день, а вечером пришёл в барак, чтобы приготовить себе ужин, и отправиться в карцер. Он как раз чистил картошку, когда зашёл комендант и велел всё бросить и следовать за ним в карцер. Боос отказался, сказав спокойно, что он только что отработал и хочет сначала поужинать, потом он сам пойдёт, без охраны. Тот стал настаивать и взял Бооса за рукав. Боос вырвал руку и сказал коменданту, что лучше будет для обоих, если тот сейчас же выйдет из комнаты. Комендант испугался, видя лицо Бооса и нож в его руке, и убежал. Пришёл комендант посёлка, успокоил Бооса, и сказал, чтобы он спокойно поужинал, а он сам потом за ним зайдёт. Так Боос и провёл три ночи в холодном карцере. Ходили слухи, что сам посёлковый комендант его каждую ночь на 2 часа забирал оттуда и приводил его к себе в квартиру под видом допроса, чтобы штрафник мог отогреться. Этот комендант был грек по национальности и симпатизировал нашим немцам. Боос до войны жил несколько лет в Маркштадте, моём родном городе и считал меня своим земляком. Он уговорил меня, написать жалобу прокурору района. (Я не знаю, что тут сыграло большую роль: то, что мы считали себя земляками; руководило ли им чувство мести или просто чувство справедливости, что он так рьяно за меня заступался, скорее всего – всё вместе.) Он разъяснил мне, что действия коменданта были противозаконны, даже в нашем рабском положении. С одной стороны я боялся мести коменданта, с другой стороны меня подмывало к тому, чтобы не оставить издевательство коменданта, которое мне чуть не стоило жизни, безнаказанным. Я согласился. Боос диктовал, а я написал жалобу прокурору и приложил мою врачебную справку. Всё остальное сделал Боос. Через месяц я получил повестку в город к прокурору. (Война была закончена, Советский Союз одержал победу. С нами стали обходиться немного «великодушнее». Или это было то, что прокурор был когда-то другом Бооса.) Прокурор меня допросил, зачитал мне мои показания, и я расписался. Ещё через 2 месяца «нашего» коменданта куда-то перевели, и мы, немцы, попали теперь под опеку общего коменданта, как все. Ещё за

неделю до этого наш комендант пригласил меня к себе и допросил при закрытых дверях. Он не поверил, что я написал эту жалобу по собственной инициативе. Он догадывался, что за всем этим стоял Боос. Он хотел только, чтобы я это подтвердил. Я не выдал Бооса, и сказал, что сам писать умею. Тут комендант сознался, что из-за меня его переводят, но поклялся, что «таких фашистов, как меня и Бооса, он многих перестрелял и дальше будет их стрелять.» Я ничего возразить не мог, сказал ему только, что в настоящий момент я нахожусь, конечно, в его власти. А сам постоянно смотрел на окно, примериваясь, как мне лучше выбить его ногами и выпрыгнуть, если этот изверг бросится на меня, ведь дверь была заперта. Но, к счастью, до этого не дошло, он сам открыл дверь и вытолкнул меня.

Не думаю, что этот случай тогда нас немцев освободил от прямого надзора комендатуры. Этих надзирателей позже повсюду убрали. В данном случае наше непосредственное «освобождение» из-за моего «приключения» только ускорило. Мы должны были теперь только два раза в месяц отмечаться у местного коменданта, так как до 1956 года немцы не имели права оставить своё место жительства, ограниченное данным районом.

В годы трудармии для меня выпали и счастливые дни. Один из таких дней был летом 1944 года, когда я из дома получил письмо с известием, что отец наш вернулся домой, что его отпустили «по состоянию здоровья». Что за этими лаконичными словами скрывалось, я узнал попозже, когда я в июне 1946 года самовольно вернулся из трудармии домой, в колхоз. Я тогда один из первых получил отпуск, поехал к семье и больше в тайгу не вернулся. (Лучше бы я этого не делал. Почему – я опишу ниже.)

Тот же председатель колхоза договорился с местным комендантом и больше не отпустил меня из колхоза, что вполне соответствовало моим желаниям. Хотя жизнь в колхозе в то время была ещё тяжелее, чем в лесу, и вся наша семья пухла от голода, я хотел лучше остаться дома. Этим я мог спасти семью от верной голодной смерти, так как в семье был теперь полноценный работник и колхоз поддерживал нас. (Хотя председатель колхоза, казалось, очень благоволил к нашей семье, потому что отец раньше был хорошим работником, да и я старался, как мог, всё равно тут действовал принцип: кто не работает, тот и не ест.)

Теперь я узнал только, при каких обстоятельствах отца в 1944 году отпустили домой. От тяжёлой работы и постоянного голода он совершенно обессилел и был полностью дистрофирован. Он уже не мог самостоятельно стоять на ногах. Врачи таким больным помочь не могли, но они и не умирали. Значит их отправляли домой, потому что они были совершенно бесполезны и только в тягость. Я уже точно не знаю, как отец тогда добрался до своей деревни и до своей семьи. Только одно мне известно, что после недельного «отдыха» он должен был начать работать. Его поставили пасти коров колхозников. Утром соседи помогали ему сесть на лошадь, он весь день ездил за стадом, а вечером его снимали с лошади. Так было почти два месяца, пока он не научился опять самостоятельно ходить и без посторонней помощи взбираться на лошадь. Летом он заболел, он страдал расширением лёгких и болезнью сердца и больше так и не стал полноценным работником. Осенью 1954 года, как раз в том году, когда мы опять могли досыта наесться хлеба, он умер. До освобождения от спецкомендатуры он не дожил.

Так выглядела для нас в грубых чертах трудармия. Мне и отцу ещё повезло, мы пережили и войну и трудармию и смогли вернуться к своей семье, что многим тысячам трудармейцам не было суждено.

Моё возвращение из трудармии

В предыдущей главе «Как это было» я уже упомянул, что я в 1946 году самовольно вернулся из трудармии домой. Здесь я хотел бы немного подробнее рассказать об этом событии.

Когда я летом 1946 года узнал, что я в июне получу отпуск, я начал готовиться к поездке домой. Нас хоть и агитировали, чтобы мы свои семьи забирали сюда в тайгу, но я вбил себе в голову, что уеду и сюда больше не вернусь. Один пожилой земляк из Боаро, фамилия его была Франц, который, как многие другие уже забрал свою семью к себе, уже и домик построил и большой огород развёл, попытался уговорить меня. Он сказал: «Здесь можно жить, привези свою семью сюда, пока не поздно.» Я этому человеку много помогал, когда он строил дом и копал огород, и я знал, что он желает мне только хорошего, и что он прав. Но я, из-за своей настырности, не сдавался. Паспорта у меня не было, была только справка о том, что я являюсь рабочим «Мехлеспункта» и нахожусь с такого-то по такое-то число в отпуске, и что мой паспорт хранится в отделе кадров «Мехлеспункта». Я променял хлебную карточку за 10 дней на двухкилограммовую булку хлеба. Также на хлеб, который я отрывал от себя, я выменял себе кое-что из одежды, и всё это уложил в немецкий солдатский вещмешок, тоже купленный за хлеб. Я в то лето питался почти одними ягодами, чтобы сэкономить хлеб. Денег у меня было ровно столько, чтобы хватило на билет на поезд.

18 июня 1946 года я со своим рюкзаком за спиной прошагал 12 км до вокзала станции Анжеро-Судженск. Билет мне не продали, для этого нужно было письменное разрешение НКВД (Министерство внутренних дел), которого у меня, конечно, не было, и которое мне, как немцу, никогда не выдали бы. Ведь не даром паспорта наши не давали нам на руки, как всем остальным людям ненемецкой национальности. Над нами стояла спецкомендатура. Вообще-то нам не разрешалось покидать пределы нашего района. Я и с самого начала не мечтал о том, что мне дадут железнодорожный билет. Я приготовился к тому, что проехать до дома придётся «зайцем», т.е. без билета.

Я гулял по перрону, а когда поезд «Томск – Бийск» тронулся, я прыгнул на ступеньки вагона и начал своё путешествие. Рюкзак висел у меня за спиной. Каждый раз, когда поезд останавливался, я спрыгивал на перрон, а когда он трогался, я опять запрыгивал на ступеньки. Иногда приходилось ехать и на буферах вагона. Следует отметить, что в то время люди цеплялись за вагоны, как придётся: они ехали на приступках (как я), на буферах, на крышах, на тендерах паровозов. В Новосибирске конец перрона был от паровоза отгорожен железной решёткой. Между решёткой и паровозом прогуливался милиционер. Я старался держаться совсем впереди первого паровоза (поезд был большой и его тянули два паровоза), где кончалась решётка. Сначала проехали эти два паровоза, затем почтовый и багажный вагоны, и только тогда появился первый пассажирский вагон, который уже был полностью занят такими же «зайцами», как я. Когда подошёл второй вагон, скорость поезда была уже значительной, но я успел запрыгнуть на ступеньки, хотя там тоже уже стояла маленькая девочка лет 7 – 8 с огромным эмалированным тазом. Я уцепился за поручни и прижал девочку к вагону. Девочка проявила полное понимание и ещё давала мне советы, как лучше удержаться. Она ехала до следующей станции к бабушке и не первый раз, так что ситуация была для неё не новой. А у меня не было другого выхода, я не хотел отстать от поезда. Когда поезд выехал из города, ему предстояло проехать через целый ряд железнодорожных мостов, железные конструкции которых так близко доставали до вагонов, что они постоянно касались моего рюкзака. Я находился в постоянном страхе, что рюкзак может зацепиться за какой-нибудь болт

или ещё за что-нибудь, тогда он бы меня сорвал с вагона, и это была бы верная смерть. Я прижимался, как можно сильнее к девочке, которая тоже вполне сознавала эту опасность. Но, слава богу, всё прошло благополучно.

В дальнейшем я познакомился с одним солдатом. Это был совсем молодой парень, алтаец. Согласно его рассказу он 10 дней пробыл дома в отпуске у больной матери. Когда он вернулся в свою часть, то её на старом месте не оказалось, её куда-то перебросили. Теперь он хотел вернуться в свой военкомат и там доложить о своём невезении. Мне было жалко его. Мы дорогой прямо-таки подружались. Он дал мне маленькую белую булочку, которую он вытащил из кармана. Мои продукты были в вещмешке, и я не мог их на ходу достать. Когда мы приехали на станцию Алтайская, был уже вечер. Я должен был покинуть этот поезд, так как он теперь поворачивал на Бийск, а мне надо было прямо через Барнаул ехать до Рубцовки. Мой попутчик тоже слез. Мы зашли в здание вокзала и нашли себе там тихий уголок, чтобы поужинать. Я взял из сумки кружку и хотел пойти на перрон, чтобы купить там молока. Солдат дал мне пустую консервную баночку и 5 рублей (столько стоило пол-литра молока) и попросил меня, принести и ему молока. Я оставил этого чужого человека с моим вещмешком и пошёл на перрон. Когда я через 15 минут вернулся, я не нашёл солдата на том месте, где я его оставил. Я спросил о нём у женщин, сидящих поблизости. Они мне сказали, что он 10 минут тому назад взял вещмешок и ушёл куда-то. Я ещё долго искал, никак не хотел поверить, что этот подлец меня ограбил. Я сообщил о моём несчастье в милицию. Но они мне сказали, что поезд на Барнаул только что ушел и искать теперь уже не имеет смысла. Это был один из страшнейших ударов для меня за всё время моего пребывания в трудармии. Я знал, как дома обстояли дела с одеждой, и самое лучшее, что имел, упаковал в рюкзак, а худшее надел на себя. Теперь всё пропало. Из-за этого рюкзака я рисковал жизнью. Настроение у меня было хуже некуда. Самое страшное было, что вместе с рюкзаком пропала и булка хлеба – самое большое богатство. Как я мог теперь явиться к родителям и голодным братьям и сёстрам? Но жизнь продолжалась. Я выпил литр молока, закинул посудину, спрятал подальше мою справку – единственный документ, который у меня был, нашёл себе уголок на вокзале на полу и уснул (я же дорогой две ночи глаз не сомкнул). Один раз какой-то милиционер разбудил меня, проверил документ и оставил меня в покое. Но под утро стали проверять билеты и всех безбилетников выгнали из вокзала. А на улице шёл холодный дождь. Это были несказанно тяжёлые часы до утра. Я был уже весь мокрый, падал от усталости и мёрз под дождем. Вода текла мне за воротник...

Наконец-то рассвело. Я быстрыми шагами ходил туда-сюда по перрону чтобы согреться. В 8 часов прибыл товарный поезд с демобилизованными солдатами и офицерами. Он следовал до Ташкента, значит через Рубцовку, станцию, где мне нужно было сойти, и там до моего дома было уже рукой подать. Я отважился подойти к одному из вагонов и спросил, нельзя ли мне поехать с ними до Рубцовки. Уже немолодой лейтенант, который сидел в дверях вагона и читал газету, оглянулся и сказал: «Залезай, поди найдёшь ещё местечко.» На полу вагона лежало немного сена, я сел на свободное местечко, положил голову на колени и тут же заснул, полу счастливый и полу несчастный. Когда поезд тронулся, меня, наконец, покинул страх, что может появиться контролёр и выкинуть меня из поезда, потому что у меня не было билета.

Примерно к обеду мы прибыли в Рубцовку. Теперь я стоял на вокзале и не знал, как мне дальше быть. До нашей деревни Ново-Егорьевка было около 45 км. Этот путь я бы пешком не осилил от усталости. А мне можно было рассчитывать только на свои ноги. Тут не было никакого транспорта, а редкие проезжие вряд ли взяли бы меня с собой. И я решил пойти в нашу бригаду, туда было всего 27 км. Не долго думая я прыгнул на проходящий мимо меня товарный поезд, шедший в направлении станции

Мамонтова. К таким прыжкам я уже привык. Я мог этим поездом доехать до окраины города, откуда шла дорога на бригаду. Так я выиграл 4-5 км пути. В конце города поезд шёл уже в хорошем темпе, но я сумел удачно спрыгнуть. Был хороший день – 20 июня 1946 года. Я был счастлив, но как только я вспоминал о пропавшем вещмешке и о предстоящей встрече с моей семьёй, меня тут же охватила грусть и печаль. Дорогой я несколько раз присаживался, чтобы немного отдохнуть и очистить себя от вшей. Вши были с первых дней, как мы попали в Сибирь и ещё много лет после войны. Они не щадили ни солдат и офицеров, ни колхозников и интеллигентов. Они просто были всюду, и у тех, кто не голодал. У меня создалось такое впечатление, что появление вшей не зависит от степени чистоты или загрязнённости, а от душевного состояния человека.

Около трёх часов пополудни я прибыл в бригаду. Повариха бригады меня сразу узнала. Она мне поставила какую-то еду на стол и стала расспрашивать, а я её с своей стороны тоже. Выяснилось, что в бригаде находится только мой брат Саша. Ему тогда было 13 лет. Он вскоре и появился откуда-то. Конечно, мы тут же узнали друг друга. Ведь прошло всего 3,5 года, как мы расстались. Это было свидание – радостное и грустное одновременно.

После обеда кто-то из трактористов поехал на одноконной тележке с тракторным двигателем в деревню, в МТС (машино-тракторная станция) на ремонт. Он согласился взять меня с собой, но только меня одного. Брата он уже взять не мог, это было бы для его клячи тяжело. Мы хотели брата уговорить остаться до завтра, и тогда с кем-нибудь приехать. Тогда слёзы появились у него на глазах. Мы бы вместе пешком пошли, но я уже проделал 27 км и от усталости еле держался на ногах. Я бы не выдержал этого пути. Наконец брат согласился остаться до завтра. Мы с трактористом поехали. Но через несколько километров мы увидели брата. Он примерно на расстоянии 1 км бежал за нами. У меня сердце обливалось кровью. Иногда, когда лошадь бежала рысью, и брат бежал быстрее. Когда мы ехали шагом, и он шёл тише. Он понимал, что он не мог с нами ехать, но и рядом с телегой он не хотел шагать. Он, наверно, боялся тракториста, ведь он ему обещал остаться в бригаде. Я едва 10 минут был дома, как и он пришёл.

Свою семью я застал в такой отчаянной бедности, которую я себе и представить не мог. Я знал, конечно, что дома жили бедно, но чтоб в такой мере - это превзошло все мои представления. Когда я приблизился к маленькой избушке, в которой они жили, младшая сестрёнка Лили была как раз на улице. Ей было 4 года и выглядела она как маленькая девочка из мультфильма. Одета она была в сплошь залатанное платье. Конечно, она меня не могла знать – когда я в 1942 году уезжал, ей и года ещё не было. Но так как в семье постоянно только и говорили обо мне, она легко себе представила, кто перед ней стоит. Когда она меня увидела, она начала плакать и убежала домой и кричала сквозь слёзы: «Ханнес (Иван) приехал!» Во дворе меня встретила мать – худая, как скелет, сквозь залатанное платье тут и там проглядывало голое тело. Старшая сестра Лея (ей было 16 лет) казалась высокой и зрелой девушкой, но была такая же худая, как все остальные и так же бедно одета. Последним появился отец. Он как раз сидел на кухне и пытался куском проволоки починить старый, изорванный кожаный ботинок. Лицо его было серым, он был небритым и опухшим и с большим трудом передвигался. Рихарда, младшего брата, дома не было. Он был за деревней со стадом, они с отцом пасли коров колхозников. Когда я пришёл, сразу начались душераздирающие рыдания. Я в марте 1942 года провожал отца в трудармию и не плакал, сам ушёл в трудармию, оставляя больную мать и маленьких братишек и сестрёнок, и тоже не проронил ни слезинки, но эту встречу в июне 1946 года я не мог перенести без слёз. Такая грустная картина явилась моему взору. Мать меня спросила, приехал ли я совсем без вещей, и я, со слезами на глазах и давясь рыданиями вынужден был рассказать, что со мной дорогой приключилось. Отец обнял

меня, стараясь меня успокоить и сказал: «Самое главное, сынок, что мы опять все вместе.»

Когда я вошел во двор, моей первой мыслью было: «Зачем я приехал сюда? Почему я не послушал людей и не привёз свою семью в тайгу?» Видимо слишком большой была тоска по дому, по семье. Слишком большой была ненависть к жизни в лесу с этими комарами и гнусом летом и с этими снегами и морозами зимой. Кроме того мне было стыдно после стольких сладких мечтаний о доме теперь возвращаться в тайгу. Отец один раз намекнул и спросил, может ещё не поздно всей семьёй вернуться в «Мехлеспункт»? Я сказал: «Нет, отец, поздно.» Он меня хорошо понял, и эта тема была закрыта навсегда.

Я задолго до этого писал домой, что весной или летом приеду в отпуск. Мать неделями приберегала ведро картошки, которую они получали от жителей деревни за пастьбу коров колхозников. Но голод был слишком страшный, и она каждый день брала из ведра по одной картошине, чтобы для семьи сварить суп из лебеды и приправляла его немножко молоком, которое они тоже получали от деревенских жителей за работу. Я этот суп проглотил только с большим трудом. Оставшиеся картофелины почти все сварили в вечер моего приезда. Было горько смотреть, с каким усилием голодные дети сдерживались, чтобы не набрасываться на еду.

Первую ночь я спал в прихожем сарайчике, где на нашествиях ночевали и куры. Стояла страшная вонь от кур, кроме того они были полны вшей – куриных вшей – которые меня всю ночь истязали. Я больше стонал, чем спал.

Отец настаивал, чтобы я скорее пошёл к председателю колхоза и поехал потом в бригаду. Там бы у меня хотя бы было нормальное питание. Дома и так нечего было есть, а родителям теперь приходилось ещё и за меня переживать, что я хожу голодный. Но я не хотел работать в колхозе, где люди умирали от голода. Я сначала пошёл пешком в Рубцовку, в ближайший промышленный город. Там я встретился с моим лучшим другом Федей Зайцевым, который работал слесарем на Алтайском тракторном заводе. Мы с ним были одногодками, ходили вместе зимой 1941-42 года в 7 класс, летом 1942 года работали вместе в колхозе, косили на лобогрейках хлеб. Он провожал меня в трудармию, самого его потом отправили в Рубцовку в профтехучилище.

Я у своего друга хотел разведать, возможно ли в городе найти работу. От него я узнал, что работы везде полно, даже на заводе в его цехе. Но без паспорта нигде не устроиться. С тяжелым сердцем я вынужден был вернуться в деревню. И только тогда я представился председателю колхоза. Тот поехал к коменданту и договорился с ним, чтобы я мог остаться дома и работать в колхозе. Тогда я поехал в бригаду. Председатель колхоза тут же распорядился, чтобы нашей семье выдали 20 кг пшеницы, которую я сам отвёз на ветряную мельницу и сам смолот её. Теперь жизнь в нашей семье пошла немножко в гору, теперь ведь от нас в колхозе трудился полноценный работник.

В колхозе

Несколько лет я в колхозе выполнял самые различные виды работы, но больше всего я работал ездовым на лошадях и на быках. В летнее время я находился почти непрерывно на полевом стане, т. е. в бригаде, которая находилась в 22 км от села. Так было с ранней весны до поздней осени. Во время посевной мы, мальчишки, возили семена на поля к сеялкам. Потом начинались сенокос и уборочная. Здесь я работал чаще всего на сенокосилке, косил траву. Работал также на скирдовании сена. Во время уборочной страды мы возили зерно на подводах от комбайнов на ток. Поздно вечером лошадей кормили и поили (это была работа конюха), мы в это время ужинали. Девушки в это время обычно загружали уже наши брички чистым зерном. Когда лошади были накормлены, мы снова запрягали их и перевозили зерно на государственный элеватор. Мы ездили обычно по 5-8 человек на пароконных бричках, на каждой бричке по возчику. Сгружать зерно мы должны были, конечно, сами. Его насыпали лопатами или ведрами в мешки, которые мы на горбу относили вверх по лестнице в склад и там высыпали сверху в помещение склада. В мешки насыпали от 60 до 80 кг – кто сколько мог унести. Редко, если улыбалось счастье, можно было сбросить зерно просто с брички лопатой на пол, откуда оно потом транспортёром перегружалось в склад. Где и как разгружать бричку, во многом зависело от лаборанток приёмного пункта. Эти женщины или девушки проверяли зерно на влажность, чистоту, сортность и качество и отправляли нас затем к соответствующим складам. Некоторым ребятам удавалось подкупить лаборанток арбузами или дынями, тогда они были более снисходительны и отправляли брички туда, где их было легче разгружать. Таким образом часто случалось, что грязное зерно попадало в чистое, влажное – в сухое и т. д. Правление колхоза часто поддерживало такую деятельность, выдавая для таких целей арбузы и дыни. Главное – чтобы побыстрее и побольше сдать зерна государству, чтобы быстрее выполнить план хлебопоставок.

Когда мы под утро возвращались домой, мы буквально падали от усталости после бессонной ночи. Но лишь редко удавалось ещё уснуть часок – большей частью нужно было срочно ехать к комбайну.

Летом 1948 г. я, Лея и Саша работали в бригаде, отец и Рихард пасли коров односельчан, мать и Лили были дома. Тут мы решили построить себе домик из саманов. Эта тяжёлая работа легла в основном на плечи больного отца, потому что мы, молодые, редко приезжали из бригады домой, чтобы помочь ему. Отцу приходилось подвозить к месту строительства тяжёлые саманы (до 40 кг штука и поднимать их на деревянные леса (подмости). Отцу самому пришлось выложить и стены дома, и крышу накрыть. Это всё было очень тяжёлым трудом. Но самое страшное было то, что мы при этом постоянно были голодные. Наесться досыта в те годы можно было лишь весной во время посевной и во время уборки урожая. И то только тем, кто работал в бригаде. И после уборки хлеба у людей редко хватало до нового года. С мясом и жирами дело обстояло так же. Главные продукты питания люди брали с огородов. Картофеля обычно было достаточно. Осенью 1950 года мы накопили со своего огорода более 8 тонн, но и их едва хватило до новых, потому что больше было нечего есть. Отец наш умер осенью 1954 года, когда мы впервые за много лет смогли поесть хлеба досыта.

Женитьба

Несколько лет я весной и летом работал прицепщиком на тракторе. Прицепщик отвечал за прицепные сельхозмашины и составлял вместе с трактористом одно рабочее звено. Он получал на 50% зарплаты меньше, чем тракторист. Но это было в среднем всё-таки намного больше, чем мог заработать рядовой колхозник. В зимнее время я опять работал с лошадьми.

Несколько зим меня вместе с другими 15-20 колхозниками посылали в какой-то лесхоз. Там мы заготавливали строевой лес. За эту помощь колхоз получал от лесхоза лес. На этой работе я познакомился с одной русской девушкой из нашей деревни, но из другого колхоза. Когда мы были уже опять дома и я хотел её навестить, то встретил случайно свою бывшую одноклассницу Фаллер БERTУ (подруги все её звали Верой, так как для русских имя «Берта» звучало непривычно). Мы до войны с ней учились в одной школе и попали вместе в один первый класс, в котором она осталась на второй год. Так что потом она всегда была на один класс позади меня. Нам было интересно и приятно обмениваться воспоминаниями об общих школьных товарищах и о школьных занятиях. Мы сразу понравились друг другу и стали встречаться чаще. Эти встречи затем перешли в крепкую дружбу, которая длилась с весны 1948 года до нашей женитьбы 6 декабря 1950 года. У меня тогда ещё не было намерения жениться. Я не хотел в этой бедноте создавать семью. Моя невеста (если её так называть) была такого же мнения. И мы бы нашу женитьбу ещё отложили, но появились обстоятельства, от нас не зависящие, которые подгоняли события.

Зимой 1950 года я посещал при нашей МТС (машинно-тракторная станция) курсы трактористов и получил весной этого же года квалификацию тракториста. Мне дали колёсный трактор (ХТЗ), и я работал на нем все лето на колхозных полях. Осенью, когда полевые работы были закончены, все трактористы должны были работать в МТС на ремонте тракторов и других сельскохозяйственных машин и подготовке их к будущей весне. Стало быть я тоже должен был работать в МТС. Девушка, с которой я был помолвлен, должна была с другими колхозниками ехать в лесничество работать на заготовке леса. Если бы она была замужем, её туда бы не послали. Сестра моя Лея тоже должна была ехать в лес. Мать была больна и не могла одна управиться с хозяйством такой большой семьи. Оставался только один выход – жениться. Это решило бы разом самые большие проблемы: нам с женой не надо будет разлучаться; мать получит себе помощницу в дом; успокоилась бы моя тёща, которую все время мучил страх, что у меня было намерение лишь соблазнить её дочь, но не жениться на ней. Моей жене не надо будет ехать в лес (большинство женщин и девушек отправлялось туда очень неохотно, так как это была тяжелая физическая работа). Но всё-таки оставалась ещё одна проблема, на которую я раньше просто не обращал внимания: я был лютеранином, а моя жена – католичкой. Родителям нашим все время не давало покоя, что же будет с нашими потомками. И во время сватовства все еще могли возникнуть трения. Тогда мы не раздумывая пошли в сельский совет и попросили без шума зарегистрировать наш брак. Кроме того нам нужно было как можно быстрее предъявить нашему председателю колхоза свидетельство о заключении брака, чтобы он освободил мою жену от работы в лесу и оставил её дома. Все прошло без осложнений, председатель поздравил нас и сказал, что продукты, которые моя жена получила в колхозе для поездки на лесные работы, мы можем оставить себе в качестве свадебного подарка. Мы, конечно, очень обрадовались такому «подарку», так как дома уже почти не было хлеба. Осенью эти продукты вычли, разумеется, из нашего заработка.

Итак, мы поставили наших родителей перед свершившимся фактом, хотя я своим родителям уже раньше намекнул, что я не смогу спасти сестру от поездки в лес, но мог бы спасти свою невесту. Теперь мои родители отправились к моей будущей теще, чтобы сосватать невесту. Отец объяснил, как у нас обстояли дела в материальном отношении. Тёща проявила полное понимание и сказала, что бог нас не оставит и мы с голоду не помрём. Матерям нашим хотелось ещё затронуть вопрос о крещении будущего ребёнка, но отец не допустил дискуссии на эту тему и пригласил семью моей жены на следующее воскресенье к нам домой на ужин и с этим заторопился домой. Вопрос о крещении будущих наших детей так и повис в воздухе.

Мы с женой в этот вечер умышленно пошли в кино, чтобы не присутствовать при сватовстве. Мы вернулись в дом тещи, мои родители засобирались домой. Они бы уже раньше ушли, но они хотели хотя бы посмотреть на свою будущую невестку, так как они её ещё ни разу не видели. Тут я бы хотел только ещё объяснить, что у моей жены не было отца, он в 1944 году в трудармии умер с голоду.

В следующее воскресенье я запряг колхозного жеребца-производителя в сани и поехал за моей женой. Фаллеры жили приблизительно в 1 км от нас. Там я погрузил «приданое» моей жены, маленький сундучок с её вещами на сани, а сверху уселась вся семья, и мы поехали. Когда я свернул за угол избышки, сани на гладкой дороге бросило об угол и левая оглобля сломалась. Мне пришлось связать её ремнём. Приехали к нам. Это было 1 января 1951 года. Отец купил две пол литры водки, мать наварила картошки, тёща привезла кухен (пирог) и мяса, и мы принялись за свадебное «пиршество». Шурин мой Лейкам Роман, муж сестры моей жены, привёз гитару и играл на ней для нас. Мы потанцевали немного, нас поздравили, но наша «свадьба» больше походила на похороны. Тот факт, что у нас кроме картошки нечего было есть, не располагал к веселью.

Около 12 часов ночи тёща и её семья попрощались с нами. Я их погрузил опять на сани вместе с пустым маленьким сундучком, в котором моя жена привезла своё приданое, и отвёз их домой. Это мог бы сделать и мой брат Саша, но я хотел женщин оставить немного одних.

Весной, когда отец опять начал пасти коров колхозников, он тут же стал получать за работу продукты и немного денег. Казалось, что мы уже одолели этот трудный год. Но несчастье уже ждало за углом.

«Фашист и вредитель»

Весной 1951 года меня послали со своим трактором в деревню. Я должен был на своём ХТЗ вспахать за деревней колхозные огороды. Я 10 дней тут работал один, без бригадира и без механика. Я был предоставлен совершенно сам себе, притом начинающий тракторист. Пока я огороды вспахал, я из-за своей неопытности и трактор угробил: работал все 10 дней без перетяжки подшипников и набил эллипсы на коленчатом валу. Это всё выяснилось, когда я с трактором опять был в бригаде. Мне пришлось испорченные детали отвезти в МТС на ремонт. Механик МТС посмотрел на них и подозвал директора, который как раз находился где-то поблизости, и всё ему объяснил. Директор МТС, настоящий враг всех немцев и всего немецкого, тут же набросился на меня матерками и руганью, обозвал меня «фашистом», «вредителем», Фрицем, который втёрся сюда, чтобы навредить советскому государству и народу, заниматься саботажем. Эта тирада была густо перемешена самым отборным русским матом. И это всё в присутствии большой толпы рабочих. У меня кружилась голова от стыда, обиды и бессилия. Я сдерживался, как мог, только вымолвил тихо, что, если он обо мне такого мнения, то

самое лучшее будет, мне уйти и больше у него не работать. Я бросил ему масляные шатуны под ноги и ушёл. Рабочие вокруг нас, среди них и немцы, ошеломлённо молчали. Один из них, хорошо знакомый мне слесарь-немец, подобрал детали и унёс их.

Когда я пришёл домой и рассказал всё родителям, все были, конечно, шокированы. Мы все готовились к худшему. Мы все знали довоенный Указ от 14 июля 1941 года, согласно которому за опоздания на работу и за прогулы, за самовольный уход с работы и т.п. давали до 1 года тюремного заключения. У меня дело обстояло ещё хуже: шла весенняя посевная, к тому же я был немцем. При этих обстоятельствах мой проступок легко могли квалифицировать как саботаж, и за это я мог получить 8-10 лет лишения свободы. На следующее утро отец мне посоветовал сходить к коменданту и честно выложить ему всё как есть. Может быть, он подскажет выход из создавшегося положения. Но комендант сказал мне только, что он хорошо понимает моё положение и моё состояние, и, что мне теперь будет трудно при создавшихся обстоятельствах продолжать работать под началом данного директора. Но, что я должен действовать только в рамках закона. Он мне посоветовал написать заявление об увольнении и отдать его директору МТС. Я так и сделал. Рано утром следующего дня я принёс такое заявление директору и положил его ему на стол. Он прочитал его, отmaterил меня ещё раз и сказал, чтобы я сейчас же убирался в бригаду на работу. Я оставил заявление и сказал ему, что я с этого момента больше не считаю себя его работником. С тем я и ушёл. Я тут же пошёл пешком в бригаду (8 км) и три дня помогал ещё отремонтировать трактор. Потом я попросил у полеводческого бригадира пару лошадей. Бригадирша охотно согласилась, т.к. работников в бригаде не хватало, и я приступил к работе в полеводческой бригаде. Так я проработал дней 10, пока однажды директор МТС не приехал в нашу бригаду. Он узнал, что я действительно больше не работал на тракторе. Он только пробурчал: «Ага. Значит не работаешь», и уехал. На следующий день во всех тракторных бригадах был вывешен приказ директора МТС, в котором говорилось, что я умышленно вывёл из строя трактор, чтобы затормозить проведение посевной кампании. При этом государству был нанесён ущерб в 2000 рублей. Меня следует срочно отдать под суд.

На такой исход данного конфликта я не рассчитывал. Я предвидел, что меня могут обвинить в саботаже, но, что ещё и семью могут разорить – это было уже слишком. 2000 рублей – это значило, что уведут корову со двора. Тогда так было принято: если на кого-либо насчитали такую сумму, тогда забирали корову, т.к. ни один обыкновенный колхозник не был в состоянии уплатить такую сумму. Но самое страшное во всём этом деле было то, что все эти обвинения не соответствовали правде. На весь ремонт трактора была использована лишь одна новая прокладка поддона картера за 6 рублей, и их сразу записали на счёт тракторного бригадира, моего напарника и на мой счёт. Всё остальное мы брали из утиля. Мы нашли даже ещё хороший коленчатый вал. Мой знакомый слесарь Шмидт Роберт мне очень помогал при этом. Трактор простоял то всего 3 дня, т.е. во время ремонта. У нашего трактора не было прожекторов, так что ночью мы не работали, а работали с напарником попеременно через день, с рассвета до темна. А теперь, когда я ушёл, напарник использовал это и работал с удовольствием каждый день, т.к. он при этом хорошо зарабатывал. Это всё я описал в объяснительной записке. Несколько коллег это подтвердили своими подписями (мой напарник Степан Егоров, тракторный бригадир Федя Мартынов и слесарь Шмидт Роберт). Только один, который это всё лучше всех мог подтвердить, тракторный учётчик Андрей Устинович Гайдуков, подписать этот документ отказался. Он сказал, что он не хочет ввязываться в это дело, так как у него семья, и он не хочет поставить под удар свою карьеру. Но мне хватило и тех подписей, которые у меня уже имелись. С этой бумагой я пошёл к

коменданту. Он прочитал её и сказал, чтобы я успокоился и пошёл домой, что он всё уладит.

На следующее утро состоялся судебный процесс. В зале судебного заседания сидело несколько моих товарищей, моя жена и брат Саша. Но секретарь суда пригласила меня в кабинет судьи. Здесь состоялся весь судебный процесс. Присутствовали я, судья и секретарша («с исключением общественности»). Судья выслушал моё объяснение и сказал, что у директора очень ответственная и очень нервная работа, так что не удивительно, если у него случается такой промах. Судья советовал мне идти к директору, попросить у него прощения и разрешения продолжить работу. Тогда за мой проступок меня осудят на 6-месячный штраф в виде удержания 25% моего заработка в пользу государства. Но, если я откажусь продолжить работу, то мне грозит тюремное заключение. Я ответил, что я лучше пойду в тюрьму, чем буду продолжать работать у этого директора. Тогда меня выслали в зал и суд «удалился на совещание». Через 10 минут меня снова пригласили в кабинет судьи. Мы втроём стояли вокруг стола и судья зачитал приговор: 4 месяца тюремного заключения. Закон за такое «преступление» предусматривал от 2 до 6 месяцев тюремного заключения (как я позже узнал). Значит мне дали среднее. Когда я услышал этот приговор, мне стало так легко на сердце, как будто ничего не случилось. Я рассчитывал на 8-10 лет заключения.

Мне разрешили сидеть в коридоре с моими родственниками и друзьями, пока за мной не пришёл милиционер и не увёл меня в милицию.

Милиционер был мне знаком, я вместе с его братом учился на курсах трактористов. В милиции он передал меня дежурному. Это был заместитель нашего коменданта. Он повёл меня в пустую, но очень грязную камеру. Потом он позвал меня, в чисто вымытую. Я расстелил на полу фуфайку и лёг. Я хотел немного поесть и достал из кармана два картофельных пирожка, которые мать мне утром дала, но не мог проглотить ни кусочка. Я лежал и думал о моём положении. Потом я подошёл к маленькому зарешёченному окошку и смотрел на улицу, насколько это было возможно. Было начало мая и трава только-только начала расти. Я представил себе, что через 4 месяца уже всё опять завянет и засохнет. Значит я в это лето траву по настоящему и не увижу. От такой перспективы у меня так заныло сердце, что не смог удержать слёз. Теперь я понял, почему у заключённых отнимают железные пуговицы, пряжки, ремни и тому подобное. Я должен отсидеть только 4 месяца и лежу здесь и распускаю нюни, а что, если бы мне пришлось сидеть 8-10 лет?!

Между тем пришёл другой милиционер, открыл дверь и спросил, что я потерял здесь в женской камере, и кто меня сюда привёл. Он меня повёл опять в ту грязную камеру. Едва я там осмотрелся, привели ещё трёх заключённых. Двое были моего возраста, а третий немного постарше. У старшего в горле торчала металлическая трубка, через которую он дышал. Если он хотел говорить, он должен был закрыть эту трубочку пальцем. У него была ещё запасная трубочка, потому что должен был каждый раз после еды промывать трубочку горячей водой, но без неё он не мог дышать.

Я узнал, что этих трёх заключённых хотели отправить в Рубцовку. Они с милиционером просидели 4 часа в конце деревни у дороги и ждали попутную машину, но так и не смогли уехать. Говорили, что теперь хотят попытаться отправить нас завтра в 8 часов утра.

Около 7 часов вечера нам дали ужин. Примерно в 10 часов забрал меня мой знакомый милиционер в свою служебную комнату. Он ночью дежурил. Теперь он хотел меня «рисовать», как он сказал. Он подробно описал мою внешность, искал на теле татуировки, снял отпечатки пальцев. Он подтвердил, что нас завтра утром будут отправлять. Я высказал ему моё горе, что мои вещи, которые я хотел взять с собой, ещё находились дома, мы же не думали, что так скоро отсюда уедем. Он спросил

меня, не подведу ли я его, вернусь ли я, если он меня сейчас отпустит домой за вещами и чтобы попрощаться. Я поклялся, что я его, конечно, не подведу. Он засмеялся и сказал: «Глупый ты, да я бы родного брата не отпустил. Если бы такой поступок обнаружился, меня бы расстреляли.» Потом он сказал, чтобы я назвал кого-нибудь, который живёт тут поблизости, на кого я бы мог надеяться, и чтобы я написал записку, только на русском языке. Что он эту записку рано утром отнесёт им, а эти люди отнесут её моей семье. Мы жили совсем на другом конце деревни. Так мы и сделали. Утром нас до завтрака отвели в туалет. Затем мы прогуливались во дворе и собирали щепки, чтобы нагреть воду для промывки трубочки нашего больного. Тут подъехал верхом на лошади мой брат Саша с моим мешком. Я ему сказал, чтобы он поехал на край деревни и там ждал. Потом там меня встретили Саша с мешком, моя жена Вера и сестра Лея. Они сидели со мной, пока милиционер не остановил автоцистерну, на которую нас погрузили. Даже у милиции в те времена не было автомобиля и они свои транспортные дела решали, как придётся.

После нескольких недель в различных тюрьмах и камер в Рубцовке и Барнауле, где я увидел жизнь с обратной стороны, я попал в строительную колонну недалеко от Барнаула. Там мы в основном делали саман для строительства птицефермы. Нас было 300 человек, имели различные сроки от 4 месяцев до 25 лет, с такими преступлениями, как моё до убийства и бандитизма. Мы жили в бараке в углу огромного женского лагеря. От внешнего мира мы были отгорожены оградой из 6 рядов колючей проволоки. От женского лагеря – 6-метровым деревянным забором, который наверху венчался тремя рядами колючей проволоки. Мы должны были работать 9 часов в день, ровно столько, сколько работала охрана. Когда мы строем ходили через весь лагерь в столовую, которая находилась в противоположенном углу лагеря, или назад, то заключённые женщины всегда нам подсовывали краюшку чёрного хлеба. Эти женщины жили в основном в недалёкой окрестности и получали из дома много посылок с продуктами, так что они в казённых пайках не нуждались. Среди более пожилых женщин были и немки, которые в заключение попали по религиозным причинам.

Я работал вместе с молодым немцем из Барнаула. Он должен был отсидеть 1 год за телесное повреждение. Он однажды вечером выручал младшего брата, на которого напала группа хулиганов по дороге домой. При этом мой коллега некоторых из них так отделал, что двое попали в больницу. Мы с ним кидали из ямы на тележку глину для самана. Это был тяжёлый физический труд. Вообще-то мы могли меняться, но мы от смены отказались, потому что мы были в этой яме вдвоём и могли без помех от души наговориться. Мы говорили о школе, о литературе и искусстве, о женщинах, о жизни вообще. Так мы не скучали, время проходило очень быстро и работа показалась не такой изнурительной.

Мне пришлось отсидеть только 2 месяца и 10 дней, так как освобожден по амнистии от 26.06.1951 года. Освобождали всех со сроками до одного года и за такие проступки, как мой. Время, проведённое мною в лагере было для меня не самым страшным. Я был молод, здоров, в основном сыт. Единственной заботой было, скорее получить письмо из дома. А письма я получал почти через день. Дома была жена, которая свои скуку, горе и тоску изливала мне в своих письма ко мне. Иногда писала и Лея. Я тоже часто писал, мои письма были больше обращены всей семье. Когда я писал лично жене, то посылал их на другой адрес. Только режим и окружение были для меня «колхозника» непривычны и поэтому довольно страшны. Сам факт, что я жил за колючей проволокой, меня мало тревожил, к этому я привык ещё с трудармией. Проблемы начались когда я освобожден, и тем более, когда я приехал домой. Они уже начинались, когда я получил свои бумаги об освобождении. Все заключённые, которых освободили, вышли за ворота и были свободны. Меня же, как немца, который находился под надзором комендатуры, отправили, под конвоем вместе с другими

заключёнными до Рубцовки. Там я находился ещё три дня в камере вместе с настоящими преступниками, пока не приехал наш комендант и не увёз меня с собой в Новогорьевку.

Опять дома

Я в заключении не отощал, был здоровым и полон сил. Но уже по пути домой от коменданта начали грызть заботы: где найти работу (в колхозе я больше работать не хотел, это я решил твёрдо, я не зря отсидел срок), где жить (мы не могли и не хотели ещё зиму жить у родителей и братьев и сестёр, там и без нас было тесно), как достать топливо на зиму?

Моя жена плохо уживалась с моими родителями. Она всё время считала, что меня ущемляют, когда родители за деньги, которые отец с Рихардом получали от жителей деревни за пастьбу коров, покупали одежду для ребят, а для меня нет. Она не могла понять, что дети были совершенно голые и не могли работать без одежды, а меня ждали домой только к осени. Как я уже упомянул, она все свои заботы и обиды излила в своих письмах ко мне. Такое письмо однажды вернулось назад, оно меня в лагере уже не застало. Оно попало в руки отца и в семье разразился скандал. После этого я решил тут же с женой уйти куда-нибудь на квартиру, не дождавшись осени, как мы сначала планировали. Десять дней мы жили у соседей, потом наняли домик недалеко от нас. Мои родители были поражены и обижены, они не ожидали такого исхода дела. Я их успокаивал, сказал им, что я их никогда не оставлю без внимания и помощи, но что лучше будет, если мы будем жить отдельно, во избежание дальнейших инцидентов. Зная характер своей жены и своего отца, я понимал, что это было единственно возможное решение.

Мы с женой жили теперь ещё беднее, чем прежде, мы теперь лишились и самого простого домашнего имущества, которым мы могли пользоваться живя с родителями. К тому же мне приходилось теперь жить, так сказать, между двумя фронтами.

Я нашёл работу грузчиком в промтоварном и продуктовом складах Райпотребсоюза. Отсюда все магазины района снабжались соответствующими товарами. Кое-что и мне перепадало, за деньги, конечно. Это уже было хорошо, так как кругом господствовала полная нищета. В первую очередь я притащил домой два пустых фанерных ящика из под папирос, которые я там мог купить по 5 рублей штука. Из них я смастерил ларь для муки и ящик для белья и другой одежды. Затем я смог дёшево купить чашки и тарелки, также и чайник. Так мы начали вести наше собственное хозяйство.

С работы я шёл домой мимо родительского дома. Больная мать сидела часами, смотрела в окно и ждала, не загляну ли я на 10 минут к ней. Примерно 300 метров дальше из окна выглядывала жена, которая из окна видела всю дорогу. Она была последние месяцы беременна, сидела весь день одна дома и с тоской ждала моего возвращения. Если я проходил мимо дома родителей, не заглянув к матери, она была глубоко обижена. Если же я к ней заходил, то через 15 минут я у себя дома застаивал жену в слезах. Это для меня было суцим адом. Ни мать, ни жена не хотели осознать, что я не мог разорваться на части.

Наш сын

18 октября время подошло – я отвёз жену в больницу, находившуюся в другом конце села в лесу, примерно 2 км от нашего дома. Как я её туда довёз – этого я уже не помню. 19 октября 1951 года родился наш сын Адольф. Жена от плохого питания так

ослабла, что она не была в состоянии самостоятельно произвести на свет своего ребёнка. Акушеркам пришлось прибегать к различным трюкам, чтобы его достать на свет божий. Когда я его на следующий день увидел через окно, то он выглядел, как ободранный суслик и всё тело его было покрыто мелкими пушинками. Но дело свершилось. Мать и ребёнок быстро поправились. Дома жена рассказала мне о тяжёлом ходе родов.

Между родственниками обеих сторон разгорелась краткая дискуссия: какое имя дать новому гражданину и по какой религии его крестить, католической, как мать, или евангелической, как отец. Что касается имени, то я уже давно решил: «Адольф», как звали моего погибшего на войне любимого дядю. Против этого решения с обеих сторон имелись упорные и довольно обоснованные возражения. Все боялись, что это имя будет являться ругательством для ребёнка, так как нас и так довольно часто обзывали «фашистами» и «фрицами». Но я плевал на все эти аргументы и зарегистрировал его в сельсовете «Адольфом». Но после его всё равно все звали ни «Ваней», как многие этого хотели (в том числе и моя жена), ни «Адольфом». Все его стали просто звать «Толей» (от «Анатолий»). Так большинство и сегодня его ещё зовут.

Тот факт, что теперь имелся внук, постепенно примирил моих родителей с нами. Мои родители в нём души не чаяли. Получилось так, что сын до трёх лет находился больше всего у моих родителей, так как мы с женой оба работали, а мать моя всегда была дома. Тут он и выучил немецкий язык и сначала ни слова по-русски не понимал. Мы малыша каждое утро на велосипеде, а зимой на санках, возили к родителям, а вечером, таким же путём опять домой. Зимой было холодно, часто сильные бураны, глубокий снег и сугробы. Мы в то время уже жили в собственном домике, в центре деревни, 1,5 км от родителей. Зимой в этих поездках нам с женой было жарко, а ребёнок при этом простудился и заболел, хотя и был тепло укутан. Когда ему было три года врачи направили его на 2 месяца в санаторий для лёгочно-больных детей. Когда он оттуда вернулся, он уже ни одного слова не говорил по-немецки, хотя ещё всё понимал. Так он и вырос двуязычным, причём русский со временем доминировал.

Вечерняя школа. Новые конфликты

Весной 1952 года меня из Райпотребсоюза уволили. В колхозах не хватало рабочей силы. Партийный актив района решил просто вернуть в колхоз всех бывших колхозников, которые ушли из колхоза за последние два года. Для этого было решено, таких людей с предприятий района уволить и нигде, кроме колхоза, на работу не принимать. Я оказался за воротами. Никто из руководителей предприятий таких работников с таким «волчьим билетом» не осмеливался принять на работу. Я обратился к нашему новому Народному судье с вопросом, может ли он меня осудить, если я не вернусь в колхоз? Он ответил, что я уже отбыл одно наказание за этот проступок, и, что за одно и то же преступление нельзя человека два раза судить. Я поблагодарил за информацию и думал про себя: тогда пошли вы все подальше со своим решением. Так как работники требовались во многих предприятиях, то я скоро нашёл временную работу в Райпромкомбинате. Я помогал при вывозке леса, при возке глины и кирпича на кирпичном заводе, на сенокосе для комбината. Я работал до мозолей на руках.

Домик, о котором я уже выше упомянул, и который мы купили за деньги, занятые у тётки моей жены, очень нуждался в ремонте. Его надо было готовить к зиме, и я был занят его ремонтом каждый день после работы, иногда даже при лунном свете.

Осенью 1952 года, когда «охота» за бывшими колхозниками немного ослабла, меня, наконец, в Райпромкомбинате приняли на постоянную работу. В летнее время я работал на кирпичном заводе (где и моя жена работала), зимой я был в пимокатном цеху, катал валенки. Это был очень тяжёлый труд, как зимой, так и летом. Но зато там и заработки были относительно высокие. Зимой 1956 года между мной и новым директором нашего комбината произошёл конфликт. Это получилось так.

У меня всю жизнь было желание учиться, так как до войны я успел окончить только 6 классов немецкой школы в Марксштадте. Летом 1955 года я повторил с одной знакомой соседкой–учительницей программу по алгебре, геометрии и русскому языку за 6 класс. Осенью я хотел записаться в 7 класс вечерней школы. Но 7 класс не открыли, потому что не набралось учеников. Но открывался 8 класс. Год тому назад всю районную верхушку, у кого не было среднего образования, согнали в 7 класс вечерней школы. Они должны были окончить среднюю школу, чтобы могли получить аттестат зрелости. И теперь все эти ученики, 12 человек, были в 8 классе. Я упрашивал директора школы, чтобы он мне разрешил посетить 8 класс, может, я бы справился. Но ему нужно было основание для такого шага. У меня же не было никакого документа. Я пошёл в сельсовет и попросил председателя, чтобы он выступил как свидетель, что я в 1942 году учился вместе с ним в 7 классе данной школы. Он тут же написал мне такое показание. Директор мне разрешил прийти в школу. Через пару месяцев я по успеваемости перегнал большинство своих одноклассников, несмотря на то, что я параллельно с 8 классом должен был повторить и материал за 7 класс. Учёба приносила мне огромную радость.

В моём классе вместе со мной учились сотрудница Народного суда, сотрудница Райисполкома, заведующий районной сберегательной кассы, наш комендант и ещё несколько авторитетных лиц районного уровня, в том числе и директор нашего Райпромкомбината.

Зимой 1956 года меня вместе другими рабочими комбината хотели отправить на озеро, расположенное в 20 км от нашего села, на заготовку камыша. Этот камыш потом прессовался в маты, которые использовались как строительный материал. Там мне пришлось бы и ночевать. Я сказал директору, что я не могу туда поехать, так как мне надо было каждый вечер ходить в школу. На это он мне ответил, что я могу школу один месяц и пропустить, что он сам уже больше недели не был в школе. Я объяснял ему, что это разные вещи, так как он ходит в школу, чтобы не потерять своё рабочее место, а я учусь, чтобы приобрести специальность, которая мне по душе. На следующий день мастер пимокатного цеха не дал мне работу и сказал, что меня вызывает директор, что меня уволили. Директор потом подтвердил это. В мою трудовую книжку он собственноручно написал: «Уволен за нарушение трудовой дисциплины.» Я это увольнение считал несправедливым и противозаконным. В школе я эту историю рассказал учителю по математике, немцу по национальности. Он сказал, что директор не прав, и посоветовал мне написать жалобу в Краевой Комитет профсоюза, что я и сделал. Через две недели я получил оттуда ответ, чтобы я подготовил бумаги, приложил их письмо и подал на директора в суд. Так я и сделал, т.е. подал на директора в суд. Конечно, не всё шло так гладко, как это может казаться, исходя из моего описания. Но я хочу избавить читателя от подробностей.

Судебный процесс мне был крайне неприятен, для директора он был, по моему, ещё неприятнее. Он сам был заседателем в Нарсуде, а теперь он стоя перед судом в качестве подсудимого. К тому же он ещё и потерял процесс. Приговор гласил: «Изменить запись в трудовой книжке и выплатить мне за вынужденный прогул средний заработок.» Директор спросил судью, нельзя ли меня заставить после этого продолжить работать у него, так как ему крайне нужны рабочие. На что судья ответил, что теперь от меня зависит, хочу ли я у него работать или нет, ведь он же меня

уволил. Я, конечно, не согласился, я боялся теперь дальнейших козней со стороны директора. Весной я нашёл работу на инкубаторной станции, но эта работа длилась только 4 месяца, пока длился инкубационный сезон.

Наконец свободны. Мы меняем место жительства

В марте 1956 года немцев нашего района освободили от комендантского надзора. Мы получили новые паспорта, в которых это каиново клеймо «Разрешается проживать только в пределах Егорьевского района Алтайского края» уже не стояло. Немцы радовались и этой мизерной свободе. Люди начали ездить друг к другу, поменяли места жительства, искали лучшие климатические и жизненные условия. Я целыми ночами был один в машинном отделении, где на стене висела большая карта Советского Союза, и строил планы путешествий. Какое это всё-таки удивительное ощущение, если можно наслаждаться, хоть и ограниченной, но свободой. Мы теперь могли свободно передвигаться по огромной территории Советского Союза, за исключением тех мест, из которых в 1941 году были выселены, ну и, конечно, пограничных районов, посещение которых для всех граждан было ограниченным. Я мечтал о западных районах Союза, или о тёплых республиках Средней Азии.

Итак, после долгих ночных планах и «путешествий» по карте СССР, я принял решение, после окончания инкубаторного сезона предпринять разведывательное путешествие и поискать место для постоянного жительства. Я разработал маршрут к знакомым в самых различных регионах Советского Союза, где я таких мог найти, где бы я мог хотя бы переночевать, и которые мне могли бы помочь советом. Маршрут пролегал следующим образом: Рубцовка – Новосибирск – Москва – Таганрог – Мариуполь (оба на берегу Азовского моря) – Дебальцево (на Украине) – Маркс (на Волге) – Талды Курган (в Казахстане) – Рубцовка.

В начале июля работа на инкубаторной станции была закончена. Я упаковал старый деревянный чемодан, который, я не знаю откуда нам достался. Моя жена сшила на него матерчатый чехол, чтобы он не так страшно выглядел. Между чехлом и крышкой чемодана я положил старое байковое одеяло. С таким снаряжением я отправился в своё «разведывательное путешествие». Целый месяц я разъезжал и находился за это время больше в вагоне, чем на местах. Я посетил все намеченные города и, после моего возвращения домой, решил со своей семьёй (женой и пятилетним сыном) переехать на постоянное жительство в Дебальцево (Украина). Там жил мой бывший сосед из Марксштадта Галле Генрих. Жена за время моего путешествия нашла покупателей на домик и наш домашний скраб, на тот случай, если бы мы решились в самом деле уехать из Новогорьевки. Две недели длилась ещё подготовка к отъезду, потом мы поехали поездом из Алтая на Украину, в город Дебальцево. Мы торопились, так как я хотел к 1 октября, т.е. к началу школьных занятий, быть на месте. С собой мы взяли только чемодан и несколько сумок. Упакованный велосипед, фанерный ящик с посудой и несколько узлов с постельными принадлежностями и одеждой мы сдали в багаж. Сначала мы жили одну неделю у моего товарища, пока не нашли комнату у пожилой супружеской пары учителей-пенсионеров. (Как раз тот факт, что это были учителя, мне так импонировал). Я нашёл работу на машиностроительном заводе стропальщиком (прицепщиком) на башенном кране. Вечерами я посещал 9 класс вечерней школы. Моя жена работала в пекарне. Жизнью мы были довольны. К сожалению, судьба распорядилась нами опять по своему, не в нашу пользу.

Новое несчастье

Осенью 1957 года в Европе свирепствовал до сих пор неизвестный грипп, так называемый, вирусный грипп. В нашем городе люди падали прямо на улице, по улицам патрулировали санитарные группы и привозили больных в больницы. Разразилась настоящая эпидемия. И жена моя заболела и лежала больше месяца в больнице. Когда её выписали домой, она ещё не совсем поправилась. Но места в больнице нужны были для тяжелобольных, а тех, которые уже как-то держались на ногах, выписывали. Работать жена ещё не могла, и она взяла отпуск. Она целый год ждала этого отпуска, чтобы съездить на Алтай и погостить у матери и сестёр. Теперь её ничто не могло удержать, она поехала с нашим шестилетним сыном 6 Ноября 1957 года в Сибирь. Она считала, что мать её опять поставит на ноги. Я остался один. Я не мог её сопровождать, так как должен был работать и ходить в школу. 8 ноября (был как раз праздник) я сидел у своего земляка Галле Володи за праздничным столом, когда пришёл мой сосед по квартире и принёс мне телеграмму от милиции железнодорожной станции Камышлов недалеко от Свердловска на Урале. Мне сообщили, что жену сняли с поезда и сдали в камышловскую больницу, и что сын находится в милиции, и чтобы я приехал за ним.

Я тут же побежал домой, занял денег у того же соседа (сберкасса была закрыта ввиду праздника) и отправился на вокзал. Телеграмма от милиции помогла мне тут же получить билет на поезд, что в те времена было не так просто. Я в тот же вечер уехал московским поездом. Через два дня я поздно вечером приехал в Камышлов. Дежурный милиционер показал мне дорогу к городской милиции, где наш сын спал в детской комнате милиции вместе с няней, т.е. заведующей этой комнатой. Меня встретил дежурный милиционер и сказал, чтобы я до утра устроился на диване. Я поспал немного, потом пришла няня. Мы пили чай и беседовали. Она рассказала мне, что случилось.

Мою жену ночью в тяжёлом состоянии, в бреду, сняли с поезда, и сдали в больницу. У неё были страшные ревматические атаки, она не могла ходить и кричала от боли. Мальчика передали в милицию. Он жил в детской комнате под присмотром этой няни, и они вдвоём каждый день ходили к матери. Утром, когда он проснулся, он рассказал мне всю эту историю сам. Было очень печально слышать это. После завтрака мы втроём пошли в больницу. Жена чувствовала себя уже лучше, могла уже ходить. Но врач сказал, что она минимум три дня должна ещё оставаться в постели. Я эти дни жил с сыном в милиции, а няня была рада, что могла спать дома. Когда жену выписали из больницы, я хотел с ними вернуться в Дебальцево, но она настояла, чтобы ехать дальше в Алтайский край, к матери. Мы попрощались с милицией и поехали дальше в Сибирь. Было очень холодно, а мы были слишком легко одеты (на Украине ведь тепло). Поэтому это был для нас всех очень тяжёлый путь, особенно для больной жены. Ещё 4 дня мы ехали поездом до конечной станции Рубцовки. Оттуда надо было ещё 40 км ехать на крытой грузовой машине, автобусов тогда там не было. Хотя я жену и ребёнка сумел устроить в кабину, она в этой дороге сильно простудилась. Но она была рада, что оказалась теперь дома, у матери. Тёща была оптимистически настроена и была уверена, что она вылечит дочь домашними средствами. Она твердила, что это не первый раз она её лечит. Надо сказать, что моя жена ещё с детства страдала хроническим ревматизмом. Эта болезнь одолевала её вроде по какому-то определённом циклу: в 7 лет, в 17 и теперь, когда ей было 30 лет.

А мне нужно было вернуться к своей работе и в школу. Через три дня я уехал. Моя семья осталась в сибирской деревне у моих родственников. Было это в середине ноября 1957 года.

До нового 1958 года я жил в Дебальцево. Я работал и ходил в вечернюю школу. Из сибирской Новогорьевки я получал одну телеграмму за другой с сообщением, что состояние моей жены ухудшается изо дня в день, и я решил вернуться в Новогорьевку. Вечером, под новый год, и почти всю ночь, я в своей комнате паковал свои пожитки, которые я потом погрузил в железнодорожный контейнер. В первые дни января 1958 года я со всем своим скарбом вернулся к своей семье.

В Егорьевке я застал жуткую картину: вся деревня утопала в снежных сугробах. В маленькой избушке моей тещи, в жарко натопленной комнатке со спёртым воздухом, закутанная в одеяла и подушки, лежала моя жена. Суставы её были покрыты ревматическими узлами, лицо искажено от боли. Когда я подошёл, она заплакала и протянула ко мне руки. Всё искусство и все старания моей тещи не смогли поставить её дочь на ноги.

Я остолбенел от ужаса и сострадания. Не снимая даже пальто, я выбежал на улицу, побежал к своему брату Саше, который жил напротив, и мы быстро запрягли лошадь в сани (он работал в колхозе ездовым, и лошади и сани всегда стояли у него во дворе). Я завернул жену в большой тулуп и вынёс её из избушки и уложил в сани на сено. Мы ехали быстро, насколько позволяли боли жены, через всю деревню в больницу, которая находилась на другом конце в сосновом лесу. Это была страшная поездка, как для жены, так и для меня. Она показалась мне вечностью. Вся дорога была в колдобинах, перевеяна слежавшимися сугробами, и причиняла жене нечеловеческие боли. Она кричала всю дорогу, и я ничем ей не мог помочь. Иногда я стискивал зубы, чтобы самому не зареветь, и подгонял лошадь, - мы же не могли эти пытки тянуть до бесконечности. Но крики жены заставляли меня опять ехать медленнее. Наконец, мы приехали в больницу. Брат побежал открывать двери и известить персонал, а я следом понёс её в тулупе и положил её на носилки, которые медсёстры уже подкатили мне навстречу. Время было около обеда. Когда я на следующее утро навестил её, боли у неё, благодаря стараниям врачей, уже поутихли. В больнице её уже знали, они там помогли бы ей и раньше, но теща врачам не доверяла и не разрешила её госпитализировать.

Всю зиму и всю весну она находилась в больнице. Я жил у своего брата Саши, наши домашние вещи находились у матери. Она жила тогда в своём домике с младшими детьми, моим братом Рихардом и сестрой Лили. Адольф, наш шестилетний сын, скитался по всей деревне, то у одних родственников, то у других, то был со мной. Дело в том, что ни у кого из родственников не было столько места в доме, чтобы вся наша семья вместе с имуществом могла бы найти убежище.

Когда я устроил жену в больницу, я прежде всего опять записался в вечернюю школу. Потом я нашёл малооплачиваемую работу в местной строительной организации. Зимой в заснеженных сибирских деревнях с работой было очень трудно. Летом 1958 года я окончил школу с хорошими оценками: выпускные экзамены я сдал на «4» и «5». Когда директор школы вручил мне аттестат зрелости, я был сверх счастлив, только болезнь жены омрачала это счастье. Её положение не улучшалось, а наоборот, ей становилось хуже и хуже. Врачи говорили, что она ещё одну такую суровую зиму не перенесёт, что для неё надо найти более мягкий климат. Когда мы спросили, был бы климат в Киргизии лучше для неё, они ответили утвердительно.

В Киргизии

В Киргизии уже несколько лет жили тётя моей жены и сестра Аня Фаллер. И мы свои взгляды направили на Киргизию. Мы договорились, что я поеду вперёд, найду работу и квартиру, а затем заберу жену и ребёнка. Я не мог с больной женой и ребёнком просто поехать в неизвестность. Итак, я опять отправился в путь, как два года тому назад, но с более тяжёлым сердцем. Я нашёл в посёлке Кант, в 20 километрах от Фрунзе у родственников со стороны отца, у тётки Лиды Гербер и её семьи, о которых выше уже речь шла, временное пристанище. Этих родственников я встретил совершенно случайно. Их было 4 человека и жили они в собственном домике. Тётка Лида и дядя Саша, её муж, сами предложили мне комнатку, пока не нашлось бы что-нибудь получше, чтобы я скорее мог привезти свою семью, и мы могли бы спокойно жить вместе. После этого мы с тёткой Лидой, как я её стал называть, вместе поехали в Егорьевку за моей семьёй. Она хотела навестить свою родню, которую она так давно не видела. Через две недели мы с моей тяжело больной женой и сыном все вместе прибыли в Кант, т.е. в Киргизию. Я работал во Фрунзе в одной из строительных организаций. На работу и домой я каждый день ездил поездом.

Состояние моей жены, между тем, всё ухудшалось. Местные врачи упрекали нас и говорили: «Что же вам пришло в голову, такую больную ревматизмом женщину привезти сюда в горы? Ведь Фрунзе лежит 800 м над уровнем моря!» В те времена около 40 км от нас в горах, за Токмаком, жил старый дунганин (представитель какого-то китайского племени), который лечил людей различными травами и корнями, совершая при этом, якобы, настоящие чудеса. Хоть я в чудеса не верил, но по настоянию жены, я согласился отвезти её туда. Я продал нашу швейную машинку, единственную вещь, которая имела какую-то ценность, и поехал с женой к этому дунганину. Нас встретил здоровый мужчина лет 55, весь в навозе (он делал как раз кизяк) и, даже не помыв руки, пощупал у жены пульс. Он её расспросил о болезни, бросил из разных мешочков по щепотке измельчённой сухой травы и корней в наш трёхлитровый бидончик и послал нас к мальчику лет 12, который в огромном котле варил какие-то травы и корни. Тот налил нам этого отвара полный трёхлитровый бидончик. Целитель сказал, чтобы жена три раза в день принимала по три столовых ложки. И, что это ей обязательно поможет. Я спросил, сколько мы ему должны. Он ответил: «Сколько дадите.» Я ему дал 50 рублей. Я в то время зарабатывал 500 рублей в месяц. Когда мы приехали домой, началось лечение. Но уже на второй день жене стало так плохо, что я был вынужден быстрее отправить её в больницу.

Я был в отчаянии: я должен был каждый день ездить больше 20 км в город на работу, навещать жену в больнице, бегать за продуктами и лекарствами, варить для себя и ребёнка. Он весь день был один дома. В моей безысходности я написал матери письмо и просил её приехать ко мне. Она приехала. Брат Рихард (23) и сестра Лили (16) остались одни в Егорьевке. Тут мы услышали, что на нашей улице, как раз напротив нашего дома, продавалась саманная избушка. Мы поговорили с матерью и решили купить эту избушку, а их домик в Егорьевке продать. Я взял отпуск и поехал в Егорьевку. Там мы продали материн домик, загрузили два больших железнодорожных контейнера с домашними вещами семьи и пиломатериалом, пригодным для стройки, и втроём приехали в Киргизию. Мы купили эту избушку и планировали построить на этой усадьбе двухсемейный дом. Зимой мы прожили все вместе в этой избушке. Было очень тесно и неудобно. Из наших строительных планов ничего не вышло. Рихард женился и переехал к жене в деревню Беловодское, 50 км от Фрунзе. Мать и Лили тосковали по Егорьевке. Я

хотел поступить в вечерний университет, и это я мог сделать только во Фрунзе. Мы договорились, что я найду для своей семьи квартиру в городе, потом мы продадим домик, и мать с Лилей переедут опять в Егорьевку. Так мы и сделали, и все были рады такому исходу. Я со своей семьёй перешёл в городе во временку, которую мы сняли за 150 рублей в месяц, избушку продали, а за вырученные деньги мать с Лилей купили потом опять избушку в Егорьевке, на той же улице, где жил Саша, совсем близко от него.

Берта, моя жена, (все её звали Верой), находилась больше в больнице, чем дома. Сколько раз мне приходилось ночью вызывать врача или машину «Скорой помощи»! К ревматизму прибавился тяжёлый порок сердца – миокардит. Я обратился к одному московскому институту, где в то время уже делали операции на сердце. Оттуда пришёл запрос на фрунзенскую клинику об анализах и состоянии больной. Врачебная комиссия во Фрунзе ответила, что общее состояние пациентки слишком слабое, и что она не только не пережила бы операцию на сердце, но и транспортировку в Москву. На этом всё и остановилось. И я был совершенно беспомощен и уже не в состоянии ещё чем-либо помочь...

Однажды вечером, было это в марте 1959 года, мы жили ещё в Канте, я вернулся из Фрунзе после работы домой. Дома я застал страшный переполох. В первый момент я подумал, что с женой что-то случилось. Но тут я увидел на нашей кровати сына. Он лежал с неестественно выпученными глазами и совершал судорожные движения, напоминающие жестикуляции сумашедшего. Я так был испуган, что выбежал из дома, при этом я даже не знал, куда я хотел бежать. Но я инстинктивно побежал к вокзалу, где находилась единственная в посёлке телефонная будка. Я тут же вызвал «Скорую помощь». Мне сказали, что машина уехала по вызову, что её пришлют, как только она вернётся. Это меня не устраивало. Я побежал к центральной трассе и остановил первую попавшуюся машину, самосвал. Я растолковал водителю, в чём дело, и мы тут же поехали. Когда мы остановились перед домом, подъехала и «Скорая помощь». Я рассчитался со своим водителем и отпустил его. Я вынёс мальчика в машину, и мы поехали. Жена, мать и сестра Лили в шоковом состоянии остались дома. В больнице я объяснил врачам, что случилось, насколько я был в курсе дела. Мальчик в огороде съел корни от белены. Тут же стали промывать ему желудок, при этом он укусил медсестру за палец. Потом его раздели догола и уложили в кровать в коридоре. Мне пришлось лечь с ним и всё время держать его, так как он бился в конвульсиях так сильно, что мы с ним несколько раз падали с кровати. И откуда у него только силы взялись, ведь ему было всего 7 лет. Я промучился с ним всю ночь и весь следующий день, без минуты покоя, в буквальном смысле слова. На следующий вечер я уговорил врача, чтобы он дал ребёнку что-нибудь успокоительное. Ему сделали укол, и он скоро уснул. Он спал почти двое суток, не приходя в себя. Я уже стал тревожиться. Когда он утром, четвёртого дня, проснулся, он был опять совершенно нормальный. Он спросил меня, где мы находимся и почему он голый. Врач ещё раз обследовал его и мы вместе пошли домой. Но этот случай не остался без последствий. Мальчик стал близоруким и нервозным. Эти недостатки остались у него на всю жизнь. Это повлияло, по моему, и на весь его дальнейший характер.

Когда мы жили в городе, я сначала работал в строительной организации помощником маляра-штукатура. В свободное время, которого у меня было не так много, я много читал. Через библиотекаршу, у которой я брал книги, я познакомился с директором завода железобетонных изделий, который искал преподавателя немецкого языка для подготовки его к аспирантуре. Я предложил ему свою помощь, хотя я в преподавательской работе мало что понимал. Он сам, после беседы со мной, говорил, что мы вдвоём с этой задачей справимся, а мне нужны были деньги. Пожилая библиотекарша подбадривала нас, так как она знала наше материальное

положение и хотела мне помочь. После недели занятий директор мне предложил работать у него на заводе бетонщиком. Я охотно принял это предложение хотя бы уж потому, что я ему доверял. Работа была довольно тяжёлая, но я втянулся и неплохо зарабатывал – до 700 рублей в месяц (после денежной реформы от 1 января 1961 года это составляло 70 рублей), средний заработок рабочего составлял 50-55 рублей в месяц. К тому же это была постоянная работа внутри цеха и не была зависима от внешних погодных условий. Но через два года от сильной вибрации и страшного шума пострадал мой слух, что весьма отрицательно сказывалось потом, когда я работал учителем.

Учёба в вузе

Мечту свою об учёбе в вузе я не бросал. Директор предприятия, где я работал, поддерживал моё желание учиться дальше. Осенью 1960 года я поступил на подготовительные курсы для поступления в университет. Это были вечерние платные курсы. Плата была небольшая и мне вполне по карману. Меня приняли. Я выбрал экономическое отделение. На это подтолкнули меня директор завода и экономист. Все предметы давались мне легко, только с математикой у меня были трудности. Она мне ещё в школе давалась нелегко. Однажды я в здании университета встретил знакомого корреспондента центральной газеты «Труд». Мы разговорились, и он спросил меня: «Ты уверен, что ты будешь хорошим экономистом? Учти, плохих экономистов стране не нужно, их и так много. Но преподавателем немецкого языка ты с гарантией стал бы хорошим. Подумай над этим, пока не поздно.» У меня у самого уже появлялись сомнения в правильности моего выбора профессии. Теперь я обрадовался, что меня кто-то в этом поддержал. Уже на следующий день я перешёл на гуманитарное отделение подготовительных курсов. Здесь не было математики, а с остальными предметами я справлялся легко, и учёба для меня стала удовольствием. После восьми месяцев подготовительных курсов я летом 1961 года подал документы на немецкое отделение факультета иностранных языков того же университета. Вступительные экзамены я сдал успешно (два на «хорошо» и два на «отлично») и был принят на вечернее отделение немецкого языка. Давняя мечта моя исполнилась: я стал студентом. 6 долгих, трудных лет я днём работал на заводе железобетонных изделий бетонщиком, а вечерами учился в университете. Пока я получил диплом преподавателя немецкого языка, я имел за спиной всего 10 лет вечернего обучения. При этом был двухлетний перерыв. Это были два трудных года, когда я с больной женой приехал в Киргизию, очень тяжёлое время в моей жизни. Я даже не знаю, как я это всё выдержал, как у меня хватило мужества и силы. Но я был молодой, здоровый, и у меня было очень большое желание учиться. Это, наверно, и есть объяснение, почему я не сломался. При этом, меня никто не поддерживал, и я мог надеяться только на себя самого. Учителя – они выполняли свою работу. От жены я ни помощи, ни поддержки не получал, я был ей ещё благодарен, что она не ворчала и не устраивала мне сцен. Только один раз она сказала мне с упрёком, если бы она была здоровой, то она показала бы мне ежевечернюю учёбу в университете. Я мог её понять. Она считала, что при нашем положении нечего было думать о какой-то учёбе. Но я не бросил учёбу, я делал всё для неё, что мог. Больше я бы не смог сделать для неё, и не будучи занят учёбой. Мне же самому было бы физически немного легче, если бы я не учился.

Последние дни (смерть жены)

1 мая 1962 года мы получили отдельную государственную квартиру в новом доме, на 3-ем этаже с балконом – 2 комнаты, кухня, ванная (общая площадь 44 квадратных метра), в подвале - кладовку. Это было для нас небывало радостным событием. Но жене, к сожалению, уже не дано было насладиться этой радостью. При переезде я хотел жену, которая была как раз дома, а не в больнице, на руках отнести на третий этаж. Но она протестовала. Она хотела попробовать, сможет ли она самостоятельно преодолеть эти ступеньки - она не смогла. Она заплакала и сказала: «Что мне теперь от этой новой квартиры, если я в ней жить не могу.» Она и действительно через месяц опять попала в больницу. (Третий этаж при этом, конечно, никакой роли не сыграл.) Положение её ухудшалось с каждым днём. Я ходил каждый день очень рано к ней в больницу. Был июнь месяц и во Фрунзе стояла страшная жара. Ей не хватало воздуха, и как только я утром заходил в палату, она в слезах протягивала ко мне руки, хотела на улицу на свежий воздух. Я её поднимал с кровати, сажал в кресло и вместе с креслом выносил её в сад. Каталог там, в больнице, не было. Она всегда жаловалась, что у неё внутри всё горит. Ей давали сосать маленькие кубики льда. Врач говорил, что спасти её уже нельзя, так как сердце у ней работало, как испорченный насос. Оно качает и качает, а кровь двигать уже не может. Теперь надо сделать всё, чтобы облегчить её страдания. У меня в университете как раз шла сессия, и я каждый день с утра до позднего вечера находился в больнице у жены. Иногда меня подменяла тёща, которая в тот год жила с нами. Обычно она жила в посёлке Кант, 20 км от Фрунзе, у старшей дочери Ани. Я в эти дни сам еле держался на ногах от усталости и горя. Сына я отправил в пионерский лагерь отдыха. Мать его чувствовала, что она его больше не увидит и очень тяжело рассталась с ним, но она не хотела испортить ему радость от этой поездки и отпустила его.

12 июня 1962 года, в 10 часов утра моя жена скончалась после пятилетних страданий. Она умерла от нарушения кровообращения. В момент смерти с ней находилась только её мать. Я как раз ездил в военкомат, я хотел попытаться пригласить её единственного брата, который в это время на Дальнем Севере проходил военную службу. Но он так и не смог приехать. Вечером того же дня я поехал в пионерский лагерь и привёз оттуда нашего 10-летнего сына. На следующий день мы её похоронили в посёлке Кант, где жило большинство её родственников. В ночь после похорон мы с сыном спали у тёщи. Всю ночь меня мучили кошмарные сны. Говорят, я всю ночь стонал и плакал во сне.

Моя работа в Киргизском Государственном университете (1967-1988)

После 6 лет вечернего обучения в университете я получил диплом преподавателя немецкого языка. Так как квалифицированных преподавателей немецкого языка на кафедре не хватало, меня сразу оставили работать на кафедре и дали мне русскую группу (лучше сказать: европейскую) на первом курсе.

На немецком отделении ежегодно принимали 50 абитуриентов (на английском – 80, на французском – 30). Иногда на каждом отделении принималось ещё 10 – 20 кандидатов, которых после первого семестра или зачисляли в студенты, или отправляли домой, в зависимости от того, какие у них были знания и стремления к учёбе.

На немецком отделении из 50 – 60 студентов и кандидатов образовывали 5 учебных групп: две русскоязычные, в которые входили по национальному составу русские, немцы, евреи, корейцы, китайцы и др., и киргизы, оканчивавшие русскую школу; и три группы из абитуриентов, оканчивавших киргизские школы и которые русский язык знали хуже. После

успешного окончания пятилетней учебной программы и сдачи госэкзаменов по предметам «научный коммунизм», и «немецкий язык и немецкая литература», или защиты дипломной работы по одному из аспектов немецкого языка выпускники получали диплом преподавателя немецкого языка средней школы. Тут же они получали направление в одну из школ Киргизской Республики, где нужны были преподаватели немецкого языка. После двух лет работы в указанной школе они получали право на самостоятельный выбор рабочего места.

Учебная группа на факультете иностранных языков состояла из 8 до 12 студентов, которые из своих рядов выбирали старосту группы. Из рядов преподавателей для каждой группы выделялся куратор, который обычно вёл «свою» группу до выпускных экзаменов. Куратор выполнял примерно такие же функции, как классный руководитель в школе. Он отвечал за учебно-воспитательную работу в группе. В группе из 8 до 12 человек были иногда представлены 4-5 национальностей и больше. Я хотел бы подчеркнуть, что не было случаев стычек на национальной основе. Такое никогда не допускалось, и руководством строго преследовалось бы. А если обнаруживался случай, что студент или студентка являлись членами какой-либо религиозной секты или вероисповедания, то это преследовалось администрацией, особенно комсомолом (коммунистической молодёжной организацией).

Основной предмет «немецкий язык» был разделён на следующие аспекты: аналитика, грамматика, фонетика, орфография, газетное чтение, стилистика, лексикология, домашнее чтение. Кроме того, преподавалось страноведение, знакомившее студентов с историей, географией, культурой и экономикой страны изучаемого языка, т.е. ФРГ и ГДР. Преподаватели специализировались обычно по 2-4 аспектам. Я, обычно, преподавал практическую фонетику на первом курсе в группе, где я являлся куратором, практическую грамматику, домашнее чтение, газетное чтение, реже - аналитику на первых курсах; руководил переводческой практикой, курсовыми и дипломными работами. В последние 15 лет страноведение являлось почти исключительно моей прерогативой. Многие студенты писали дипломные работы на страноведческие темы, которые я им предлагал, или они их сами выбирали. Это были, например, такие темы, как: «Мартин Лютер и его роль в немецкой реформации», «Этимология географических названий немецких рек, озёр и гор», «Обычаи, традиции и праздники в ФРГ», «Обычаи, традиции и праздники немецкого народа в литературе», «Немецкий гуманизм и его роль в подготовке реформации», «Новая немецкая послевоенная лексика и её историческая основа», «Немецко-русско-киргизский лексикон по истории Германии» и многие другие темы.

Многолетнее преподавание страноведения помогло мне убедить руководство университета в необходимости отпустить меня в Германию в творческий отпуск для усовершенствования моих знаний по данному предмету за свой счёт. Сам парторг факультета хлопотал за меня, хотя я никогда не был членом партии. Я ездил один раз в ГДР (по турпутёвке) и два раза в ФРГ - по вызову родственников. Эти поездки со своей стороны помогли мне собрать материал и приобрести знания для работы в университете. Страноведение в те времена было одним из самых любимых предметов для студентов немецкого отделения. Два раза в год приезжали к нам, т.е. на факультет, преподаватели немецкого языка школ районов Киргизии и города Фрунзе на четырёхнедельные курсы усовершенствования знаний и на семинары, где они усовершенствовали свои знания не только по немецкому языку, но с удовольствием посещали и лекции по страноведению. Следует подчеркнуть, что в те годы жители Киргизии (да и других республик Советского Союза) имели очень ограниченные возможности получить информацию о Германии, особенно о ФРГ. В 60ые – 70ые годы в Германии жило ещё относительно мало советских немцев, и связи были не такие широкие, как сегодня. Те немногие советские немцы, которые имели родственников в ФРГ и имели связи с ними, не выставляли свои связи напоказ.

Кроме вышеуказанных предметов, которые все относятся к немецкому языку, студентам немецкого отделения университета преподавали ещё следующие предметы: историю КПСС, марксистско-ленинскую философию, политическую экономию, научный атеизм, педагогику, психологию, 2 семестра киргизский язык, 1 семестр латинский язык, один иностранный язык (английский, французский) и др.

Большое внимание уделялось политико- и культурно-воспитательной работе среди студентов. Один раз в неделю проводился так называемый кураторский час, где студенты по очереди выступали перед группой с краткой информацией о событиях в мире. Кроме того, они делали доклады о событиях культурного и воспитательного характера. Все эти мероприятия проводились под руководством куратора, который должен был представить в деканат о них письменный план и отчёт о выполнении его.

Мои лекции по страноведению изредка проверялись представителями ректората, парторганизации или деканата. При этом случались курьёзные моменты. У меня была брошюра, где имелась красочная таблица, наглядно показывающая величину общей валовой продукции десяти ведущих стран мира. Эту таблицу я отдал одному студенту, который красиво нарисовал её в большом масштабе, и мы повесили её на стену наряду с другими наглядными пособиями. Советский Союз был на 8 месте. Эта таблица попала на глаза представителю ректората. В тот же день мне велели принести её в деканат, а оттуда забрали её в ректорат. Только через три дня я смог её из деканата забрать. Заместитель декана сказал мне, чтобы я эту таблицу не вывешивал на стену, а спрятал её в шкаф. Она, якобы, компрометировала Советский Союз. «Надо было указать данные на душу населения», сказал он. Теперь я был вынужден в течение 10 минут разъяснять ему, что тогда Советский Союз ещё больше был бы «скомпрометирован».

Самой большой проблемой в моей работе преподавателя университета (как и других преподавателей) являлось «давление сверху», «процентомания», - это значит, что от нас, преподавателей, требовалось, чтобы мы примерно столько же преподавателей в год выпускали, сколько 5 лет назад было принято абитуриентов. По проценту перевода студентов с курса на курс определялось «качество» работы преподавателя. Такой подход сказывался отрицательно на качестве знаний выпускников.

Второй проблемой было то, что как студенты, так и преподаватели ежегодно проводили 1-2 месяца учебного времени, зачастую, и каникул на полях колхозов и совхозов на уборке урожая, на сенокосе и даже на прополке сахарной свёклы. Так что учебную программу, рассчитанную на 5 лет, практически приходилось выполнять за 4 года. Кроме того, студентов регулярно привлекали на проведение, так называемых, субботников, где они бесплатно убирали и чистили учебные помещения и прилегаемую к университету территорию. Только не эта работа сама по себе мешала студентам в учёбе, портила им жизнь, а тот факт, что на этих работах всё делалось несправедливо. Она была неправильно организована. Лентяи всячески стремились отвиливать от такой работы, а добросовестные студенты чувствовали себя ущемлёнными, и более хитрые из них подражали лентяям.

Так прошли годы моей деятельности в Киргизском Государственном университете. Это были тяжёлые, изнуряющие, но счастливые годы в моей жизни.

Новое начало

Через месяц после похорон жены я опять пригласил мать и Лили из Егорьевки к себе во Фрунзе. Места в новой квартире было теперь достаточно. Так мне показалось.

В декабре 1962 года я женился. Моей второй женой стала Фридрих Паулина. Раньше она была женой Якова Беккера, двоюродного брата моей жены Берты. Она жила с ним 2 года, весной 1962 года они разошлись. Она раньше работала в Канте портнихой, теперь она нашла себе работу в одном из ателье во Фрунзе. Материально нам теперь жилось получше, так как мы оба работали. Но нас опять было две семьи в квартире и было довольно тесно. По характеру и привычкам нас фактически было теперь три семьи. Это не могло долго длиться. Весной 1963 года мать с Лили перешли на другую квартиру, в частную временку, в одном квартале от нас. В мае 1963 года мы с Полиной зарегистрировали наш брак в ЗАГСе. Она отняла у меня всю хозяйственную работу, так что я теперь мог спокойно работать на заводе, а вечерами учиться в университете.

В 1967 году я, после защиты дипломной работы (грамматическая тема), получил диплом преподавателя немецкого языка. В последние два года учёбы в университете я в летние месяцы руководил переводческой практикой. Осенью меня приняли преподавателем на кафедру немецкого языка на факультете иностранных языков. Итак, я свою преподавательскую работу на кафедре немецкого языка официально начал в сентябре 1967 года. Мы готовили преподавателей немецкого языка для школ Киргизии. 5 лет я работал за смехотворную зарплату в 105 рублей в месяц (сравни: последние годы я, работая бетонщиком, получал до 200 рублей в месяц). Через 10 лет я стал старшим преподавателем и получал уже 185 рублей в месяц. Всего я в университете проработал около 21 года, пока я не ушёл на пенсию в 1988 году. В годы моей работы в университете я почти каждое лето во время каникул совершал путешествия, чтобы не отстать в общеобразовательном отношении от своих студентов. Я побывал в Ленинграде и его окрестностях, в Прибалтике, на Кавказе - на берегу Чёрного моря, в Киеве, в Западной Украине, совершил путешествие по Волге на корабле от Ярославля до Саратова, был много раз на озере Иссык-Куль в Киргизии в лагерях отдыха и самостоятельно «дикарём», был на Дальнем Востоке, вблизи китайской границы, совершил туристические поездки по Польше и ГДР, два раза был в гостях в ФРГ (по вызову родственников), много раз был в Москве. Частенько меня привлекали в качестве переводчика для групп туристов и отдельных лиц, в основном, учёных и работников культуры. Я был зарегистрирован как устный и письменный переводчик в промышленно-торговой палате Киргизской ССР. Кроме того, я несколько лет работал внештатным сотрудником немецкого радио в Киргизии. Во времена перестройки часто приезжали журналисты и режиссёры из ФРГ в Киргизию. Тогда я обычно работал переводчиком, помогал при создании фильмов о немцах в Киргизии.

С 1988 года я был на пенсии и получал 102 рубля в месяц за 46 лет стажа. Но я прирабатывал, как уже сказано, переводчиком, организовал семейные курсы по изучению немецкого языка для тех, кто собирался переезжать в ФРГ и хотел изучать немецкий язык.

В своей деятельности учителя немецкого языка я был неутомим, я любил эту работу. Мои студенты могли распоряжаться мною днём и ночью, я помогал, где только мог, и своим младшим коллегам, и они моей помощью часто пользовались. Связь со своими студентами я не терял и тогда, когда они уже сами давно окунулись в трудовую жизнь. Я не уставал давать студентам дополнительные занятия по

немецкому языку или по страноведению, на факультете, в студенческом общежитии или у меня дома. Я старался передать студентам и преподавателям как можно больше сведений о Германии и о немецком языке. Я искал встреч с германскими туристами, где и когда только появлялась возможность, многие годы слушал по радио «Немецкую Волну» (что в то время было совсем небезопасно), поддерживал переписку с коллегами и другими лицами из обеих частей Германии. Но мне этого было недостаточно. Моей тайной мечтой было переселиться на постоянное жительство в Германию, чтобы изучить немецкую культуру и жизнь из первых рук.

В Германию

Когда в начале 70-х годов дальние родственники мои поехали жить в Германию, мои мечты начали приобретать очертания. Я в глубокой тайне начал собирать нужные документы и окольными путями послал их своим племянницам Кате Гиберт и Элле Розенфельд в Германию. В 1974 году я с радостью и страхом получил из Германии вызов. Я стал подготавливать бумаги для ОВИРа. Нам с женой (мы жили только вдвоём) нужно было от каждого родственника первой степени (братьев, сестёр, родителей, детей) получить письменное согласие на наш отъезд, с заверенной подписью. Эти документы пришлось нам собирать из всех регионов огромного Советского Союза. Тут не обошлось без слёз, качаний головой и упрёков, но отказов не было ни от кого. Но самое страшное ещё предстояло: в случае разрешения из ОВИРа - объяснения и «разбор» на собраниях коллектива сотрудников и профсоюза и перед моим начальством в университете. Немцы, которые в те времена получали разрешение на выезд в Германию, на таких собраниях проходили все круги ада. Их стыдили, уговаривали, им грозили, их обзывали предателями. Хороший работник, который десятки лет считался лучшим в коллективе, всеми уважаемый, много раз награждённый государственными орденами и другими наградами, в мгновение ока становился предателем Родины, врагом народа, преступником, фашистом. Как правило, его увольняли с работы, он становился клеймёным. Этой процедуры я боялся больше всего. Были случаи, что человека после такого процесса загоняли в петлю. Я думаю, со мной случилось бы такое же. Я себе внушил: то что простят простому рабочему или колхознику, мне не простят. Но судьба на этот раз сжалилась надо мной.

Когда я все документы собрал, мне в ОВИРе с большой неохотой и лишь после настойчивого требования выдали формуляр для заявления о выезде. Я всё заполнил и сдал. Полгода спустя, меня двумя строчками известили, что нам в выезде отказано за неимением прямых родственников в ФРГ. Дело в том, что вызов я получил от племянницы. Напрасно я пытался попасть на приём к начальнику республиканского ОВИРа. Там всегда было столько людей, что до меня очередь никогда не доходила. Однажды один из моих «товарищей по несчастью» спросил меня, почему я не обращаюсь в немецкое посольство в Москве? Там, мол, быстро сделают мне вызов от имени сестры. В Германии у меня была только двоюродная сестра, но я уцепился за эту соломинку. Я написал в посольство письмо, объяснил моё положение и просил, если возможно, переделать вызов. Ответ пришёл отрицательный, как и надо было ожидать. Мне сообщили, что такие вопросы относятся только к компетенции министерства внутренних дел СССР, но, что в конечном итоге всё зависит от КГБ. Ответ содержал ещё целую страницу различных разъяснений о правилах выезда из СССР, которые я и так знал. Вскоре после этого меня вызвал к себе наш декан Виталий Михайлович Карпов. Он очень спокойно объяснил мне, что он всё знает, хорошо понимает меня, очень сочувствует, но помочь не может. Но он хотел мне дать хороший совет: что я против руководства и

против органов ничего сделать не смогу, чтобы я прекратил всякие действия в отношении выезда и спокойно работал. В противном случае нам придётся расстаться (т.е. он должен меня уволить), а он не хотел бы потерять меня как работника. Я чувствовал себя, как маленький школьник, которого разоблачили в неблагоприятном поступке. Я сказал ему, что уже и сам всё осознал и больше ни ему ни себе трудностей чинить не стану. Лицо моё, наверно, было красным, как варёный рак, так оно горело, когда я выходил из кабинета декана.

Я продолжал работать под постоянным страхом, что мне когда-нибудь мой «проступок» напомнят. Однажды преподавателей немецкого языка из университета и других учебных заведений, работников отделов кадров различных предприятий, всего около 50 человек, пригласили в райком партии. Секретарь райкома сделала доклад, в котором она сообщила о том, что в последние годы в республике проходит волна эмиграции представителей некоторых национальностей. Выезжают евреи, армяне, но самое неприятное, что всё больше немцев покидают республику. Что выезжают евреи и армяне её не особенно беспокоило, но эмиграция немцев отрицательно сказывается на экономике Киргизии. Она подчеркнула, что следует что-то предпринять против выезда немцев в ФРГ. Тут же организовали агитационные группы из трёх человек, которые должны были отправиться в колхозы, на предприятия и даже по квартирам людей, чтобы их агитировать отказаться от планов выезда в ФРГ. И такую работу поручили именно мне! Я долго гадал, было ли это случайно или с намерением. В начале выступления секретаря парткома я страшно боялся, что вот – вот она назовёт и мою фамилию в числе собирающихся эмигрировать. Разумеется, я и не думал, проводить какую-либо агитацию среди моих земляков. Но я боялся ясно высказать это своё решение в университете. На следующий день я натолкнулся в коридоре инфака на нашего партийного секретаря университета Джусаева. Мы хорошо знали друг друга, так как он раньше был нашим деканом. Я ему рассказал о моём вызове в партком. Он меня прямо спросил: «А Вы отказываетесь от этого поручения?» Я ему ответил: «Я могу Вам подготовить и прочесть лекцию на определённую тему, но я не агитатор.» Он пожал плечами и молча оставил меня.

После прихода к власти Горбачёва выезд за границу упростился. Летом 1989 года выехала со своей семьёй и свекровью из Люксембурга (Канта) в Германию Валя Фукс, сестра моей жены. Я уже снова приготовил наши документы и послал их с ней в Германию. В то время анкеты заявления на разрешение на постоянное жительство в Германию состояли всего из 6 страниц. Ждать приходилось от 2 до 4 месяцев. Мы усиленно готовились к выезду и с нетерпением ждали из Германии разрешения на въезд. 3 сентября 1989 года в Германию уехала Полинина вторая сестра Пропст Лили с мужем. У них был вызов от дочери Пропста Захара. Чтобы легче и быстрее уехать они вынуждены были за бесценок отдать свой дом в Воронцовке одному из сотрудников ОВИРа. При этом Лили выторговала у покупателей обещание, что они помогут скорее выехать и её сестре, т.е. нам. Дело теперь стало за вызовом из Германии. Мы часто переговаривались с родственниками по телефону, нажимая на них, чтобы они поторопились с вызовом, т.к. постоянно шли слухи, что «ворота могут закрыть», и боялись, что не успеем уехать. Вдруг меня осенила счастливая мысль. Я вспомнил о нашем разрешении на въезд в Германию за 1974 год. Ведь должны же были остаться в Германии копии наших документов. С этой надеждой я позвонил в Германию. И всё замечательно сработало. Валя получила наше разрешение (в народе его все называли «номером») из Красного Креста, не понадобилось вторичного заявления. Она тут же прислала нам вызов, вернее, вызов послала Мина Бахман, дочь Захара, Валя только подписала документы, как сестра. 25 октября 1989 года вызов был у нас. Мы сначала стояли, как парализованные. Но это длилось только около часа, потом мы начали действовать. Через 5 дней мы уже все документы сдали в районный ОВИР. Ещё через 25 дней наши заграничные

паспорта были готовы. Я уже упомянул о том, что я страшно боялся реакций моих студентов и коллег в случае моего выезда в Германию. Один из моих бывших студентов работал в ОВИРе и вскоре о моём намерении узнали многие. Но, против ожидания, все, кто узнал о моих планах выезда, поздравляли меня и радовались вместе с нами. Телефон звонил почти круглые сутки. Приходили прощаться, давали советы, хотя мы старались о нашем отъезде не распространяться.

4 декабря 1989 года я полетел в Москву с паспортами и отправился в германское посольство за визами. Это было приключение! Ещё в аэропорту Фрунзе я познакомился с пожилым немецким мужчиной из селения Кара-Балты, который летел в Москву с той же целью, что и я. Он «прицепился» ко мне и просил, чтобы я его не бросил. Он летел в Москву впервые. Но его там в аэропорту встречали племянница с мужем, и он уверял, что они и меня возьмут с собой на квартиру. Меня это устраивало, так как у меня там квартиры не было, и в Москве не так легко было найти её. В Москве свирепствовал страшный буран. Родственники должны были забрать старика на своей машине, но из-за непогоды они приехали в аэропорт на автобусе. После встречи я взял команду в свои руки. Мы прежде всего должны были отправиться в германское посольство, чтобы там записаться в списки ожидающих приёма. Я уже летом однажды там был со своим шурином Захаром Пропстом и был немного знаком с порядками. Мы все вместе поехали на автобусе до станции метро, потом несколько остановок под землёй, затем ещё км 1,5 при этой собачьей погоде пешком до посольства. Прибыли мы туда в 12 часов ночи. Перед посольством не было ни души. Мы стояли несколько минут и не знали что делать. Дежурный милиционер посоветовал нам, поискать на деревьях перед посольством целлофановый пакет со списками очереди. Мы быстро нашли эти списки и внесли туда свои имена и фамилии. Теперь надо было на следующее утро в 8 часов явиться и отметить. Эту процедуру надо было проделывать каждое утро, это я уже знал. Мы опять вернулись на станцию метро и поехали через весь город на Рижский вокзал. Выяснилось, что наши хозяева жили совсем не в Москве, а на какой-то железнодорожной станции в 60 км от Москвы в сторону Риги. От вокзала нам пришлось добираться пешком км 1,5 до их квартиры, куда мы прибыли в 2 часа ночи. После «ужина» и нескольких часов сна мы должны были отправиться к посольству. В пригородном поезде было людей, как сельдей в бочке и страшно холодно, так как вагоны не отапливались. Поезд в 6 часов отправился с нашего вокзала, и без 5-7 мы пришли к посольству. Площадь перед посольством была уже полна народа. Были группы, которые стояли за гостевой визой, и такие, как мы, желающие выехать на постоянное жительство. Мы скоро нашли свою группу. Нашлись инициаторы, которые выкликали фамилии и номера очереди, присутствующих отмечали, отсутствующих беспощадно вычёркивали. Для каждой даты имелся свой список. Через 20 минут явился сотрудник посольства и собрал списки. Он опять зачитал записанных по датам, посмотрел паспорта и выдал каждому номерок с датой, когда приблизительно надо было явиться в посольство за визой. Эти номера были изготовлены посольством специально, и их не так легко было подделать. Было 5 декабря, я получил номер на 14 декабря. Когда таким образом все присутствующие были снабжены номерами, сотрудник посольства объявил, чтобы люди разошлись по своим квартирам и не мёрзли напрасно на морозе. На всякий случай, можно прийти на день раньше указанного дня и осведомиться об очереди. Но люди не спешили расходиться. Подходили всё новые и новые.

Мы со своим компаньоном отправились в кассу Аэрофлота и заказали билеты на Фрунзе. Билеты в Германию я заказал уже летом у «Люфтганзы» на 15 января 1990 года, когда мы приезжали за визами для Захара и Лили. Их надо было в указанное время, за три дня до отлёта, забрать в гостинице «Олимпия-Райзен». Эта гостиница была специально арендована германским посольством для немецких переселенцев. Но, к сожалению, там остался советский персонал, а с ним и советские порядки.

До нашей очереди в посольстве у нас оставалось больше недели времени. Но у нас не было покоя. Мы ездили каждый день в одно и то же время в посольство и проводили там весь день до 5 часов вечера, до закрытия. Ведь вдруг там могли произойти какие-нибудь изменения, и их мы не хотели прозевать. Было очень холодно. Большею частью шёл буран, а я был в лёгком осеннем пальто. На ногах у меня были аккуратные, красивые резиновые сапожки. Но я стоял в них, как на железе. К счастью я в одном магазине недалеко от посольства нашёл тёплые войлочные ботинки, известные в народе под названием «прощай, молодость», (такие обычно носили пожилые люди). Но в них ногам было тепло и они меня в то время спасли. Но спине и пояснице от долгого стояния на морозе досталось. Когда я 14 декабря прилетел домой, я заболел и вынужден был лежать в постели. Меня сковал страшнейший радикулит. Две недели ко мне на дом приходила массажистка и «обработала» меня интенсивно, пока я не встал на ноги и смог опять ходить...

13 декабря наша очередь в посольстве подошла. Сначала запустили несколько человек, у которых были ещё номера за 12 и 13 декабря, потом начали запускать нас, с номерами за 14 декабря. Представитель посольства пригласил людей по одному, по порядку номеров, к калитке посольства, чтобы можно было проверить номер, паспорт и по одному запускать. Но к такому порядку наши люди не привыкли. Они все сразу, человек 80 – 100, бегом устремились к калитке. Работник посольства остановил их и велел всем вернуться на прежнее место и подойти снова. Но результат был тот же. Так нас трижды возвращали назад. Каждый раз задние устремлялись вперёд и колонна вся перемешивалась. Я каждый раз уныло и скептически плёлся за толпой. Мне было страшно стыдно за своих земляков. Дежурный милиционер посмотрел на этот хаос, покачал головой и крикнул: «Люди, что же вы делаете? Вы же хуже скота! И вы хотите ехать жить в Германию! Да, там вас научат по одной доске ходить!» Призыв милиционера весь день отдавался в моей голове. С одной стороны милиционер был прав, и мне, как я уже сказал, было стыдно за невоспитанность моих земляков. С другой стороны я их хорошо понимал. Если ты всю жизнь прожил по принципу: «Последнего собаки рвут!», если ты никогда не можешь надеяться на нормы и законы, потому что их никогда не соблюдают, то и не удивительно, что сегодня тут такое творится. Советские люди почти все хорошо усвоили теорию Дарвина: естественный отбор. Иначе говоря, более сильный выживает.

Во время долгого ожидания визы случались как курьёзные, так и печальные вещи. Некоторые люди имели по 3-4 номера и продавали их потом за 80 – 100 и более рублей стоящим сзади. Одна из женщин купила такой номер за 130 рублей. По своей очереди она должна была ещё две недели ждать, а так она подошла к калитке уже в тот же день, когда купила этот злосчастный талон. Но в посольстве выяснилось, что её номер был фальшивым. Её выгнали из посольства и сказали, что ей в Германии делать нечего. Она бегала среди людей в поисках проходимца и плакала душераздирающе. Что дальше с ней стало не знаю.

Как бы то ни было, мы попали через двор посольства в какое то здание, где нам пришлось ещё два часа ждать своей очереди. Наконец мы получили наши визы. Перед нами выступил представитель посольства, разъяснил нам порядки и сказал, что самое главное, что мы теперь находимся в тёплом помещении. Мы почувствовали, что он нас считал уже своими людьми.

Пока мы закончили дела в посольстве, уже стемнело. Я ещё в тот же день поехал в Отель «Олимпия-Райзен» и хотел попытаться получить в «Люфтганзе» заказанные летом билеты в Германию. Но там царил такой хаос, а я чувствовал себя таким больным, что я отказался от этой затеи и поехал на квартиру. На следующий день я

полетел домой во Фрунзе, предварительно обменяв билет, который я за две недели купил на 16 января. Я так сильно болел, и мне было так плохо, что я уже ничего не хотел и меня уже ничего не радовало. Дома, я все дела передал в руки Паулины. 21 декабря, как раз в день её рождения, мы повезли два контейнера с нашим домашним скарбом в Алма-Ату и сдали их там в таможне. Этот процесс обошёлся нам втридорога. В двух контейнерах (1,50 x 1,20 x 1,20 м) было 1300 кг багажа. Но мы уже раньше с Полининой сестрой и с нашим знакомым Вольфом Валерой отправляли 250 кг различных вещей. В наших контейнерах тоже было свыше 100 кг чужого багажа. Это в те времена так было принято. Все боялись, что вывоз багажа местные власти каждый день могли запретить. Люди, которые имели уже выездные документы на руках, хотели хоть самое необходимое переправить через границу. В нашем багаже было около 600 кг книг. Книги были нашим самым большим богатством. До 1989 года книги почти нельзя было вывозить из Союза. Если разрешалось, то только по специальному разрешению министерства Культуры и за очень высокую плату. За некоторые книги, которые рассматривались как культурная ценность, нужно было уплатить их 4х-кратную и 5и-кратную стоимость в виде таможенного налога. Сначала я начал продавать книги. Самые лучшие и ценные книги ушли за цену, которую я за них заплатил много лет назад, хотя они теперь уже имели двойную цену. Ведь мне надо было их скорее сбыть. Потом пришло разрешение на вывоз книг, любых, без таможенного налога. Так получилось, что я от своей библиотеки, насчитывавшей свыше 3000 названий, 1/3 продал, 1/3 привёз с собой, а 1/3 просто оставил в квартире.

Когда мы контейнеры сдали и документы все были готовы, надо было позаботиться о билетах. Прежде всего я позвонил в Москву в «Люфтганзу» и попросил их, не продавать наши билеты, если мы не успеем вовремя подъехать за ними, так как было очень трудно достать билеты в Москву. Мне обещали билеты зарезервировать до вечера 13 января. Во Фрунзе наши билеты на Москву пришлось обменять с 13 на 12 января. При этом пришлось заплатить двойную цену, иначе мы бы билеты в Германию вовремя не получили.

Новый 1990 год мы встретили у моей сестры Лили. Потом начались «проводы». Всего мы вынуждены были 6 раз принимать гостей. Во-первых, их было бы слишком много для одного приёма, мы бы их всех не разместили в своей квартире. Во-вторых, гости должны были гармонировать друг с другом. Например, в нашем подъезде мы дружили со всеми соседями, но соседи далеко не все друг с другом. Такая же картина получилась и с коллегами по работе.

В последние дни надо было привести в порядок квартиру. Мебель мы продали сыну, который со своей семьёй оставался в нашей квартире. Это тоже испортило нам много крови, мы с сыном плохо ладили друг с другом. Накануне отлёта ещё раз пришли самые близкие родственники и знакомые. Было много разговоров, предсказаний и рассуждений. Сын со снохой и с ребёнком должны были ночевать у нас, чтобы утром люди сразу увидели, что квартира занята. Иначе была опасность, что кто-нибудь мог вселиться самовольно. Сноху и внучку мы только недавно прописали в своей квартире. Рано утром подъехали на своих машинах мой зять Зонтак Август и наш знакомый Вольф Валерий. Мы уже были готовы, погрузили чемоданы и сумки и поехали: Паулина, я, наш сын Адольф, Август, моя сестра Лили, Валерий со своей женой и Франк Андрей (муж Паулининой сестры Ани), который нас провожал до Москвы. Элла (сноха) и внучка Верочка смотрели в кухне из окна. В аэропорту «Манас» у нас состоялось печальное прощание с сыном, потому что мы с ним накануне повздорили. Наши отношения угнетающе действовали и на всех остальных провожающих.

В Москве мы прилетели в аэропорт «Домодедово». Пока Паулина с Андреем получали чемоданы, я уже разведаль, что можно с пригородным поездом доехать до Павелецкого вокзала в Москве, уже и билеты в автомате купил. Мы хотели как можно незаметнее добраться в Москву в гостиницу «Олимпия-Райзен», мы боялись мафии, которая обычно встречала переселенцев в аэропорту или на вокзале, чтобы их за десятикратную цену провезти дальше. При этом часто случались кровавые трагедии. Прибыв в Москву на вокзал, мы хотели сначала сдать багаж в камеру хранения, чтобы налегке быстрее добраться до гостиницы, надо было быстрее получить билеты в Германию. Но мы попали как раз на пересмену и камера хранения была закрыта. Тут прибежал Андрей и говорит, что он достал такси, притом совершенно официально, значит и за официальную цену. Мы быстро притащили чемоданы и сумки к стоянке такси, к машине, которую нам указал дежурный по стоянке. Такси было в достатке, но все водители торговались и не хотели ехать за нормальную цену. Но на этот раз тут было двое дежурных с удостоверениями на груди и с красными повязками, которым водители такси беспрекословно подчинялись. Наш таксист скривил кислую мину, когда он увидел наш багаж, и сказал, что он всё это не сможет уложить в машину. Я ему ответил, чтобы он для начала вылез из машины и открыл нам багажник. Мы всё уложили: два чемодана, несколько сумок и нашего «Марсика», маленькую собачку, для которой всё это путешествие было непривычным и трудным.

Я таксисту назвал ориентировочный адрес, и мы поехали. Он всю дорогу ворчал, что эти бандиты-мафиози самых выгодных клиентов из-под носа забирают, а такие, как он работяги должны работать за смехотворную цену. Я достал из кармана 10 рублей, дал их таксисту и сказал, что я не хочу, чтобы честный таксист заработал меньше, чем бандит (это было больше, чем тройная оплата). Мой таксист в мгновение ока изменился. Он стал разговорчивым и спросил, не в «Олимпия-Райзен» ли мы едем. Я подтвердил это. Он сказал: «Ну что Вы мне тогда морочите голову и не говорите мне сразу, куда Вам надо. Я и так уже догадался.» Я ему ответил, что я не каждому хочу вешать на нос, куда я еду. Он подтвердил, что сейчас и поездка на настоящем такси не всегда безопасна. У гостиницы он выскочил из машины и помог нам отнести вещи в вестибюль. Он же за это уже хорошую плату получил.

В гостинице был настоящий ад. Мы багаж поставили в угол, и Паулина тут же побежала организовать нам места, чтобы мы могли переночевать. Вскоре она вернулась с формулярами, которые мы быстро заполнили, потом мы потащили свой багаж на второй этаж в указанную нам комнату. Для Андрея нам место не дали, он ведь не числился переселенцем. Мы сказали, что он нам только поможет дотащить чемоданы. На этаже Полина договорилась с дежурной по этажу, чтобы он мог переночевать в нашей комнате. Кровати для него не было. Одну ночь мы втроём спали на двух кроватях – мы с Паулиной вдвоём внизу, Андрей на втором ярусе. Мы этим уже были довольны. На следующее утро освободились места и Андрей получил отдельную кровать. Паулина пошла в очередь за билетами в представительство «Люфтганзы». К обеду она их получила. Теперь мы с Андреем взяли наши заграничные паспорта и с «левым» таксистом быстро поехали к немецкому посольству. Нам надо было там ещё сдать кучу документов, чтобы их с дипломатической почтой отправили в Германию, так как на таможне советские документы в оригинале не пропускали. Посольство шло немецким переселенцам навстречу, там прекрасно знали, что действия таможни были незаконны, там только хотели с переселенцев «выжать деньги». Через два часа и это было сделано. Теперь надо было только ждать день вылета в Германию. На следующий день, в субботу, Андрей с Паулиной повезли собачку в аэропорт «Шереметьево», чтобы привести в порядок бумаги на собаку. Я использовал это время чтобы посетить расположенное неподалёку от гостиницы «Немецкое кладбище», где похоронены многие знаменитые личности из 18 и 19 веков, среди них и много немцев. Когда Андрей с Паулиной в обед вернулись с аэропорта, они мне рассказали, как у них там всё происходило.

Сперва ветврачи сказали моей жене, что в справке, о состоянии здоровья собачки, которую она привезла из Фрунзе, не указано, какую вакцину привили собачке. Когда жена сунула им коробку шоколада, они сказали: «Ну, посмотрим, что в таком случае можно сделать.» А когда на столе появилась ещё бутылка киргизского коньяка, то наша собачка стала такой «миленькой, сладкой» и дело за 5 минут было улажено.

На следующее утро разразилась настоящая борьба за автобус, который должен был доставить нас от отеля до аэропорта. Он стоял за углом в переулке, и люди всё больше начали роптать. Это было сделано специально, чтобы люди были вынуждены нанять так называемых таксистов за 10-кратную цену. И только, когда люди привели милиционера и устроили страшный скандал, грозилась обратиться в посольство, милиционер «привёл» автобус и люди уселись. Так мы счастливо миновали и этот барьер. В аэропорту Андрей тут же где-то раздобыл тележку для багажа. Мы погрузили всё на неё и нам не надо было таскать всё в руках. Ведь мы должны были ждать самолёт до 7 часов вечера.

Я весь день сидел около чемоданов с собачкой на коленях. Полина с Андреем уехали ещё раз в город, хотели там ещё что-то купить. Вечером началась регистрация билетов, проверка документов и багажа на таможне. Всё шло хорошо, пока очередь не дошла до собачки. Её документы хотя и были в порядке, но её нужно было взвесить (она весила 1,8 кг) и мы должны были доплатить за неё 12 рублей, а у нас рублей уже не было. Хорошо, что Андрей не ушёл, а стоял у ограды и всё видел. Он тут же протянул Полине деньги через решётку. У кассы стояла очередь, и пока мы уплатили, наша группа уже ушла и мы не знали куда идти. Мы же были первый раз в Шереметьево. Мы спросили какого-то милиционера, который был очень недоволен, что его потревожили, и довольно грубо показал нам дорогу в накопитель. Вскоре мы своих попутчиков нашли, но тут была ещё одна проблема. Нам велели поместить собачку в целлофановый мешок, так как германская обслуга в самолёте якобы не потерпит «голых» собак на борту. Но где теперь взять такой мешок? Какая-то женщина освободила маленький мешочек и отдала его нам. Но собачка туда не влезла. Я послал жену в магазин «Берёзка», который я заметил недалеко от нас в иностранном секторе. Она вскоре вернулась с пакетом. Ей его даже подарили. Теперь у нас был подходящий футляр для нашей собачки.

Я был одет в тёплое зимнее пальто с каракулевым воротником. Под ним ещё костюм, куртка, несколько рубашек, брюк, на голове – нутриевая шапка. С одной стороны в Москве в этот день было очень холодно, с другой стороны, я столько надел на себя, чтобы меньше было таскать. Я насквозь промок от пота, а мы очень долго вынуждены были ждать в накопителе. Наконец-то нас повели к самолёту, который, к счастью, стоял прямо перед зданием аэропорта. Только когда я вошёл в самолёт, снял шапку и пальто, я почувствовал себя облегчённо и свободным. Теперь я был уверен, что мы полетим в Германию. До этого я всё ещё боялся, что что-нибудь может помешать.

Обычно после стресса, которому подвергнуты переселенцы в течение последних месяцев перед выездом из старой родины, уже в поезде или в самолёте наступает облегчение, особенно, если это машина «Люфтганзы». Самолёт просторный, обслуживающий персонал очень вежливый и предупредительный. Нет здесь этого обилия портящих настроение запретов: нельзя положить вещи в сетки над сидениями, нельзя стоять в проходе, нельзя лишний раз что-то спросить – того, к чему мы «там» уже привыкли, здесь нет. Можно всё, что прямо и недвусмысленно не запрещено. Это, в общем, относится ко всей Германии. У меня было такое ощущение, как будто я сижу в кинозале. Первое, с чем я обратился к обслуге, я попросил немножко воды для собачки. Она чувствовала себя плохо и была очень беспокойна. Она беспрерывно переходила с моих колен к Полине и обратно и

обратила на себя благоприятное внимание пассажиров и персонала. Конечно, никто не заставил нас посадить её в пластиковый пакет. Потом нас угощали напитками и обильным обедом.

Наконец-то в Германии

Полёт прошёл хорошо и мы в 21 час местного времени приземлились в аэропорту Франкфурт на Майне. Благодаря мягкому климату в Германии последних лет немецкие аэропорты обычно и зимой встречают пассажиров пышной зеленью и цветами. После тридцатиградусного мороза в Москве, я никак не мог понять, что мы приземлились в аэропорту с цветущими магнолиями, и что это Франкфурт на Майне, а не где-нибудь на юге. Нас встретил представитель Красного Креста, который повёл нас в довольно большое помещение. Там ждали ещё переселенцы, которые прилетели полчаса тому назад на советском самолёте из Москвы. Теперь нас вместе было 150 человек. Наш сопровождающий, который скорее походил на хиппи, чем на работника Красного Креста, объяснял нам что-то, не вынимая при этом жвачку изо рта, и повёл нас к пограничному контролю, к таможене и к выдаче багажа. Там царил довольно большой хаос. Мне удалось сразу захватить тележку, так что чемоданы в руках тащить не пришлось. Мы вышли из здания аэропорта к автобусам. Нас ждали три автобуса – два двухэтажных и один обычный. Когда чемоданы были рассованы, мы с Полиной сели в маленький автобус, где было поменьше народа, на самые передние сиденья возле водителя. Это был молодой парень европейского типа, он говорил на чистом немецком языке, но что-то меня насторожило. Я спросил его, где он родился. Он засмеялся и сказал: «В Караганде.» Как преподаватель немецкого языка, я сразу что-то заподозрил.

Мы почти всю ночь ехали по направлению Гамбурга. Когда я узнал, что нас повезут в Люнебург, да ещё в казармы, я был довольно разочарован, к счастью, напрасно. Дорогой я постоянно старался развлечь водителя разговорами, чтобы он не уснул. В багажнике у него было около 100 банок фанты и кока-колы, которые пассажирам после этого обильного ужина в самолёте оченьгодились.

В 5 часов утра 16 января 1990 года мы приехали в воинскую часть имени Теодора Кёрнера под Люнебургом. Нас привезли прямо к столовой. Тут нас встретили несколько солдат и офицеров. Нас пригласили на завтрак. После обильного завтрака (кофе, бутерброды, сыр, масло, колбаса, салаты, повидло, булочки) какой-то подполковник обратился к собравшимся с приветственной речью, состоявшей из немецко-русско-польской лексики с соответствующей грамматикой. Я спросил его потом, на каком языке он говорил, на польском? Он рассмеялся и сказал: «Я не знаю, возможно.»

После завтрака наших 150 человек разместили в двух казармах. Питание для людей привозили прямо из солдатской кухни в наши казармы и тут раздавали. Пища всегда оставалась, её оставляли на большом столе в коридоре и накрывали скатертью. Каждый мог потом в любое время подходить и набрать себе, что хотел. По плану мы должны были здесь жить целый месяц, ибо в лагерях для переселенцев не было места. Меня попросили работать переводчиком, и я был каждый день очень занят. Но через неделю людей всё же пришлось отправлять в лагерь. Доброе намерение офицеров (оставить нас здесь на месяц) разбилось о медицинском обслуживании. Нас обслуживали гарнизонные врачи, но среди них не было ни детских врачей, ни женских. А именно эти категории людей больше всего болели. Вот пришлось переселенцев уже через неделю отправить в лагерь. Остались только три семьи, где имелись тяжело больные. Но так как нужен был переводчик, меня с Полиной зачислили в

больные (мы действительно были сильно простужены) и оставили нас ещё на неделю, пока больные не стали транспортабельными. 1 февраля 1990 года нас отправили в лагерь Брамше около Оснабрюка. Эти две недели в казармах были мои лучшие дни в Германии – я почувствовал, что я ещё нужен людям и был счастлив.

В пограничном лагере Брамше мы находились всего одну неделю. Но эти семь дней на меня произвели нехорошее впечатление, тем более, что этот лагерь только строился. Раньше это был бельгийский гарнизон. К тому же этот лагерь был битком набит. Примерно 20% переселенцев были из Советского Союза. Остальные – из Польши, из Румынии и из ГДР. Наши люди чувствовали себя подавленными, потому что мы не привыкли к свободе, как остальные переселенцы, прибывшие из западных районов и более привыкшие к здешним порядкам. Старшие поколения советских немцев никак не могут избавиться от чувства какой-то боязни ещё с военного и послевоенного времени. Печать войны, трудармии и комендатуры так легко не отмывается.

8 февраля мы закончили регистрацию в Брамше и нас отправили дальше. Перед отъездом я случайно встретил Юру Бейца, племянника Захара Пропста. Он передал мне мои водительские права, которые я во Фрунзе в спешке уже не успел получить. Нас отсюда вообще-то должны были отправить в Унна-Массен, но, так как этот лагерь был уже переполнен, то нас увезли в Гезеке, побочный лагерь от Унна-Массена. Здесь мы должны были оставаться, пока мы не прошли полностью регистрацию, и пока нас не определили на место постоянного жительства. Здесь меня с Полиной (во всяком случае на первую ночь) разместили в комнату, где стояли 10 двухэтажных кроватей. Нам оставались два места на верхнем ярусе. В комнате жили поляки с маленьким ребёнком, который беспрестанно кричал, так как ему не хватало воздуха. Все взрослые курили, мужчины и женщины, включая и мать ребёнка. Я тоже не мог дышать в этом дыму и хотел открыть окно. Но тут закричала бабушка ребёнка, что нельзя открывать окно, что бэби простынет. Я ответил ей, что он скорее задохнётся.

После Брамше я был сыт по горло лагерной жизнью. К несчастью, я там в телефонной будке ещё и оставил свою записную книжку со всеми адресами и телефонными номерами по Германии, и больше не нашёл её. По счастливой случайности у меня Лилин телефон был записан на бумажке и лежал в заднем кармане брюк. Я чувствовал себя, как Робинзон на необитаемом острове. Я уже не хотел ни в Унна-Массен, ни в какой-либо другой лагерь. Я твёрдо решил: сегодня ещё уехать отсюда, к Лили и Захару. Я пошёл к телефону и позвонил им, просил, чтобы они нас отсюда забрали. К вечеру, после языковых курсов, они приехали за нами. Поздно вечером мы прибыли на наше новое место жительства. Нас встретили великолепным ужином, в котором участвовали и господин и фрау Христинманн. Господин Христинманн поставил даже бутылку вина, для приветствия, как он сказал. На следующей неделе я ещё два раза ездил в Гезеке, в лагерь, чтобы урегулировать оставшиеся регистрационные формальности. Я настоял на том, чтобы нас направили к нашим родственникам, где для нас уже была приготовлена комнатка. Это было в Леопольдстале, относящемуся к городу Хорн-Бад Майнберг, где мы и сегодня ещё проживаем. Прекрасное место, в курортной зоне, в 15 км от районного центра Детмольд, в юго-восточной части Тевтобургского Леса (поросший лесом горный кряж). Место замечательное, с мягкой и малоснежной зимой и прохладным, дождливым летом.

На новой родине

Мы жили у свояченицы с 8 февраля по 1 июля 1990 года в Леопольдстале, 3 км от Хорна, центра управления нашего города. Но мы уже подали заявку на квартиру в нашем жилищном кооперативе. В то время с квартирами было очень трудно. Но по случаю нам предложили к 1 июля мансардную квартиру с двумя маленькими комнатками и крохотной кухней и ванной. Мне она не понравилась, всё было очень маленьким, мы даже не могли разместить наши вещи, которые за это время прибыли в контейнерах, но у нас не было другого выхода. Ко времени переезда я справился и с бумажными делами. Для этого я был вынужден каждый день пешком ходить из Леопольдстала в Хорн, или ездить в районный центр Детмольд. Со своим отказом от пересылочного лагеря Унна-Массен мы совершили большую ошибку. Этим отказом мы освободили власти от заботы о нас, от нашего организованного размещения, и взяли всю бумажную волокиту на себя. В результате всё, с чем в лагере справлялись за две недели, у нас заняло месяцы, даже годы. К тому же у нас ещё не было машины и мы полностью зависели от людей. У шурина была машина, но они каждый день ездили на языковые курсы и брали с собой ещё соседей (за плату). Я бы мог уже купить такую подержанную машинёшку, но я просто боялся ездить на машине. Хоть я в последние месяцы нашего пребывания во Фрунзе окончил курсы водителей и имел водительское удостоверение, но ездить, как следует, я должен был ещё научиться, тем более здесь, в чужой стране, где буквально всё было чужое и незнакомое, где всё было иначе, чем в Советском Союзе. Было очень трудно разобраться в здешней дорожной сети, хотя я умел всё читать и знал язык. Автомобиль я купил только в конце 1990 года, когда я, наконец, понял, что без собственной машины я никогда не научусь ездить. Но этот год всё равно не пропал напрасно. Я постоянно сидел рядом со своим шурином в роли «штурмана». Мы распределили себе роли: он отвечал за машину, а я – за дорогу и правила движения. Так что через год я в этом разбирался лучше, чем он сам. Но управлять машиной я бы не смог, этому я только научился, когда заимел собственную. Да и машины здесь совсем другие, чем те, на которых я учился в Киргизии.

С самого начала нашего пребывания в Германии у меня хлопот были полные руки: надо было везде вставать на учёт; каждый день приходило по несколько писем из биржи труда, из социального ведомства, которые надо было разбирать; надо было заполнять кучу формуляров, написать кучу заявлений; надо было очень много ходить по учреждениям, ведомствам. Хорошо, что рядом жили родственники и знакомые, которые помогали нам, где только могли. Пока у меня не было своей машины, выручал нас в основном мой шурин Пропст Захар, много помогал нам его зять Бахманн Эмануил. Эти люди помогали нам больше делами, советами, в которых мы так остро нуждались первое время, но во многом помочь они не могли, так как они жизнь здесь в Германии сами ещё плохо понимали. Тут нас много выручал господин Христьянн, наш квартирный хозяин. Я своим друзьям мог помочь немного уроками немецкого языка. В этой бумажной волоките же я сам плохо разбирался.

Нас много поддерживали и материально. У меня в Германии было много знакомых из местных, с которыми я ещё во Фрунзе поддерживал переписку. Один знакомый аптекарь из Ганновера уже в первые дни приехал к нам в лагерь и привёз нам 200 марок и полбагажника продуктов, хотя у нас и так их было достаточно. Доктор Линднер из Бад Годесберга прислал нам в конверте 300 марок. Профессорская чета Дёрр из Гронау-Оберстенфельд в течение целого года перечисляла нам по 200 марок в месяц. Моя бывшая учительница из университета и коллега Тереза Христиановна Шилке посетила нас и передала нам 200 марок и целый мешок одежды и постельного белья. Очень много помогли нам наши друзья Герлинда и Гельмут

Штамм из Ильвесгейма близ Маннгейма. И люди из посёлка, где мы жили давали нам много хороших вещей. В те времена переселенцы местным немцам ещё не так надоели, как сегодня, и сама жизнь была тогда ещё легче, чем теперь. Всем выше названным людям мы очень благодарны, как и многим другим, оказавшим нам в трудное для нас первое время помощь.

Первый год нам биржа труда выплачивала на двоих 1920 марок в месяц интеграционного пособия. Затем полгода 1600 марок безработной помощи. Когда я с 1 июля 1991 года стал получать пенсию (1800 марок), Полина больше пособия не получала. Нам моей пенсии хватало вполне. Все эти годы, что мы в Германии, мы помогали и помогаем нашим родственникам в Киргизии и России посылками и деньгами.

Конечно, не всё шло гладко в нашей жизни в Германии. Случалось много неприятностей и горя частично из-за нашей неосведомлённости и непонимания жизни, но частично и не по нашей вине. Были проблемы с ГАИ, с адвокатами, нас обманывали и обирали жулики, часто и сейчас ещё приходится слышать, что мы, переселенцы, опустошаем карманы местных налогоплательщиков, отнимаем местным трудящимся рабочие места, что мы виноваты, что пенсионные кассы пусты. Но это всё была бы отдельная тема.

Как ни парадоксально это звучит, но в первые месяцы у меня были трудности с немецким языком. Во-первых, я плохо слышу, во-вторых, мне было трудно привыкать к местному безартикуляционному произношению многих чиновников (не говоря уж об обычных гражданах). Осенью 1990 года я в журнале „Volk auf dem Weg“ написал статью о небрежном отношении к немецкому языку со стороны местных чиновников, политиков и журналистов, артистов и некоторых модераторов – со стороны всех тех, кто по своему положению призван заботиться о чистоте и корректности литературного языка и в массы нести хороший, безупречный немецкий язык. Этим я нажил себе кучу врагов и попортил себе немало нервов, хотя отдельные лица были со мной совершенно согласны.

Курсы немецкого языка нам с Полиной не предоставили, мотивируя тем, что мы уже старые, что нам нужно оформить пенсию и эти курсы нам не нужны. Мне лично, что касается языка, там нечего было учить, но я бы имел больше контактов с людьми, и это мне не помешало бы. Но жене такие курсы оченьгодились бы. Но я и представителей биржи труда, которые распределяли эти курсы, хорошо мог понять.

Уже в марте 1990 года я нашёл неофициальную работу: я помогал одной переводчице. Я ведь владел в достаточной мере двумя языками – немецким и русским, а так как в те годы в Германию приезжало много переселенцев из Советского Союза, то и работы хватало. Я на этой работе многому научился и ещё зарабатывал немного денег. Так что тем, что нам давали на бирже труда, и тем, что я ещё прирабатывал, мы могли сносно жить. Кроме того, моя жена три часа в неделю убирала у одних местных немцев квартиру и получала за это 10 марок в час. Уже в первом году нашего пребывания в Германии мы отправляли нашим детям в Союзе посылки, а иногда и немного денег, потому что там они очень нуждались в этом.

После того, как я здесь немного огляделся, я написал нашему сыну, чтобы он прислал мне нужные документы, если они тоже хотят приехать на постоянное жительство в Германию. Но из-за неполадок в семейной жизни, они это дело затанули. Да и в Германии обработка документов с каждым месяцем усложнялась и тянулась всё дольше. Потом здесь ещё появился закон о лимите принимаемых переселенцев в 200 000 человек в год. (В Германии к тому времени их было уже в избытке, а государственные кассы почти пусты.) Так что сын со своей семьёй с

большими трудностями приехал в Германию лишь в сентябре 1993 года. Сестра Лили с мужем отправили свои документы уже с нами в Германию, как и младшая сестра Полины Аня с семьёй. Обе семьи приехали уже летом 1991 года. Позже приехали и мой брат Саша и младшая его дочь с семьями и старшая наша сестра Лея, и дочь её со своей семьёй. Вся родня моей жены приехала тоже в начале 90ых годов. С моей стороны остался ещё брат Рихард со своей роднёй на Дальнем Востоке, а в Алтайском крае и в Саратовской области – дети Леи и Саши с семьями. В Киргизии живёт ещё наша старшая внучка Лена.

Мы живём теперь уже более десяти лет в Германии. За это время произошли события, достойные упоминания. О некоторых из них мне хочется тут ещё сообщить.

В первом году нашего пребывания в Германии я работал много над переводами, писал очень много писем. Я написал несколько статей в газеты, а также несколько эпизодов из моих жизненных воспоминаний. Я их послал во Фрунзе, где их опубликовали в газете под названием «Газета немцев Кыргызстана», которая издавалась для немецкого населения Киргизии. Это такие статьи как «Как это произошло», «Как это было», «Взгляд изнутри». Я восемь раз ездил в Бохум, где я перед местной группой землячества Немцев из России выступал с различными лекциями. Несколько раз я ездил как представитель землячества на конференции «Союза изгнанных», но речи выступающих мне не понравились, они, на мой взгляд, имели слишком националистическую окраску, и участия в этих мероприятиях я больше не принимал. Один раз я провёл трёхчасовую беседу с советниками переселенцев из Советского Союза. Два раза я выступал в церквях с докладами о жизни и истории немцев в России.

Ещё в 1990 году я в первый раз сделал попытку начать исследования моей родословной. Из телефонных справочников я узнал, что в Германии проживают много семей с фамилией *Herber*. По моему запросу у знакомых в Мюнхене я получил адреса двух семей с этой фамилией, которые согласились переписываться со мной для генеалогических исследований. Я отправил письма на оба адреса, но ответа не получил. Эти люди, наверно, думали, что я от них чего-то хочу (может, материальной помощи). Эта реакция на мои письма на длительное время отбила у меня всякое желание на переписку.

Осенью 1994 года я ездил в Райскирхен (небольшой городок возле Гисена) в гости к моим бывшим студентам Володе и Нели Гаун. Там я познакомился с супругами Куртом и Петрой Гербер (*Herber*). Очень приятные люди со всесторонними интересами. Он по профессии инженер, является ещё на общественных началах председателем краеведческого объединения и много занимается историей своего города и родного края. Супруги Гербер воспитывают четверых приёмных детей. Они первые из местных Герберов, которые поддержали моё начинание по исследованию истории моей семьи и оказали мне всяческую бескорыстную помощь. Благодаря инициативе Курта я два раза выступал перед членами их общества с докладами об истории российских немцев, о Киргизии и о моём путешествии на Волгу в 1996 году. Кроме того, они целый номер своего сборника, который издаётся каждый квартал года, посвятили моим «Воспоминаниям» и моим сообщениям об истории российских немцев.

С этой семьёй я и сегодня ещё поддерживаю дружеские контакты, и я им очень благодарен за поддержку.

1994-ый год был очень насыщенный событиями год. Но, к сожалению, эти события были не только радостные, были и печальные, и даже трагичные. Весной 1994 года приехал мой брат Саша со своей семьёй на постоянное жительство в Германию.

Сначала их хотели послать в одну из новых федеральных земель, но потом их по их просьбе отправили в Баварию, у самой австрийской границы. 7 мая мы с Полиной хотели их там навестить. Мы поехали на моей новой машине. Когда мы были уже за Вюрцбургом, я на автобане хотел обогнать грузовик. Вдруг, откуда ни возьмись, перед моим радиатором мелькнула красная машина. Она хотела использовать промежуток между мной и грузовиком и обогнать меня справа. Я испугался и рванул руль налево и притормозил. Мою машину бросало то влево, то вправо, она задела несколько планок ограждения, потом вдруг развернулась на 180° и остановилась. Нас с женой охватил страшный шок, на нас обрушились банки, бутылки и другие пакеты из багажа. Но, слава богу, мы остались целы и невредимы. От главного виновника этого ЧП и след простыл. Было три свидетеля аварии, но никто толком не заметил, какая это была машина, все только помнили, что она была красной. Но, как говорится, после драки кулаками не машут, я был крайний. Мы заплатили полиции 75 марок за вызов, стояли перед почти новым (20 тысяч км на спидометре), но совершенно разбитым автомобилем, и нас оттащили 450 км домой. Весь ущерб, который я натворил, оплатила моя страховка, только не мой – машина не была застрахована. Мы долгое время не могли избавиться от этого шока. Но без машины в Германии не жизнь. Я продал «остаток» от моей машины за 6000 марок, взял из сберкассы наши «похоронные деньги» и купил новую машину.

1-ого ноября 1994 года мы переехали в нашу новую, но очень дорогую (для нас) частную квартиру.

Уже весной 1993 года мы с Полиной предприняли путешествие во Фрунзе. От этой поездки ничего хорошего в моей памяти не осталось, кроме разрушенных, грязных улиц, испорченных телефонных будок, переполненных старых автобусов и троллейбусов и общей бедноты среди людей, особенно среди пенсионеров, что вызывало очень гнетущее чувство. К этому примешивалось ещё чувство страха из-за преступности. Сообщения милиции, занимавшие целые газетные страницы, ещё больше усиливали этот страх. (Может быть не так уж плохо поступали раньше советские средства массовой информации, ничего не сообщая о подобных фактах в печати?) Когда мы опять были в Германии и сидели в поезде «Берлин-Билефельд», мы были очень счастливы.

В 1994 году Полина полетела ещё раз во Фрунзе: она во что бы то ни стало хотела увидеть нашего маленького правнука. Сам я с тех пор больше не был в Киргизии.

Кроме большого количества поездок по Германии, которые я предпринял с целью расследования моей родословной, я уже три раза был на Волге, в Саратовской области, и два раза в С.-Петербурге. Первые две поездки в Саратов, в 1996 и 1997 г.г., кратко описаны в следующих главах.

Поездка на Волгу (Осень 1996 года)

Исследования моей родословной осенью 1996 года привели меня из Германии в Россию, на Волгу, в места, в которых я провёл своё детство и отрочество до сентября 1941 года, до депортации поволжских немцев в Сибирь и в Казахстан. Целью моей поездки была Саратовская область, точнее – архивы в Саратове и в Энгельсе, село Бородаевка (до войны – Боаро), где родились мои родители и прародители, и районный центр Маркс (раньше – Марксштадт), где наша семья жила прямо перед войной, и откуда нас выселили. Значит не только исследование родословной потянуло меня в эти места, но и страстное желание, ещё раз повидать перед своим концом

места своего рождения и своего детства. Общие жизненные условия, которые я там застал, и мои собственные впечатления от этой поездки, думаю, стоят того, чтобы их зафиксировать на бумаге, тем более, что остаётся всё меньше людей, которые могли бы сообщать об этом по собственным наблюдениям. Старшие большей частью уже умерли, а те, кто помоложе, слишком мало знают об этом. Это всё только отрывки, но из таких отрывков состоит ведь наша история – **история немцев из России и бывшего Советского Союза.**

После долгих и довольно трудных переговоров с руководством архива в городе Энгельсе я, наконец, получил разрешение на личный просмотр архивных документов. Я принял решение отправиться туда. Теперь возник вопрос: как ехать? Т. е., каким транспортом, как получить визу и приглашение, без которого Российское Посольство визу не выдаёт. Так как все эти проблемы я сам, решить не смог бы, я обратился в ближайшее ко мне Бюро путешествий. Там мне обрисовали такое розовое, беспроблемное путешествие, что я тут же принял их предложение: самолётом из Ганновера через Волгоград в Саратов, а визу на всю Саратовскую область. Были установлены приемлемые для обеих сторон сроки, и я тут же уплатил требуемую сумму за полёт в оба конца и за визу. После шестинедельного ожидания, за 10 дней до вылёта, мне под вечер привезли бумаги прямо на дом. После тщательного их изучения, я, к сожалению, установил, что виза была только для города Саратов (но мне нужно было посетить и города Энгельс и Маркс); а билет на самолёт был вообще только действителен до аэропорта Волгоград. После длительных переговоров, которые ни к чему не привели, мне, в конце концов, удалось (не без нервотрёпки) сдать назад бумаги и вернуть свои деньги. Я потерял много времени и планы на отпуск 1996 года рухнули. Я тут же написал письмо в Российское Посольство, чтобы узнать, не смогу ли я получить визу для намеченных городов прямым путём от посольства. Из ответа я понял, что простой гражданин Германии, тем более переселенец из бывшего СССР, так просто не сможет обойти все преграды, связанные с визой. Ведь на потенциальном путешественнике хотят заработать как можно больше фирм: местное Бюро путешествий, с которым клиент непосредственно контактит; фирма, которая делает гостевой вызов; посольство; соответствующее воздушное агентство. Это было бы и вполне нормально, это соответствует и германским нормам обслуживания населения, если бы всё это не происходило «по-советски» - бесхозяйственно и безответственно.

Я уже почти отказался от своих планов путешествий на лето 1996 года, и тут вдруг нашлось, как показалось, совсем простое решение проблемы. Мой племянник готовился к поездке на автомобиле в город Маркс на Волге, вернее в село Павловка, где он должен был уладить дела со своим домом, оставленным перед отъездом в Германию под присмотром квартирантов, теперь он хотел его продать. Он охотно согласился взять меня с собой. Я заказал у другой фирмы трёхмесячную визу для городов Энгельс, Маркс и Омск (куда я тоже намеревался, при возможности, полететь), и стал готовиться с радостью и опаской к предстоящему автопутешествию (в моём вызове значилось буквально: автотурист). Раньше я отвергал любую автопоездку в Россию: я достаточно наслушался и начитался о трудностях при переездах на границе и о разбойничьих нападениях в дороге и на автостоянках. Но на этот раз я рискнул: мой водитель уже несколько раз ездил на автомобиле из Германии на Волгу и имел определённый опыт. Кроме того, моё желание, своими глазами посмотреть на месте самому все документы в архиве и ещё раз посетить места моего рождения и моей юности было чрезвычайно большим. К сожалению, наш план незадолго перед отъездом ещё раз изменился: мы планировали ехать вдвоём, а пришлось ехать троём – с нами поехала Сашина жена Ольга, тёща Эвальда. Соответственно увеличился и багаж, так что о сне в пути теперь не могло быть и речи. Как бы то не было, а день отъезда подошёл.

16 сентября 1996 года в 17 часов после обеда мы выехали из Горна. Было запланировано рано утром следующего дня пересечь германско-польскую границу, чтобы Польшу проехать в течение дня, так как здесь, по рассказам, было опаснее всего. Но мы подъехали к границе уже поздно вечером первого дня. Так как, против ожидания, проверка на границе прошла быстро и без трения, мы полночи должны были ехать по польской территории. Но всё обошлось хорошо. Под утро мы остановились на забитой машинами автостоянке и дали нашему водителю 2 часа отдохнуть. Мы освободили ему одну половину машины, вторую половину заняли Ольга и багаж, я всё это время ходил вокруг по стоянке. От ночёвки на закрытой и охраняемой стоянке мои спутники наотрез отказались: сноха, скорее всего, из-за лишних расходов, а водитель считал, что там нас, наверняка, ограбят, а защищать нас здесь в Польше так и так никто не станет. Когда мы уже утром проехали небольшую деревню, нас задержал польский пост ГАИ. После обычного контроля документов, нас отпустили. Едва проехав метров 100, как мы нагнали небольшой грузовик, который плёлся по дороге со скоростью 30 км в час. Наш водитель хотел его обогнать и тут же попал на сплошную среднюю линию. Полиция ехала за нами по пятам и остановила нас. Всё это производило впечатление, что грузовик специально служил для того, чтобы завести таких зевак, как мы, в ловушку. Полиция велела нашему водителю взять документы и деньги и следовать за ней к их машине. Никакие объяснения и слушать не стали. Один из полицейских потребовал 50 марок штрафа. Но второй тут же перебил его, сказав, что сегодня он кассир, и потребовал 60 марок, так как их было трое, значит ровно по двадцатке на брата. Наш водитель уже знал, что в таких случаях проезжий человек находится целиком в руках этой наглой полиции, которая хорошо знает, что путешественник всегда дорожит временем и никакого защитника не найдёт, да и никто ему не смог бы помочь в этой ситуации. Мы были рады, что смогли вырваться без дальнейшего насилия.

После обеда второго дня мы подъехали к польско-белорусской границе. Здесь начался настоящий ад.

В том ряду, где пропускались легковые автомобили, уже стояло около 200 машин. Наш водитель сказал, что это не много, в чём я вскоре смог сам убедиться. Но так как у таможенников и у пограничников был как раз перерыв на обед, то очередь автомобилей вообще не двинулась с места. Но зато она стала заметно длиннее. Прошёл час, второй – мы не двинулись с места. При этом надо было очень следить, чтобы кто-нибудь не влез вперёд нас в эту очередь. Расстояние между машинами не должно было превышать полметра, а то бы кто-нибудь втиснулся бы. Тут не было ни порядка, ни совести. Машины были большей частью из Польши, Белоруссии и России, все загруженные, как вьючные ослы различными коробками и узлами, строительными материалами и запчастями, всё в огромных количествах, значит почти всё для торговли. Водители чувствовали себя здесь, как дома, и вели себя нагло. Я прошёлся вдоль очереди и насчитал уже более 800 машин, когда, наконец, пришло движение в ряды ожидающих. Далеко впереди начали работать таможенники. Люди стали нервничать. Теперь вступила в действие польская полиция. Двое полицейских поехали на машине вдоль очереди туда и назад. То тут, то там они останавливались, беседовали с водителями. То здесь, то там выдвигалась машина из очереди и следовала за полицейской машиной вперёд к месту обработки. Я нажимал на нашего водителя, чтобы он тоже что-нибудь предпринял. Ведь до поездки он был полон оптимизма, что не будет 10 часов ждать на границе. Он говорил, что тут нужно действовать и не быть мелочным. А теперь он что-то мялся. Он сказал, что полицейские требуют 100 и больше марок, чтобы пропустить машину без очереди. Сноха тоже не хотела платить. Мы стояли теперь тут уже больше четырёх часов и прождали бы, наверняка, до самого утра. Наконец наш водитель набрался духу и начал договариваться с полицейскими. За 50 марок они провели нашу машину вперёд до самых таможенников. Теперь надо было торопиться. Таможенники и пограничники

очень спешили. Но тем не менее всё тщательно проверялось и контролировалось. Главным образом документы на машины. На белорусском шлагбауме нужно было заполнить декларации о ценных вещах и о наличных деньгах. Когда наша машина уже стояла на белорусской стороне, нашему водителю пришлось ещё раз заплатить 30 марок (налог за проезд по белорусской дороге). Теперь мы попали в руки белорусской мафии или рекетиров. Молодые люди, аккуратно одетые, с бляшкой на отвороте пальто, вежливо поздоровались с нами, спрашивали о жизни в Германии (что мы приехали из Германии, они видели по нашим номерам на машине), куда мы едем. Потом они выпустили кота из мешка: они представились, как работники госбезопасности, и что они отвечают за нашу безопасность на территории Белоруссии, поэтому они должны нас сопровождать, не бесплатно, разумеется, зато тогда нас по всей территории уж никто не остановит. Сноха ответила, что мы проезжаем через границу не первый раз, дороги и обстановку хорошо знаем, и что провожатых нам не надо. Наш водитель тоже объяснил им совершенно спокойно, что мы теперь уже на месте, так как намерены сначала неделю погостить у друзей здесь в Бресте. Работники «безопасности» сделали ещё несколько угрожающих замечаний и ушли. За это время за нашим «Фордом» встал какой-то огромный «Мерседес» и загородил нам дорогу, так что мы не могли выехать. Тут нам стало немножко не по себе. Мы думали, что это был трюк работников «безопасности», чтобы сделать нас сговорчивее. Я уже незаметно спрятал в машине деньги и декларацию. К счастью, наши страхи были напрасны. «Мерседес» принадлежал одному проезжему немцу, который тоже побежал заплатить налог за проезд. Не было места для парковки, а он видел, что нашего водителя нет на месте и использовал этот момент. Когда наш водитель вернулся, он рассказал, что гаишник взял 30 марок, а квитанцию давать не хотел, мол, всё равно проверять больше никто не будет. Но наш водитель был уже опытный и на такую авантюру не поддавался. И он был прав, нас дорогой ещё часто останавливали и спрашивали квитанцию об уплате этого налога. Наконец-то пришёл водитель «Мерседеса» и мы могли ехать. Я всё ещё боялся, что эта мафия нас может дорогой остановить, и предложил ехать другой дорогой, ведь они знали, куда мы едем. Но водитель наш сказал, что ночью в дороге его не удастся остановить, разве что ему загородят дорогу сваленным деревом, или расстреляют машину из автомата. Мы поехали дальше по намеченному направлению.

По Польше дороги были ещё более или менее терпимы, но, конечно, не сравнимы с немецкими автобанами. Плохо ещё и то, что даже большие города нельзя объехать, а проехать через незнакомые города, где почти нет дорожных указателей, не так то просто. Когда мы приехали в Белоруссию и в Россию, дороги сразу стали хуже: ямы, неукрепленные края, никаких маркировок. Аварийных полос эти дороги вообще не знают. Большею частью дороги однорядные, редко двурядные. И здесь так называемые автострады проходят прямо по городам. Дорожных указателей очень мало, а белые надписи на светло-зелёном фоне трудно читаемы. Особенно трудно ехать было ночью: хоть дороги почти пустые, но тебя постоянно ослепляли встречные машины. Боковых ограждений почти нет. И так как края дорог напичканы стеклом, жёстью, гвоздями и всякой другой дрянью, каждый норовит держаться дальше в середине дороги, да ещё с включённым дальним светом. Тут уже – у кого нервы крепче и характер понаглее, тот вытеснит встречного на край дороги. Но это всё мелочи по сравнению с разбитыми, сплошь в ямах дорогами на улицах российских городов.

С горючим у нас не было проблем. За немецкие марки можно было везде заправиться, даже, если за местную валюту бензина не было. Конечно, за эти «услуги» надо было платить дополнительно.

Граница между Белоруссией и Россией довольно свободная и мы миновали её без проблем. Когда мы были на российской территории, мы почувствовали себя

посвободней, так как больше не было затруднений с языком, в противоположность с Польшей и Белоруссией. В Белоруссии у нас с устным языком тоже не было проблем, но бумаги теперь тоже заполняются на белорусском языке. С заправкой здесь тоже не было трудностей, и бензин стоил только 50 пфеннигов литр. Но столько дорожных контролей, как в Белоруссии и в России, я в своей жизни ещё не встречал. Перед каждым населённым пунктом и также на выезде находится пост ГАИ. С 22 часов вечера и до 6 часов утра здесь каждая машина останавливается и регистрируется. Часто запрятаны радарные установки. На таком посту нашему водителю через радарную установку, спрятанную где-то поблизости, предъявили претензии, что он превысил скорость на 10 км. Вместо штрафа с него взяли 10 банок пива – одну банку за каждый километр. В населённых пунктах разрешается скорость 40 км в час. Работники ГАИ большей частью обращаются грубо со своими клиентами. И тем не менее почти никто не придерживается правил дорожного движения. Я был свидетелем, как на дорогах, где разрешена скорость 50 км/час, ездили со скоростью 130 км/час. Но страшнее всего, как для водителей, так и для работников ГАИ, дорожные бандиты. Перед въездом в мой родной город Маркс ГАИ снаряжена танком Т-34. Я сначала думал, что это своего рода памятник о 2 мировой войне. Но мне это объяснили по другому: Как милиция может справиться с бандитами, если те вооружены «Калашниковыми» и гранатомётами? На дороге из Маркса в Энгельс я видел щиты, на которых призывали водителей, дорогой не останавливаться, чтобы не быть ограбленными, или даже убитыми.

Ранним утром **19 сентября 1996** года мы, наконец-то, приехали в Саратов, столицу одноимённой области. Уже рассветало, и можно было хорошо рассмотреть старинные здания. Мы ехали по одной из главных улиц, которая раньше называлась «Немецкой» улицей. Она была построена немецкими поселенцами и ведёт прямо вниз к Волге. Мы переехали мост через Волгу и были в Энгельсе, столице бывшей Автономной Республики Немцев Поволжья. Здесь можно было ещё видеть некогда красивые немецкие деревянные дома. Тут случилось со мной чуть ли не как с немецким поэтом Генрихом Гейне, когда он в 1843 году ещё раз из Парижа после 13-летней эмиграции вернулся в Германию (у меня прошло 55 лет): **«... тут я почувствовал, что сердце забилося сильнее в груди, мне кажется, из глаз даже слёзы потекли...»**

Мы выехали из Энгельса, проехали с радостно возбуждённым настроением в довольно быстром темпе оставшиеся 45 км до места назначения, до села Павловки (раньше: Паульское). В 8 часов утра по местному времени, ровно через 60 часов почти непрерывной езды, мы, наконец-то, были у цели. Мы вышли из машины, как пьяные, и не хотели ничего другого, как упасть и немного поспать, что мы и сделали.

Но я не мог долго спать, мне нужно было идти на свежий воздух, чтобы прийти в себя от дорожной качки. Так я пошёл гулять из Павловки по направлению к Марксу. По пути на краю дороги всюду сидели неопрятно одетые люди, которые прохожим и проезжим предлагали вяленую рыбу, варёные раки и напитки, с не очень аппетитным внешним видом. Проходя перед Марксом мимо поста ГАИ с танком, я остановился и долго рассматривал огромное дорожное кольцо. Я всматривался в движение автомобилей. Бросилось в глаза, что здесь немного другие правила движения, чем в Германии: здесь на кольце действуют правила правой руки. И так как кольцо очень большое, то иногда 2-3 машины вынуждены ждать на кольце, чтобы пропустить въезжающие справа на кольцо транспортные средства, что для нас непривычно.

Потом я шатался по улицам Маркса. Большинство названий улиц ещё старые, которые были и до войны, только переведены на русский язык. Большинство улиц когда-то были асфальтированы, но давно не отремонтированы и теперь все в ямах и колдобинах. Тротуаров почти нигде нет, или они в таком плачевном состоянии, что по ним ходить невозможно, поэтому большинство пешеходов ходят по проезжей части

улицы. Но тут они должны сами следить за своей безопасностью. Водители мчатся даже через перекрёстки, не обращая внимания на пешеходов. Истинными хозяевами улицы чувствуют себя те, кто ездит на иномарках (заграничных машинах), надо же показать, на чём они ездят!

Я всматривался в дома: есть ещё много довоенных, кирпичных домов, но они выглядят неухоженными. Некоторые дома я узнавал (школы, здание бывшего горсовета, бывшую глазную клинику, книжный магазин). Среди всех этих зданий выделяется в центре города торс бывшей евангелической церкви. У этой церкви раньше были две башни. Меньшая ещё до войны выгорела и была затем снесена. Большую башню с колокольной и часовым механизмом снесли в 1956 году. Просто – нужен был кирпич для строительства других зданий. Русскую церковь ещё в начале 30-ых годов полностью сломали. От католической до войны ещё сохранился лишь торс без башен. До 1941 года в этом здании был кинотеатр, в евангелической (лютеранской, как мы её тогда называли) до нашего выселения помещался Дворец культуры города. Здесь был немецкий театр, здесь танцевали, имелось несколько спортивных залов. Сегодня это здание производит жалкое впечатление. Уже несколько лет здание передано евангелической общине города. Но, ни городское управление, ни тем более евангелическая община не в состоянии отремонтировать и восстановить эту церковь, одну из лучших во всём Поволжье. В небольшом боковом помещении по воскресеньям собираются до 20 пожилых людей на свою молитву. Пастором служила председатель Центра немецкой культуры Марксовского района Элеонора Александровна Гердт. (Умерла 3 ноября 1999 года.) Немецкие Культурные Центры в России имеются почти во всех местах, где проживает ещё несколько десятков немцев. Эти Центры поддерживаются Обществами немцев за рубежом. В одно из воскресений я присутствовал на богослужении в этой церкви : оно произвело жалкое впечатление. Но люди тянутся к общению и тоскуют по Слову божьему. Поскольку, и пожилые люди уже плохо владеют немецким языком, то проповедь читалась сначала на немецком, потом на русском языках.

Сегодня в Марксе уже имеется новая католическая церковь из красного кирпича, построенная в современном стиле. Но она стоит не в центре города, где стояла старая, а почти на самом краю города (наверно, там, где было свободное место). Внутреннее убранство я в тот раз не разглядел (я заходил туда только в 1998 году, но мало что увидел, как раз шла служба – освящение церкви и посвящение в сан местного епископа). Русским служит церковью бывшая солдатская казарма, где в моё время размещалась школа № 3.

Я посетил и свою школу, где я до войны 6 лет проучился. Сегодня там детская музыкальная школа. Я беседовал с домуправом, но он сам приезжий и почти ничего о судьбе школы сообщить не мог.

Я проходил по многим улицам города, видел и ещё многие довоенные деревянные дома, когда-то красиво отделанные. Некоторые сегодня обложены кирпичом, другие уже разваливаются, но некоторые ещё хорошо выглядят. Я разговаривал со многими людьми, старыми и молодыми – всюду я слышал одни и те же жалобы: многие не имеют работы, а кто её имеет, очень мало зарабатывают (в среднем 250-300 тысяч, т.е. 70-90 марок в месяц), но и эту зарплату людям не выплачивают по 5-6 месяцев. Пенсионеры получают 200-300 тысяч рублей в месяц, но и им пенсию выплачивают нерегулярно. Очень плохо дело обстоит со снабжением населения электроэнергией, газом и водой. Люди собирают последние рубли, чтобы уплатить за коммунальные услуги городскому управлению или руководству совхоза (в деревне), но те не рассчитываются вовремя с фирмами, поставляющие указанные услуги, и последние за это беспощадно отключают целые деревни или города от энерго- и водоснабжения. Тогда люди сидят часами, иногда и днями без электроэнергии, газа, воды. В деревнях

люди иногда находят выход, вытаскивая из кладовок старые керосинки или раскладывая костры дровами, чтобы сварить себе обед. А в городах сидят в таких случаях в холоде, в потёмках и без воды. Ещё небольшой пример из этой «серии». Я был в Энгельсе, бывшей столице Республики немцев Поволжья. Там я работал несколько дней в архиве, искал сведения о своих предках. В пятницу в 17 часов за мной должен был заехать мой племянник, чтобы увезти меня к себе в Павловку, 45 км от Энгельса. Когда он в положенное время не явился, я забеспокоился и попросил директора архива позвонить в Павловку, чтобы узнать, в чём дело. Она попыталась, но с Павловкой не было прямой автоматической связи, поэтому она обратилась в коммутатор. Служащая дама оттуда в первую очередь спросила номер конто архива, через минуту сообщила, что конто закрыто, так как на нём нет денег. Она безо всякого объяснения положила трубку и телефон директора архива был отключён. «Да», - сказала директор, – «теперь я даже с городом не могу разговаривать.» А я чувствовал себя виновным в этой напасти. Директриса послала меня через площадь к телефонному учреждению, чтобы я там попытал счастья. Я написал номер телефона и адрес на бумажку, уплатил 5 000 рублей и заказ был принят. Минут через 15 по громкоговорителю сообщили, что с Павловкой связи нет. Я сдал квитанцию в окошко и получил свои деньги назад. Я был близок к отчаянию, но на моё счастье в двери показался мой племянник. На улице шёл дождь, была страшная грязь, а на стеклоочистительных дворниках кончилась вода. Хорошо, что у него с собой была бутылка воды. Ему пришлось остановиться и залить эту воду, так как иначе он не мог бы ехать дальше. Поэтому он и опоздал в город. Мы поехали. Было уже темно, но большинство встречных машин ехали без света. Мой водитель объяснил это тем, что у них или не было лампочек в фарах, или они сэкономили горючее. А дороги были полны ям, колдобин и грязи.

Когда я ходил по городу, я всегда восторгался широко заложёнными улицами, проспектами и площадями. Они были огромны, но запущены и грязны. Переулки в Марксе (здесь их называют линиями) особенно неприглядны: грязные, заросшие травой с глубокими колеями от автомашин (большинство этих линий не асфальтированы). Эти колеи завалены мусором и отбросами. Трудно поверить, но я видел там даже дохлых кошек и собак. Вообще грязь, мухи, тараканы в домах, дворах и на улицах, что в деревнях, что в городах, считается почти нормой. При всеобщих недостатках и безденежье людям чрезвычайно трудно бороться с этим злом.

Я частенько посещал местные базары и каждый раз удивлялся обилию товаров и продуктов питания. Но большинство товаров были импортными из разных стран мира: из Китая и Турции, из Америки и Германии, из Эмиратов и бывших Советских республик. Товаров российского производства было относительно мало. Цены, против наших, довольно низкие. Но для населения и эти цены слишком высоки, так как у людей слишком малые доходы. Один пенсионер мне рассказывал, что у него очень хорошая пенсия - 370 тысяч рублей в месяц, больше получают разве только бывшие офицеры и ещё некоторые категории пенсионеров. Но по старому доинфляционному времени это всего лишь 37 рублей, тогда как он тогда получал 130 рублей.

И сегодня ещё есть много государственных магазинов, но там ассортимент товаров очень скудный и цены намного выше, чем на базаре. Сами магазины неудобны, а продавцы ещё менее привлекательны. (Конечно, в супермаркетах больших городов всё выглядит иначе. Но народ туда не ходит, денег нет у него таких.) Только «новым русским», т.е. новым капиталистам живётся теперь хорошо. Они во время «приватизации» бессовестнейшим образом наживали несметные богатства и могут теперь позволить себе всё. Одним словом – жизнь в России, порядки и общие условия стали сегодня намного хуже, чем они были в тяжёлые военные и

послевоенные годы. Тогда почти все страдали одинаково, ещё не было ни новых русских, ни мафии, ни рекетиров.

Я частенько посещал краеведческий музей. Его открыли 5 лет тому назад. Его директор, Николай Васильевич Титов, бывший офицер военно-морского флота, и его 6 сотрудников собрали много интересных экспонатов. Всё это передали местные старожилы. Экспозиции построены с большой любовью и со вкусом. Директор, который является одновременно и научным руководителем, очень эрудированный человек, который часто сам проводит отличные экскурсии. Так я мог присутствовать на экскурсии для группы пожилых людей немецкой национальности, живших до войны в Республике немцев Поволжья. Они приехали из деревни, расположенной в 40 км от Маркса, чтобы послушать историю немцев Поволжья. С большим интересом они осматривали старые экспонаты, которые вызывали у них грустные воспоминания. Деревня, откуда они приехали, называется «Степное». Здесь с помощью германского правительства построены 90 односемейных домов для немцев-беженцев, из окраинных республик бывшего СССР. Бежали эти люди из Казахстана и республик Средней Азии от исламских экстремистов. Деревня построена на месте бывшей немецкой деревни довоенного времени. Это красивые дома, спроектированные немецкими архитекторами и построенные за немецкие деньги, но, к сожалению, с типичной советской халатностью и расхлябанностью. Жители рассказывали, что уже деньги для построек были частично растащены, и поэтому усадьбы к зиме остались без пристроек для скота, корма и топлива. Люди, все рабочие местного совхоза, были вынуждены построить укрытия для скота из старой жести, шифера, дёрна и всякого хлама, чтобы не оставить скотину зимой под открытым небом. Но этого мало – сами работники-строители растащили и продали то, что они несколько дней тому назад построили (ванны, трубы, туалетные сооружения и т.п.). Большинство немцев этой деревни считают, что германское государство зря так тратится. Многие из этих новых немецких хозяев тоже обращают свой взор на Германию, главным образом те, у которых там уже живут родственники, хотя для людей здесь делается действительно многое со стороны германского государства. Общество немцев за рубежом (VDA) купило людям в Степном автобус, чтобы можно было вести детей за 7 км в школу. (В деревне пока нет ни автобусного движения, ни телефона.) Для немцев организуются курсы немецкого языка, где они бесплатно могут изучать немецкий язык. Учителя получают зарплату от VDA. Имеется немецкий клуб. Во время моего пребывания из Саратова приезжали представители VDA, чтобы с жителями посоветоваться о постройке детского сада. Таких новых деревень, где немцы должны компактно жить, в Саратовской области уже пять.

С поездкой на Волгу я приблизился к своей цели, т.е. я нашёл в архивах кое-что о своих предках. Но в каком плачевном состоянии находятся архивы! Энгельский архив, например, где собрана большая часть архивных актов о немцах Поволжья и их истории, имеет очень много материалов, но, из-за отсутствия денег они находятся в жалком состоянии и не обрабатываются. Там имеются много папок и связок с документами, содержание которых работникам архива ещё не знакомо. Я мог и убедиться в том, что обычный смертный, тем более иностранец, с большими трудностями получит доступ к архивным документам. Местным учёным, изучающим историю немцев Поволжья, (что сегодня стало очень модным), конечно, легче. Они, в большинстве случаев, имеют свободный доступ к архивам и используют это часто в коммерческих целях.

После долгих поисков и расспросов я обнаружил то место, где до войны находилась моя родная деревня. Я с большим трудом разыскал в селе Кировском казахскую супружескую пару **Душкатовых**, 1929 года рождения и проживавшую здесь всю жизнь. Название нашей деревни они не знали, но когда я назвал имя нашего колхоза «Тельман», то они сразу поняли, что я ищу. Этот колхоз находился 7 км от их

теперешнего села, Они многое рассказывали, что с нашей деревней тогда произошло (как и с другими немецкими сёлами): всё, что ещё можно было как-то использовать, было растаскано. Женщина проводила меня до моей бывшей деревни. Со странным чувством ходил я между холмиками от саманных домиков и маленькими ямками от бывших погребов, оставшихся от деревни. И только, когда я добрался до деревенского пруда, (который и сегодня ещё существует со своей дамбой, так как здесь обосновались рыбаки), я узнал свою деревню. В этом пруду мы, дети, в то время, примерно 60 лет тому назад, целыми днями в жаркую летнюю пору купались. И деревенское стадо в обеденное время приходило сюда на водопой и отдых. За дамбой я нашёл ещё два больших ивовых куста на месте двух огромных довоенных ив. В конце деревни находится небольшая овечья ферма, где хозяйничает молодая семья казахов. Но эта ферма принадлежит местному совхозу (сейчас это называется «Сельскохозяйственное акционерское общество»). Старая казашка повела меня к старому кладбищу, в котором только с трудом можно было таковое распознать, нашёл я только два железных креста послевоенного времени. Примерно 500 м дальше видно было довольно большое, огороженное и хорошо ухоженное мусульманское кладбище. Саратовская область граничит с Казахстаном, а сегодня здесь проживает особенно много казахов. Они и привозят сюда своих покойников, иногда даже за 100 км и дальше. Контраст между этими двумя кладбищами настроил меня особенно грустно. Но я этим пожилым казахам был очень благодарен за то, что они привели меня сюда, В знак благодарности я их сфотографировал и послал им уже из Германии снимки. В эти дни шли сильные дожди, почва сильно размокла, и мы еле пробирались своим «Фордом» через эту грязь. На следующий день, когда погода улучшилась и дороги подсохли, мы ещё раз посетили это место, я сделал несколько фотографий и побеседовал с тем молодым казахом, который жил на ферме. Но он ничего нового о моей деревне рассказать не мог, и я с грустью уехал с места моего рождения.

Сегодня очень трудно установить точное место нахождения моей деревни на карте: во-первых, дороги от посёлка к посёлку проложены новые и совсем в других местах. Во-вторых, многих деревень сегодня вообще больше не существует. В –третьих, после нашего выселения почти все деревни были переименованы. Так что сегодня не только мою деревню нельзя больше найти. Из истории немцев Поволжья мы знаем, что в 18 и 19 вв., во время нападения кочующих, полудиких киргизов, некоторые деревни были полностью разорены и уничтожены, что тысячи немцев были убиты и угнаны в рабство. Но всё это меркнет по сравнению с высылкой и уничтожением сотен тысяч советских немцев «цивилизованными» деспотами со Сталиным во главе во время 2ой мировой войны. Последствия этой акции до сих пор ещё чувствуется. В те времена сохранились хоть названия деревень для истории, но после «нападения» в 40-вых годах, даже названия не сохранились.

Наконец, я бы хотел подчеркнуть, что все люди, как немцы, так и русские или казахи, с которыми мне приходилось встречаться во время моего путешествия, очень мило обращались со мной. Иногда мне из-за их предупредительности и готовности помочь было просто-таки неловко, я даже иногда подозревал, что они принимают меня совсем не за того человека. Все жаловались и многие тосковали по «старым, добрым временам» под властью советов. Конечно, тогда не было так хорошо, как сейчас было плохо, поэтому они и грустили по тогдашним порядкам. Тут мне пришли на ум слова русского поэта Николая Алексеевича Некрасова:

„...Ты и убогая,
ты и обильная,
ты и могучая,
ты и бессильная,
матушка Русь...»

Эти слова, написанные великим поэтом добрых 150 лет тому назад, и сегодня ещё не потеряли своей значимости, или, лучше сказать, как раз сегодня они актуальны, как никогда.

Больше всего нервоотрёпки доставила мне во время моего пребывания в моём родном городе милиция, вернее, сотрудники тамошнего паспортного стола. Предписания требуют, чтобы любой иностранец в течение трёх дней после прибытия отметил свою визу в местном отделении милиции. Мне это удалось сделать только на одиннадцатый день. 9 раз мне пришлось бегать по инстанциям: 2 раза в сельский совет, 1 раз в банк и 6 раз в милицию, пока я, наконец, не получил нужную отметку в своей визе. Начальник паспортного стола, крупная и грубая дама в форме лейтенанта, пыталась любыми средствами меня и моего квартирного хозяина унижить, показать, кто здесь хозяин положения. И в конце она ещё разыгрывала милосердного чиновника, который отпускает нас безнаказанно, хотя я так поздно отметил свою визу. Ввиду такой бессовестности я был готов пожаловаться губернатору Саратовской области, но племянник отговорил меня, справедливо аргументируя, что я скоро уеду, а ему придётся здесь жить, и эта дама могла бы свою злобу сорвать на нём, а моя жалоба так и так не достигла бы своей цели. А беспардонность этой «милиционерки» он объяснял тем, что она ждала от меня взятки, что здесь на каждом шагу является обычным явлением.

Наконец-то, подошёл день нашего отъезда домой. **9 октября 1996** года в 5 часов утра мой водитель и я вдвоём покинули на своём форде село Павловку. У снохи были ещё дела, и она с нами не поехала. Она ещё должна была подготовить для своей 90-летней матери документы для переезда в Германию.

Уже на правом берегу Волги, мне непроизвольно вспомнились слова русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, которые он написал, когда его в 1837 году отправили в ссылку на Кавказ за стихотворение «Смерть поэта» после убийства Пушкина на дуэли:

« Прощай, немытая Россия,
страна рабов, страна господ,
и вы, мундиры голубые
и всепослушный вам народ!»

После 62 часов езды с краткими остановками, когда мой водитель уже не мог ехать дальше от усталости, мы **11 октября 1996 года в 5 часов** пополудни целые и невредимые, и почти без особых приключений, приехали домой в Горн. Когда мы благополучно проехали польско-германскую границу, и немецкие пограничники, увидев за ветровым стеклом наши немецкие паспорта и немецкие номера на нашем «форде», благожелательно (так нам, во всяком случае, показалось) махнули рукой: мол, проезжайте!, мы просто-таки загордились, чувствуя себя настоящими немцами и были действительно счастливы.

Путешествие на Волгу в 1997 году

Вторую поездку на Волгу мы совершили вместе с женой в мае 1997 года. На этот раз мы ездили тоже втроём: с нами поехал ещё мой брат Саша. У него на Волге ещё живут три сына и дочь. Мы уже здесь договорились, что мы с Паулиной будем жить у младшего сына брата, Виктора. В прошлом году мне показалось, что у них на квартире меньше тараканов и почище немного, чем в остальных домах, да и хозяйка мне показалась гостеприимной. Мой брат хотел устроиться у дочери и зятя. Зять Бочаров Саша работал таксистом, и я планировал, что он меня будет возить по моим делам, за плату, разумеется.

Как и в прошлом году, при подготовке нужных дорожных документов в фирме, куда я обратился, произошли неприятные недоразумения: сначала мне через две недели после подачи заказа сообщили, что прямой полёт на Саратов аннулирован, и нам предложили полёт через Санкт Петербург. Когда я ещё через неделю делал запрос, мне сказали, что полёты на Саратов вообще вычеркнуты из расписания из-за малого количества пассажиров. Я, не долго думая, поехал в Детмольд и купил билеты на поезд от Горна до Саратова. Поезд шёл из Берлина / Лихтенберга прямо до Саратова. Билет стоил 400 марок на человека в один конец. Оба мои попутчика очень обрадовались такому обороту дела: жена – потому что боялась лететь на самолёте, брат – потому что так было намного дешевле.

До Берлина всё шло хорошо, если не считать, что я послушался Полину и мы уже на нашем вокзале в Горне сели на неправильный поезд. Он ехал в Оснабрюк, а нам надо было ехать в Билефельд. Нам ничего не оставалось, как в Детмольде пересаживаться со всем нашим багажом (около 100 кг) на другой поезд. Ещё хорошо, что недалеко уехали, и нам не пришлось возвращаться, а только пересаживаться. Но настроение было испорчено на весь день.

На вокзале Берлин-Зоопарк, где нам нужно было пересесть на электричку, чтобы попасть вокзал Лихтенберг, откуда уходил российский поезд Берлин-Саратов, нас встретила сестра зятя моего брата, Инга Каширина, которая живёт в Берлине, и помогла нам перебраться на вокзал Лихтенберг. Она помогла нам и сесть на поезд. Раньше она работала на этом поезде проводницей и её там все знали. Я не знаю, что бы мы делали без этой доброй и проворной женщины – мы бы без неё замучились. В вагоне мы попали в четырёхместное купе. Четвёртым был молодой человек, ехавший с нами до самого Энгельса.

Ехать в поезде было приятно. Проводники были вежливы и предупредительны. В вагоне два купе были забиты каким-то спортивным инвентарём, и поэтому у проводников было много лишних матрасов и подушек, и нам дали каждому по два. Но, когда поезд ехал через Польшу, в вагон зашли две женщины, выдававшие себя за работников польской железной дороги, и проверяли количество багажа у пассажиров. Мы сумели убедить этих «контролёров», что у нас нет лишнего багажа, но в соседнем купе ехала пожилая пара, с которой содрали 25 марок за якобы лишний вес багажа. Я не понимаю, как они так, на глаз, определили с такой точностью до килограмма вес багажа. А главное, по какому праву польские чиновники врываются в российский поезд и проверяют немецких пассажиров. Во всём остальном поездка прошла без придинок. Ехать было удобно и не так напряжённо, как в автомобиле. Можно было свободно передвигаться и спать, сколько душе угодно. Было интересно наблюдать за местностью, по которой проезжали. Мы были восхищены аккуратными полями в Польше, но запущенные поля и посёлки в Белоруссии и в России навевали грусть и тоску, равно, как и люди, которых мы встречали.

В 7 часов вечера 19 мая мы прибыли в Саратов, на полчаса раньше расписания. У вокзала нас встретили двумя машинами, со многими встречающими. Машины стояли довольно далеко от вокзала, но это теперь нас не беспокоило, помощников было достаточно. После первого приветствия, и после того, как весь багаж был распределён по машинам, мы тронулись в путь, 70 км от Саратова в село Павловка, где нас должны были разместить. Надо было довольно далеко ехать по городу. Саратов большой город со свыше 1 миллиона жителей. Город полон машин (большей частью иномарок), которые со скоростью 60-70 км в час несутся по улицам, не соблюдая никаких правил движения, хотя предписывается по населённым пунктам ехать со скоростью 40 км/час. Безобразнее всех ездят так называемые «новые русские», чувствующие себя со своими «Мерседесами», «БМВ», «Вольвами» и некоторыми

американскими марками хозяевами дорог и улиц городов. Сами улицы грязные, полны колдобин и без маркировок. Такая поездка не безопасна и уж никак не удобна. Конечно, было интересно проехать по городу, но мы рады были, когда он кончился, и мы могли оставить его позади.

Когда мы приехали в Павловку, уже стемнело. Вся родня собралась там, где мы с Полиной остановились, т.е. у Виктора. Поужинали, выпили немножко (против ожидания, никто этим не увлекался). Все довольно быстро разошлись. Когда мы с семьёй Виктора остались одни, начали петь под аккордеон, на котором играла хозяйка, т.е. жена Виктора, популярные русские песни, песни нашей молодости. Затем одиннадцатилетняя дочь хозяев, которая берёт частные уроки балета, показала нам своё умение. Когда все уже пошли спать, мы с Виктором ещё долго сидели и беседовали о жизни в России и в Германии. Утром мы, конечно, долго спали.

Деньги мы с Полиной обменяли прямо дома у нашей хозяйки по тогдашнему курсу: за 100 марок – 330 тысяч рублей. Наши хозяева собирали деньги на автомашину. И люди в таких случаях всегда свои рубли тут же обменивают на доллары или марки, так как в рубли уже не верят. Эта семья может себе позволить накопить деньги, мой племянник имеет постоянную работу в городской пожарной охране и зарабатывает там неплохо – 700 – 800 тысяч рублей в месяц. Но, к сожалению, он их тоже получает нерегулярно, как и все остальные рабочие. Они держат скот и собирают неплохие урожаи со своего собственного огорода. Но главный их доход – это выручка с продажи самогона (домашней водки). Его гонят из чистого сахара, который они покупают за 140 тысяч рублей за мешок (50 кг) на базаре. Водку покупают соседи или другие знакомые за 10 тысяч рублей пол-литра. Это хороший бизнес. Продажа алкоголя хотя и объявлена указом президента монополией государства, но закон (особенно в России) как дышло... Каждый старается как-нибудь прожить. У кого нет никаких побочных доходов, тому живётся очень плохо.

Паулина с первого дня постоянно была занята вместе с хозяйкой по хозяйству: на базаре закупать продукты, варить, делать уборку, работать на огороде. Вечера проходили посещениями родственников. Кроме того она время использовала тем, что сделала себе у местного зубного техника дополнительный зубной мост. Это было очень выгодно: за 100 марок ей сделали зубы да ещё и причёску. Это было всё, что она имела от своей поездки на Волгу. У неё не было даже времени, посетить свою родную деревню, или хотя бы покататься по Волге.

Я сам несколько раз посетил место своего рождения, сделал там фотоснимки, попытался реконструировать расположение деревни, что мне однако не удалось – не было у меня надежного исходного пункта. Я сфотографировал несколько старых домов в деревне моих родителей. Я вдоль и поперёк исколесил наш бывший районный центр, откуда нас в 1941 году депортировали в Сибирь, посетил несколько немецких семей. Но больше всего времени я проводил в архиве города Энгельса, бывшей столице нашей республики, побывал в архивах Саратова и Маркса. В Саратовском архиве я нашёл старые списки по переписи населения с фамилиями Гербер, из которых одна могла быть семьёй моих предков. И из Энгельса я привёз копии некоторых списков. Дома я это всё обработал, анализировал, но до сих пор ещё не смог связать концы с концами. Я обнаружил, что я долгое время ходил по ложному следу. Мой отец в своих рассказах о наших предках ошибался, или я в своё время его неправильно понял. Теперь я в Энгельском архиве обнаружил семью, которую я так давно искал, и по которой я теперь, хоть и не без пробелов, могу документально доказать своё происхождение. Но это в селе Боаро, там где родились и жили мои ближайшие предки. Но мои Герберы, приехавшие из Германии, первоначально жили совсем в другой колонии в районе Камышина, на правом берегу Волги, южнее Саратова. Но там во второй половине 18 века жили три семьи Гербер. Теперь мне

надо установить, которая из них является «моей семьёй», и от которого из 6 сыновей из этих семей мы исходим. Тут мне придётся искать в Саратовском архиве другие ревизские сказки (списки переписей), так как церковные книги все потерялись во время «антирелигиозной работы» в советское время. Как бы там ни было, мне придётся третий раз съездить в Саратов. Но сначала я планирую поездку в Ст. Петербург, чтобы там в архивах поискать. Это о моих генеалогических исследованиях.

Большие трудности мы претерпели во время нашего пребывания на Волге с транспортом. Мы же жили 60 км от Энгельса, до Саратова было 70. Мне много приходилось ездить по деревням. Автобусы ходили очень редко, в некоторых местах их вообще не было. К тому же мы плохо разбирались в расписаниях, которых большей частью вообще не было. Такси, официальных, было очень мало. Транспорт командовали так называемые «чёрные такси». Это значит, что каждый, который имел мало-мальски пригодную машину, занимался извозом, т.е. работал таксистом. Некоторые имеют полуофициальное разрешение на такую деятельность и платят какому-нибудь мафиозному боссу налог. И последние охраняют этих «таксистов» от вмешательства финотделов и полиции. Но эти «таксисты» – настоящие разбойники. Они берут столько, сколько только могут выжать из пассажиров. Я однажды хотел от Саратовского вокзала поехать в центр Энгельса в архив. Это примерно 10 км. «Таксист» от меня потребовал 100 000 рублей. Я, конечно, отказался от такой «услуги». Я расспросил у людей, где находится остановка троллейбуса и доехал за 2 000 рублей. Кроме того, ты никогда не уверен, доедешь ли ты вообще живым с таким «таксистом» до цели, или нет. Я хоть и «нанял вышеупомянутого родственника-«таксиста», но он ездил со мной только с большой неохотой и брал с меня ещё больше, чем с чужих пассажиров. Когда я с ним проездил 150 марок, я от его услуг отказался. По нашим ценам и деньгам это было не так много, но его манеры показались мне слишком наглыми. Я потом ездил или автобусом, там, где это было возможно, или останавливал просто попутную машину, часто грузовую. Это было безопаснее и дешевле. Постепенно у тебя вырабатывается инстинкт на такие дела, чтобы не попасть в руки разбойнику – таксисту. В такие места надо бы поехать на собственной машине, но тогда ты вернулся бы точно с металлоломом, если бы ты вообще жив остался.

Время пролетело очень быстро, несмотря на неприятности и нервы. У нас было слишком мало времени, чтобы я мог успешно довести до конца свою работу в Саратовском архиве. Визы у нас были только на один месяц, и мы не хотели уехать с последним поездом. Кроме того, Полине порядком надоел такой «отдых». За время нашей спокойной и благополучной жизни в Германии у нас появились другие взгляды на жизнь, выработались другие привычки. И каждое отклонение от этих привычек становится мучением.

Наш правнук Максимка

Когда мы летом 1997 года с Волги вернулись домой и прикинули наши финансы, мы с женой решили, что мы ещё в этом году сможем пригласить к себе в гости нашу внучку Лену из Киргизии с нашим трёхлетним правнуком Максимом. Теперь начались настоящие круги ада. Раньше пригласить кого-то в гости из-за границы было совсем просто: Я заполнял бланк приглашения, в котором я обязывался взять на себя все расходы, связанные с пребыванием гостя здесь, а также за своевременный его выезд из Германии. И всё! Теперь надо было прежде всего в райисполкоме, в ведомстве иностранцев, сделать термин, т.е. договориться о дне приёма. Ответственный чиновник продиктовал нам, какие документы мы должны были принести к этому

термину: данные о наших доходах (пенсиях), договор о найме жилплощади (достаточно ли у нас место, чтобы разместить гостей), данные о состоянии нашего счёта в сберкассе, страховочный полис для гостей, номер заграничного паспорта нашей внучки, 10 марок пошлины за обработку документов, наши удостоверения личности, явиться обоим лично, чтобы расписаться в вызове. Когда это всё было сделано, мы у фирмы заказали билеты на самолёт из Бишкека в Ганновер и обратно. Мы запланировали пребывание у нас детей с 1 по 31 августа, так мы хотели и заказать билеты. Но выяснилось, что ближайший полёт из Бишкека был только с 8 августа. Пришлось заказать на 8 августа сюда и на 27 августа назад. Но и этот план мы составили без ОВИРа в Киргизии. Они там так затянули выдачу выездной визы, что самолёт улетел 8 августа без наших детей. Дело в том, что там у них любые поездки и полёты за границу находятся в руках различных фирм, от которых работники ОВИРа, конечно же, имеют свою долю дохода. Короче говоря, внучка должна была билеты на Ганновер перезаказывать на 20 августа и доплатить 56 долларов. Потом оказалось, что на это число было только одно свободное место, так что для малыша до последней минуты не было билета. Перед отлётом мать внучки сумела уговорить работников аэропорта продать ей билет для ребёнка без места, уплатив за это 20 марок взятки, с условием, чтобы ребёнок весь полёт просидит у матери на коленях. Но, когда они вошли в самолёт, оказалось, что только в их салоне было ещё четыре свободных места. Итак, вечером 20 августа мы встретили их в аэропорту Ганновер. На следующий день я поехал на фирму, где мы заказывали билеты и перезаказал билеты домой в Бишкек на 17 сентября, доплатив ещё 75 марок. Ещё раньше я в иностранном ведомстве переделал немецкую визу. И новую страховку пришлось купить за 80 марок.

Конечно, было приятно встретить детей у нас и провести с ними время. Но и тут было достаточно неприятностей, тем более, что правнучек был страшно избалован, что не соответствовало моему характеру и моему представлению о воспитании детей. Так что под конец я с удовольствием цитировал старого Вильгельма Буша:

Es ist halt schön, wenn wir Gäste kommen sehen.
Es ist auch schön, wenn sie bleiben und sich mit uns die Zeit vertreiben.
Wenn sie aber wieder geh'n, dann ist es auch recht schön.

(Приятно, когда мы видим, что к нам идут гости.
Оно и приятно, когда они остаются и с нами время проводят.
Но, когда они опять уйдут, то это тоже очень приятно.)

(Пока закончена. Горн-Бад Майнберг, 13.10.1997 г.)

(Последняя обработка – 03.01.1998 г.)

(Перевод закончен в марте 2000 г.)

Послесловие

После окончания «Биографии» уже опять прошло полтора года. За это время в моей жизни произошли события, которые я хотел бы здесь упомянуть.

В сентябре/октябре 1998 года я ездил второй раз в С. Петербург и работал там три недели в Российском Государственном Историческом Архиве (первый раз я там был одну неделю в апреле 1998 года). Я проверил все акты, просмотренные мною весной 98 года, и нашёл много новых, которые заинтересовали меня. Но, так как картотека так неаккуратно и непонятно составлена, я не всегда смог сразу установить, что в той или иной папке не содержатся документов по моей теме, и я вынужден был их запросить и просмотреть. В результате трёхнедельной работы, я почти ничего существенного о своих предках не нашёл. Я только смог установить, что во время ревизии 1798 в колонии Боаро моих предков ещё не было. В списках жителей с фамилией Гербер тогда ещё не значилось. Значит нужно искать списки с нашей фамилией за те годы в колонии Буйдаков Буерак. Но их я не нашёл. Не нашёл я списков титулярного советника Ивана Кульберга. Когда я в мае 1998 года был в Саратовском архиве, я нашёл там списки Кульберга с двумя фамилиями Гербер. Но данные там такие краткие, что я до сих пор не мог установить, о каких семьях там идёт речь. Во всяком случае это не те две семьи Герберов, выехавшие в 1766 году на Волгу, которые я находил в церковных книгах в Германии. В Саратове я нашёл в архиве областного ЗАГСа записи о бракосочетании моих родителей и привёз оттуда соответствующую справку.

О выезде моих предков в 1907 году с Волги в Омскую область я ни в Саратове, ни в Петербурге никаких данных не нашёл, хотя я в Петербургском архиве этому поиску посвятил целую неделю и перевернул не меньше центнера актов.

Из Петербурга я последний раз вернулся домой 12 октября 1998 года. У меня там было уже несколько сердечных приступов, но ещё благополучно вернулся до дома. А 16 октября я попал в больницу с инфарктом. Меня спасли, но от операции я отказался (мои 72 года риск мне показался слишком большим). При помощи лекарств и строгом режиме я пока ещё живу понемножку. Я и разъезжаю ещё поблизости, но только поездом.

В декабре 1998 года всю нашу семью настиг второй, гораздо больший удар: 2 декабря от рака умерла наша младшая сестра Лили. Она страдала уже с 1996 года от последствий операции молочной железы. Похороны состоялись 4 декабря 1998 года на кладбище Горн-Бад Майнберга. Присутствовало человек сто родных и знакомых. Я не буду подробно описывать эти похороны, я их описал в краткой биографии, которую я составил для внуков сестры, чтобы они свою бабушку не забыли.

После смерти сестры у нас с женой дело со здоровьем идёт постоянно под уклон. Паулина весь этот год сильно страдает от страшного сердцебиения. Болезни стали у нас темой № 1, хотя я всей силой сопротивляюсь этому и продолжаю заниматься генеалогией.

Горн-Бад Майнберг, 12 марта 1999 года.

Список источников

1. Государственный архив Саратовской области
2. Российский Государственный Исторический архив
3. Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области
4. Архив ЗАГСа Саратовской области
5. Архив ЗАГСа Марковского района Саратовской области
6. Церковные книги Евангелической церкви города Бюдингген
7. Рассказы моих родителей